БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ

М. БРОНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР

1 · 9 · 2 · 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

★ ★ ★ ★ ★ ★ БИБЛИОТЕКА ★ ★ ★ ★ ★ ★
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

М. БРОНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Гл. № А-14783. С. 11. Гиз № 26102.
Зак. № 1410. Тираж 5 000 экз.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ГРАНИ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из двух статей, написанных мною для «Социалистического хозяйства» и появившихся в книге V—VI 1927 г. и в книге III 1928 г. Работы эти об'единены общей темой: выяснения новых задач, стоящих перед Советским государством на грани второго десятилетия в области хозяйственного строительства, и борьбы как с идеологическими шатаниями внутри партии (троцкизм), так и взглядами враждебных нам буржуазных идеологов. Первая статья: «Проблемы экономической политики после десяти лет Октября» — излагая хозяйственные достижения за десять лет, проверяет правильность нашей политики, сопоставляя эти достижения с основными задачами, поставленными Октябрьским переворотом, дает отпор извращениям итогов десятилетия как со стороны кадетско-меньшевистской публицистики, так и троцкистской оппозиции. Вторая статья «Нео-капиталистическая идеология в советской экономической литературе», дает критический обзор капитулянтских настроений и взглядов советских экономистов на основные экономические проблемы в связи с возможными трудностями социалистического строительства настоящего времени. Отмежевание от этих взглядов, отражающих чаяния и настроения тех слоев населения, интересы которых противоречат наступательному движению социалистического строительства нашего государства, является необходимой предпосылкой для дальнейшей борьбы за социалистическое строительство.

Обе эти работы не претендуют на исчерпывающее решение всех сложных и труднейших проблем нашей экономической политики, выдвинутых в настоящее время требованиями жизни, требующих углубленных и самостоятельных исследований.

М. Бронский.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ 10 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

«Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму... Империалистическая война есть канун социалистической революции, и это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Ленин. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Сентябрь, 1917 г.

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН

Октябрьская революция была не только прорывом империалистического фронта, не только важнейшим шагом к ликвидации мировой войны, но, что важнее, была и наиболее целесообразным путем ликвидации последствий войны, наиболее последовательным способом восстановления производительных сил страны и, наконец, наиболее успешным путем борьбы с империализмом и порождающейся им военной опасностью.

Чем дальше мы отдаляемся от Октября 1917 г., тем больше выявляется сущность Октябрьской революции. Чем больше сравниваем послеоктябрьское развитие нашей страны с развитием крупных империалистических государств, тем более убеждаемся, несмотря на всякие недостатки и недочеты развития нашей страны, что как в области восстановления разрушенных войной производительных сил страны, так и в области предотвращения новых военных конфликтов и связанного с ними уничтожения безграничных культурных и производительных ценностей, путь Октября является единственным путем мира и развития производительных сил страны, и именно потому, что путь Октября — это путь к социализму.

Не только опыт восьми месяцев с февраля по октябрь 1917 г. в России, но и десятилетний опыт капиталистических стран, которые вышли из войны, убеждают нас в том, что в длительной исторической перспективе наиболее успешной формой борьбы с возможностями новых, более грандиозных империалистических войн со всей сопутствующей им разрухой был путь, указанный Лениным, путь социалистической революции против империалистической войны. Об этом достаточно красноречиво говорят два основных явления мирового хозяйства и мировой политики. На десятом году после окончания империалистической войны, закрепленного Версальским мирным договором, мировое хозяйство не может похвастаться большими успехами в смысле заполнения 15-летнего провала в развитии внешнеторговых отношений. Уровень мировой торговли, правда, превышает в денежном выражении довоенный уровень на 50—54% в 1927 г., но если принять во внимание, что индекс оптовых цен выше довоенного на 40—50% в среднем [1], то

[1] Индекс оптовых цен в 1927 г. в Англии — 144, Германии — 137,6, Голландии — 148, Канаде — 151,3, Норвегии — 160, США — 147, Японии — 170, Швейцарии — 148.

окажется, что этот высокий уровень мировой торговли почти целиком компенсируется повышением цен.

Но этим одним показателем не решается вопрос об «успехах» возрождения капиталистического хозяйства. За последние послевоенные годы в мировом капиталистическом хозяйстве произошли очень значительные изменения, которые показывают, что это возрождение капитализма чревато крупнейшими социальными бедствиями. Два характерных явления: усиленный рост производительных сил отдельных государств (США, Япония, Германия) идет за счет усиления пролетаризации населения и эксплоатации рабочего класса, т. е. за счет ослабления внутреннего рынка. Это толкает эти государства к стремительным поискам внешних рынков, таким образом, усиливается классовый антагонизм внутри капиталистических государств и возрождается империалистический антагонизм между государствами, в более резкой форме, чем это было до мировой войны. При сужении свободных территорий, могущих служить рынком сбыта этих возросших возможностей благодаря усилению самостоятельности колониальных и полуколониальных стран и существованию СССР, как борьба за новый передел этих территорий между государствами, так и борьба с этими странами является неизбежным последствием капиталистического возрождения. Классическим примером является борьба в Китае и борьба за Китай и подготовка к единому капиталистическому фронту против СССР. Одновременно с этим идет усиленный нажим на рабочий класс внутри каждой из капиталистических стран, что проявляется в фашизации, вытесняющей демократическую форму диктатуры капитала.

Эти два факта свидетельствуют о том, что капиталистический и социал-соглашательский путь ликвидации мировой войны и лечение ран, нанесенных войной, рассматривая это

с исторической перспективы, не предохранил и не может предохранить от новых военных конфликтов, а тем самым и от тех жертв, которые придется трудящимся массам этих стран выносить на своих плечах.

Если это несомненно для капиталистических стран Европы и Америки, то по отношению к России меньшевистско-капиталистический путь ликвидации войны и ее последствий означал бы ухудшение во много раз того положения, в котором находилась страна до войны.

«Ведь не подлежит сомнению, — писал в тайной докладной записке царю в феврале 1914 г. бывший царский министр Дурново, — что война требует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немногое, что может удаться с нее урезать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь после крушения германского могущества мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая вследствие победы политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот, неизбежно даже после

победоносного окончания войны, мы попадем в такую финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом» [1].

Так оценивал перспективы положения страны после победоносной войны царский министр Дурново. Он и не смел думать о последствиях поражения, хотя он, как из всей его записки видно, едва ли мог мечтать и о победе: «не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно». Полный развал всего нашего народного хозяйства — вот что видел перед собой Дурново; и если мы сравним то, что удалось Октябрьской революции сделать в нашей стране при военном поражении, которое было явно и неизбежно уже в 1916 году, то преимущества методов Октябрьской революции в борьбе за восстановление страны после военного разгрома достаточно убедительны. Правда, для того, чтобы эти методы сделались убедительными даже для врагов Октябрьской революции, для этого потребовались грандиозные усилия носителей Октябрьской революции и несколько лет гражданской войны с классовыми врагами.

Разумеется, что в эти годы хозяйственная разруха углублялась, производительные силы падали, так как все усилия были направлены не на восстановление хозяйства страны, а на борьбу с врагами, и только после победоносного окончания гражданской войны можно было заняться непосредственно задачами хозяйственного строительства. Фактически только на пятом году Октябрьской революции можно было приступить к восстановительным работам, и в течение последующих пяти лет был окончен так называемый восста-

---

[1] Впервые целиком напечатано в кн. VI «Красной нови» за 1922 г., с предисловием тов. М. Павловича.

новительный период нашего хозяйства, доведший состояние производительных сил нашей страны до довоенного уровня.

До какой степени хозяйственного развала довела страну необходимость бороться против классовых врагов пролетариата и крестьянства и с какого уровня пришлось подымать производительные силы страны указывают следующие данные о производстве промышленности в 1920 г. на территории СССР:

Производство в 1920 г. на территории СССР[1].

	В тыс. тонн	В % к дор. произв.
Каменного угля	7 641	26,6
Нефти	3 830	41,6
Железной руды	160	1,7
Чугуна	115	2,7
Хлоп.-бум. изд.	13,5	4,7
Льняной пряжи	13,1	26,5
Сахара	78	5,3
Бумаги	30,9	24,2
Спирта (в млн. литр.)	36	1,7

Ни одна из стран, принимавших участие в войне, не дошла до такого падения промышленного производства, как наша страна. Промышленное производство в организационном отношении велось крайне неудовлетворительно: происходила очень непроизводительная растрата капитала, — годовая выработка рабочего, работающего в неслыханных условиях голода и холода в каменноугольных копях, стала в четыре раза меньше, чем до войны, и притом половина всего добываемого угля расходовалась тут же на месте, тогда как до войны на собственные нужды расходовалось только 8% добычи. Еще хуже обстояло дело в железнодорожном и водном транспорте: грузооборот сократился до

[1] По данным Кон'юнктурного института. См. «Экономический бюллетень К. И.» № 10, 1927 г., Финиздат.

24,9%, средне-суточный пробег товарного вагона дошел до 50%, процент больных паровозов увеличился почти в четыре раза, а вагонов — в пять раз, и т. п.[1]. И сельское хозяйство обнаружило признаки упадка, хотя и в меньшей степени, нежели промышленность. Сельское хозяйство, наряду с деградацией, в этот период переживает также и процесс натурализации. Происходит значительный отрыв деревни от города, обострение продовольственных затруднений города и вызванный этим уход промышленных рабочих в деревню.

Повторяем, ни одна из стран, принимавших участие в войне, не дошла до такого упадка своего хозяйства, как наша, и все-таки нам удалось из этого упадка к 1927 году выйти на широкую дорогу экономического развития нашей страны, достигнув довоенного уровня, а в некоторых областях превысив его. Это ухудшение положения нашей страны после Октября было той ценой, которую пришлось уплатить Октябрьской революции за возможность восстановления и развития нашего хозяйства по социалистическому пути. Политика военного коммунизма была экономической политикой гражданской войны, и после окончания гражданской войны можно было перейти к другим методам, свойственным советскому хозяйству в сравнительно мирных условиях хозяйствования.

Результаты новой экономической политики, пришедшей на смену военному коммунизму, налицо и не опорочиваются даже самыми злейшими нашими врагами. «Мы будем исходить от признания, — пишет меньшевик А. Югов в статье от 20 октября, посвященной десятилетию Октября [2], — что через 10 лет после революции, совершенной под давлением

---

[1] Там же, стр. 3.

[2] «Основные проблемы советского народного хозяйства», «Соц. вестник» № 20, 1927 г.

скованных производительных сил и неудовлетворенных потребностей, достигнут наконец довоенный уровень».

Признавая довоенный уровень, Югов не был бы меньшевиком, если бы не совершил маленькой передержки. Он не прибавил то, о чем мы говорили выше, что пришлось около пяти лет потратить на борьбу с классовыми врагами пролетариата за право «расковать» производительные силы и что к тем силам, с которыми пришлось Советскому государству бороться, принадлежал Югов и его единомышленники. Правда, эти достижения его все еще не удовлетворяют; у него и у его единомышленников имеются в запасе несомненно более «успешные» методы развития производительных сил страны и в особенности усиления социально-политической мощи пролетариата, о чем свидетельствует, напр., деятельность его политических друзей в Германии, Австрии и в особенности в Англии! Но где же нам сравняться хотя бы с английскими успехами и достижениями!

Не в пример царскому министру Дурново, он убежден, что война не принесла никаких изменений в международном положении нашей страны, а так как последние годы перед войной темп роста русской промышленности был очень велик, «благодаря тому, что в страну за эти годы притекло до двух млрд. иностранного капитала и что внутри страны был очень быстрый рост накопления, главным образом, в сельском хозяйстве», то восстановление народного хозяйства в довоенных условиях во всем его масштабе без Октября, по мнению Югова, наверное ускорило бы темп роста промышленного и сельскохозяйственного производства.

Но в том-то и разница между контрреволюционерами типа Дурново и контрреволюционерами меньшевистского пошиба, что первые предвидели реальные изменения социально-политических условий, которые несет с собой империалистическая война, а вторые скрывают их перед пролетарскими массами. Для Дурново ясно, что даже победа в импе-

риалистической войне значительно ухудшила бы международное и социально-экономическое положение царской России и не позволило бы продолжать такого роста промышленного производства и особенно такого обильного притока иностранного капитала, каким характеризовался период довоенный. Для меньшевика Югова довоенные условия роста России являются идеалом и по сей день. И поэтому он не учитывает того социально-политического прогресса, который произошел в результате изжития империалистической войны методами Октябрьской революции.

В этом отношении более справедлив правый сосед меньшевика Югова в контрреволюционном лагере — С. О. Загорский из милюковского Республиканско-демократического союза. В книжке, изданной в 1927 г. под заглавием «К социализму или капитализму» [1], Загорский пишет:

> «Советская власть выполнила свою об'ективную миссию — она завершила социальную революцию в России. Не ту, которую она демагогически обещала массам, а ту, которая нужна была России для ее дальнейшего экономического и политического развития».

Мы в дальнейшем разберем более детально ту основную проблему, которую поставил Загорский в своей книжке и на которую он дает свой ответ. Здесь достаточно будет только подчеркнуть то «прогрессивно-историческое», которое в Октябрьской революции признает и милюковец, буржуазный демократ, когда он говорит, что советская власть расчистила дорогу для дальнейшего экономического и политического развития. Он только забывает сказать, что она сделала это в

[1] С. О. Загорский, «К социализму или капитализму». Библиотека «Свободной России». Изд. Республиканского демократического союза. См. критику этого сочинения: А. Зайцев, «По поводу одного «анализа» нашей экономики». «Большевик» № 5, 1927 г.

борьбе со всеми политическими группировками от меньшевиков до крайних черносотенцев, в борьбе с классовыми врагами, оформленными во враждебные капиталистические государства, опираясь в этой борьбе на значительное большинство трудящегося населения страны и неоспоримые симпатии трудящихся масс и угнетенных национальностей всего мира.

Если бы Октябрьская революция даже ничего больше не сделала, кроме того, что признается заклятыми врагами ее, если она сделала то, что другие сделать не могли, то и этого было достаточно для исторического оправдания Октября и всей той борьбы, которую пришлось проделать всему октябрьскому поколению по сегодняшний день.

Но Октябрьская революция сделала во много раз больше того, что признают буржуазные и псевдо-социалистические контрреволюционеры, и, что самое важное, сделала это она потому, что борьбу за дальнейшее экономическое и политическое развитие страны вела как борьбу за социалистическое строительство.

> «Чтобы быть действительно революционной, — писал Ленин в сентябре 1917 г., — демократия современной России должна итти в полнейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного, до конца революционного класса...»
>
> «Война создала такой необ'ятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства». (Ленин, т. XIV, ч. 2, «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».)

В Октябре 1917 г. «человечество» на территории бывшей царской империи вручило свою судьбу самому революционному классу — пролетариату, который, вырвав крестьянство из-под влияния буржуазии, сделал шаг вперед к социализму, отбросив в сторону всех тех, которые этого шага не решались сделать. Благодаря этому шагу и был очищен путь для «дальнейшего экономического и политического развития страны».

После десяти лет этой важнейшей исторической работы производится открытая, явная, массовая проверка пройденного пути, идет грандиознейшей важности исторический спор: куда идем — к капитализму или к социализму. Об этом спорят среди ученых, об этом спорят на политических собраниях, это есть спор двух классов во всех государствах всех национальностей, спор, который в разных местах вышел уже из дискуссионных клубов, парламентов, политических собраний на улицу, — спор, который решается и статистикой, и политическим голосованием, и уличной революционной борьбой.

II. ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ КАДЕТСКО-МЕНЬШЕВИСТСКИХ ПОЛИТИКОВ

Этот спор не нов. Теоретическая дискуссия о характере русской революции велась с февраля по октябрь 1917 г. и продолжала быть основным содержанием борьбы и дальше во весь период гражданской войны. Из теоретических разногласий между большевиками и меньшевиками спор этот перешел в фактическую борьбу на улицу и решался другими аргументами. В этом споре меньшевики перешли вместе с буржуазией на другую сторону баррикад и были биты. Вновь они пробовали взять реванш после введения новой экономической политики, в которой все враги Октября, начиная от левого меньшевика Мартова вплоть до Шульгина,

вождя черносотенцев, видели «банкротство социалистического эксперимента» и доказательство правоты своей точки зрения. Мы не будем здесь приводить выдержки из критических изречений по этому поводу, какие появились в белогвардейской и меньшевистской литературе, и давать им оценку. Это сделано уже много раз и достаточно вразумительно [1]. Мы хотели бы только разобраться в аргументах наших противников в связи с успехами нашего хозяйственного строительства к 10-летию Октября, которые (т. е. успехи), как выше было указано, признаются и нашими противниками, но связываются с доказательством того, что если несомненен рост хозяйства нашей страны, то он говорит будто бы не в пользу советской власти и большевистской идеологии, ибо он является ростом капиталистических отношений, а не социалистических.

> «За последние 5 лет, — пишет выше цитированный С. О. Загорский, — вновь восстановлены почти все старые общественные классы, составляющие характерную черту и основу буржуазно-капиталистического строя. Исчез навсегда дворянский помещичий класс. Земельная собственность подверглась перераспределению, но класс мелких землевладельцев численно вырос и укрепился. Частная земельная собственность окончательно перестала быть привилегией какой бы то ни было общественной группы, она демократизирована, и именно поэтому собственнические начала в земельных отношениях стали сильнее. В де-

[1] См. статью тов. Бухарина «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства СССР», в которой собраны все важнейшие изречения и дан блестящий их анализ. См. Н. Бухарин, «В защиту пролетарской диктатуры». Гиз, 1928 г.

ревне происходит никем более не оспариваемый процесс образования крепкой крестьянской буржуазии, у которой чем далее, тем все более исчезают остатки «мирской психологии» [1].

В дальнейшем тот же самый автор указывает, что:

«... наряду с крестьянством и мелкой буржуазией в городе вновь вырос и более крупный буржуазно-капиталистический класс — представитель торгового и денежного капитала».

Словом, советская власть завершила социальную революцию в России, как убежден Загорский, но не ту, которую «демагогически обещали большевики», а совсем другую — буржуазную. Советская власть, по его мнению:

«вызвала к жизни новую буржуазию, она создала в лице прежде всего крестьянства, а затем и советской интеллигенции, чиновничества, части хозяйственников ту мелкую буржуазию в подлинном смысле, те средние классы, отсутствие которых составляло ранее слабость общественного экономического и политического уклада России» [2].

Итак, советская политика заложила основы господства мелкой буржуазной демократии. И если что-нибудь этому буржуазному демократическому последышу не нравится в политике советской власти и чем болеет он душой, то, разумеется, только тем, что хуже всего обделен большевиками рабочий класс.

«Из большевистской революции, — говорит Загорский, — рабочий класс вышел наиболее пострадавшим...

[1] См. выше цитированную книгу, стр. 292—293.

[2] Там же, стр. 304.

> Потерпев поражение в социальной революции, наказанный сверх меры за свои иллюзии, рабочий класс — единственный, оказавшийся с пустыми руками в результате советской революции»... Рабочий класс мечтал «об осуществлении нового строя, основанного на его господстве и в экономическом и в государственном управлении». И что же оказалось: «все отчасти проведенные, отчасти намеченные реформы означают для рабочего класса дальнейшее урезывание тех привилегий и тех социальных завоеваний, которые были сделаны в процессе революции» [1].

И это он говорит, зная досконально, что на Западе, в капиталистических государствах идет неслыханное ухудшение условий жизни рабочего класса, что отменены даже самые минимальные социально-политические достижения, отменен 8-часовой рабочий день, в то время как у нас повышается зарплата, вводится 7-часовой рабочий день и т. п.

Вот основная концепция милюковца Загорского, которая ничем не отличается от концепции меньшевиков и которая в основных линиях воспринимается также и троцкистской оппозицией. Недаром тот же самый Загорский постоянно ссылается на Преображенского и заявляет, что «к этому выводу уже пришли известные круги коммунистов».

Меньшевики со своей стороны, кроме всех выше цитированных аргументов, имеют еще один аргумент в запасе, доказывающий якобы то, что социалистический эксперимент большевиков целиком провалился: это — неспособность советского хозяйства организовать плановое хозяйство. Какое же это социалистическое строительство, которое не может из советского хозяйства создать организованную систему?!.

---

[1] Там же, стр. 298—299.

«Для марксиста, — пишет Югов, — общеизвестно, что законченное плановое хозяйство (подчеркнуто мною. — *М. Б.*) может быть осуществлено лишь в условиях социалистического хозяйства».

Если капиталистический строй, говорит он дальше, через свои громадные монополистические хозяйственные организмы—тресты и концерны—вносит «некоторую организованность в целые отрасли производства или сбыта», то все же эти организации не создают из капиталистического хозяйства хозяйства планового. Но советское хозяйство даже и этих элементарных «зачатков плановости» не может ввести, ибо:

«как всякому экономисту ясно, что даже эти зачатки плановости, первые попытки организованного руководства отраслями производства и сбыта, стали возможны лишь на очень высоком уровне развития и организации хозяйства».

Но этого как раз в стране Советов, по мнению Югова и меньшевиков, и нет, и он пишет, что:

«Отвлекаясь от пороков советской организации управления, приходится признать, что поставленная задача и невыполнима, так как в русских условиях попытка построить единое плановое хозяйство — утопия, которая неизбежно должна быть сорвана стихией».

И он в дальнейшем указывает на просчеты 1925/26 г., на товарный голод 1926/27 г., на кризисные явления в нашем хозяйстве и т. п.

«Можно ли гордиться, — пишет он, — отсутствием кризисов в России, когда ежегодно при сокращениях

выбрасываются десятки тысяч рабочих и служащих, когда число безработных неудержимо растет, когда крестьянство из-за диспропорции в ценах временно во время кризисов было вынуждено переходить к натуральному хозяйству, а от зерновых культур к техническим и обратно, когда деревня выбрасывает в город миллионы избыточного голодного населения, им не осваиваемого, и когда реальная плата колеблется каждые несколько месяцев? Все эти просчеты, диспропорции и ошибки плана лишь советский псевдоним тех явлений, которые обычно называются экономическими кризисами».

Так говорит меньшевик Югов и уже наперед обеспечивает себе отход на вторые позиции, заявляя, что если будут достигнуты «даже самые большие успехи в этой области, они лишь упорядочат, внесут учет, рационализацию в промышленных и торговых предприятиях, — но они не сделают из советского хозяйства планового хозяйства», так как, по его мнению, «в современной России нет необходимейших предпосылок».

III. ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЕЕ ПУТИ «СПАСЕНИЯ» ДОСТИЖЕНИЙ ОКТЯБРЯ

К этому контрреволюционному, буржуазно-меньшевистскому хору присоединилась и троцкистская оппозиция. Теоретические истоки этих взглядов, если отвлечься от апрельской конференции 1917 г. и октябрьского «штрейкбрехерства» Каменева и Зиновьева, проявились особенно резко после введения новой экономической политики в 1921 г. на X с'езде партии и оформились тогда в так называемую рабочую оппозицию. Они проявили себя в дискуссии 1923 г. и, наконец, получили свое полное идеологическое и органи-

зационное оформление в 1925 г. на XIV с'езде партии [1]. Начиная с XIV партийного с'езда, троцкистская оппозиция в дальнейшем своем развитии вышла далеко за рамки отдельных критических замечаний по отдельным вопросам нашей хозяйственной политики, приняв в основном вышеизложенные положения меньшевистско-буржуазной контрреволюции, хотя, разумеется, и расходящиеся в политических выводах. Подробнее об этом мы коснемся ниже, теперь же интересно установить в некоторых существенных пунктах платформы троцкистской оппозиции единый фронт с антиоктябрьскими противниками социалистических «экспериментов» в России.

Послушаем критику троцкистской оппозиции:

> «Сращивание кулака, частника, буржуазного интеллигента с многочисленными звеньями не только государственной, но и партийной бюрократии есть самый несомненный и вместе с тем самый тревожный процесс нашей общественной жизни. Отсюда возникают зародыши двоевластия, угрожающего диктатуре пролетариата» [2].

Вот что заметила троцкистская оппозиция на десятом году Октября и что формулирует она в своих контртезисах о пятилетнем плане народного хозяйства. Милюковец З а г о р с к и й констатировал восстановление почти всех старых общественных классов. Троцкистская оппозиция видит не только восстановление этих классов, но их об'единение, сращивание и образование из н и х «з а р о д ы ш а н о в о й в л а с т и, начала двоевластия, упрожающего диктатуре пролетариата». В дальнейшем они находят э к о н о м и ч е-

---

[1] См. нашу статью «Об экономической платформе оппозиции», «Социалистическое хозяйство», кн. 5, 1926 г.

[2] См. «Правду» от 17 ноября 1927 г. Дискуссионный листок № 5, контртезисы.

ские источники возрождающейся новой власти. Первое, что они заметили и что старательно выпячивают, — это то, что:

> «Капитализм в деревне растет и абсолютно и относительно, растет с большой быстротой и с каждым днем увеличивается зависимость Советского государства и его промышленности от сырьевых и экспортных ресурсов зажиточно-кулацкой части деревни».

А так как государственная промышленность не может развиваться, не опираясь на сырьевую базу внутри страны, не может расти и развивать новое строительство без импорта оборудования из-за границы, сырьевые же и экспортные ресурсы находятся в руках кулацкой части деревни, то, по мнению троцкистской оппозиции, остается сделать только один вывод, что капитализм регулирует наше промышленное строительство, а так как произошло сращение кулака, частника и буржуазного интеллигента и т. д., то фактически хозяйственной политикой государства руководит этот зародыш новой власти, т. е. возрожденная буржуазия. Так в этих контртезисах и говорится:

> «За последние годы кулак все крепче нажимал на бедноту в деревне и на государственную власть в городе, вынуждая ее менять свои хозяйственные планы и расчеты».

Если же выросла новая буржуазия, выросли капиталистические отношения и благодаря абсолютному и относительному росту капитализма в городе и в деревне произошло не только усиление политического самосознания буржуазных элементов, но и усиление ее фактических возможностей руководить хозяйственной политикой страны, то кто

же на этом потерял, кто же за период революции сдал свои октябрьские позиции? Нам известно мнение Загорского и меньшевиков в этом вопросе: Загорский, милюковец, политический сподвижник единого контрреволюционного фронта в прошлом, проливает свои крокодиловы слезы на поражении, будто бы понесенном в революции рабочим классом. Меньшевики, с Юговым во главе, плачутся по поводу ослабления классовой защиты и ухудшения материального положения рабочего класса, в особенности в связи с постоянными кризисами, во время которых «десятки тысяч рабочих и служащих выбрасываются на улицу».

Что же пишет троцкистская оппозиция в своих контртезисах?

> «Рост заработной платы отстает от роста производительности труда. Напряженность труда растет, нагрузка на мускулы рабочего повышается. Безработные прямо или косвенно ложатся на бюджет рабочего. Производимая ныне рационализация производства неизбежно ухудшает положение рабочего класса, поскольку не сопровождается таким развертыванием промышленности, транспорта и пр., которое поглощало бы увольняемых рабочих. Особенно трудным является материальное положение чернорабочих, сезонных рабочих, женщин и подростков».

И в довершение всего для вящшего доказательства более тесной связи с меньшевистско-буржуазной критикой, троцкистская оппозиция не может обойти молчанием вопроса о безработице.

> «2 миллиона безработных в городах и 1 миллиард пудов неиспользованных хлебных запасов в деревне — это наиболее яркая и наглядная картина тех противоречий, перед которыми стоит наше хозяйство и

которые в огромной степени накоплены в результате ошибок теперешнего руководства».

Правда, этого миллиарда пудов хлебных запасов буржуазные критики не упоминают и, может быть, хорошо делают, что не упоминают. Они более осторожны, чем троцкистская оппозиция; но если так противопоставлять один миллиард пудов хлебных запасов в деревне двум миллионам безработных в городе, то неискушенный в полемическо-демагогических изречениях читатель мог бы спросить: «в самом деле, почему бы этим миллиардом пудов хлеба не накормить двух миллионов безработных», — тем паче, что в дальнейшем троцкистские тезисы так и формулируют:

«Что такое безработица при государственном хозяйстве? Это прежде всего — недостаток новых средств производства, нового капитала у государства.

«А что такое миллиард пудов неиспользованных хлебных запасов?

«Это — мертвый капитал советского общества, находящийся в руках, главным образом, зажиточно-кулацких слоев деревни».

Итак, у Советского государства имеется мертвый капитал в миллиард пудов хлеба, который очень легко превратить в новые средства производства, в новый государственный капитал. И если Советское государство не может этого сделать, то этим только доказывается, что партия, руководящая Советским государством, находится целиком во власти элементов зажиточно-кулацких слоев деревни, в интересах которых отнюдь не лежит превращение ихнего миллиарда пудов хлеба в государственный капитал Не такова оппозиция.

«Оппозиция ни на одну минуту не поколебалась бы взять на себя обяза-

тельство провести в жизнь этот план в качестве одной из составных частей своей общей программы выхода из кризиса».

Какой план? Превратить миллиард пудов неиспользованных хлебных запасов в новые средства производства? Нет, этого даже оппозиция, известная своим «геройством», не предполагает сделать. Из этого миллиарда она хочет взять только сто пятьдесят миллионов пудов хлеба! Всего 15%! И вот эти сто пятьдесят миллионов пудов хлеба

«дали бы нам новых средств производства на сотни миллионов рублей (считая эти средства производства в наших внутренних ценах). Этот огромный новый капитал дал бы возможность занять многие десятки тысяч безработных, выбросить на рынок на сотни миллионов добавочных товарных масс и дать мощный толчок развитию всего хозяйства».

Так промогласно заявляет оппозиция! Оставим в стороне вопрос о том, как это 150 млн. пудов хлеба могут дать новых средств производства на сотни миллионов рублей, ибо если продать эти 150 млн. пудов, то в самом лучшем случае (не считая накладных расходов по из'ятию, по транспорту и т. п.) получится не больше ста пятидесяти миллионов рублей. Если же на эти 150 млн. рублей закупить за границей орудия производства и уплатить расходы по транспорту, расходы по установке и т. п., то едва ли можно будет получить средств производства «на сотни миллионов рублей», даже если считать, как это в обеспечение проверки расчетов пишут контртезисы, «в наших внутренних ценах», которые, как известно, выше довоенных золотых цен.

Напомним еще вскользь о том, что те же самые контртезисы предлагают употребить эти сто пятьдесят миллионов

пудов хлеба не только на орудия производства, ибо в абзаце 8-м они пишут:

> «Первый выход — это предлагаемый оппозицией обязательный хлебный заем у 10% зажиточно-кулацких дворов деревни в размере 150—200 млн. пудов. По удовлетворении потребности городов этот хлеб вывозится за границу и на вырученные валюты закупается добавочное количество сырья и оборудования для промышленности и, таким образом, создаются внутри страны добавочные массы товаров для сокращения товарного голода в деревне и продовольственной неурядицы в городе».

Итак, эти 150 млн. пудов хлеба и должны, во-первых, удовлетворить потребности городов в продовольствии, чтобы ликвидировать «продовольственную неурядицу», как изволят определять оппозиционеры временные перебои в снабжении пшеничной мукой и сливочным маслом. Дальше нужно обеспечить привоз добавочного количества сырья для увеличения производства хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Ста пятьюдесятью миллионами пудов хлеба, да еще хлеба, находящегося в крестьянских дворах, а не в элеваторах, увеличить количество «на сотни миллионов рублей» новых орудий производства, ликвидировать и «продовольственные неурядицы», и товарный голод, и двухмиллионную безработицу — для этого уж действительно нужна не только смелость, но и «ответственность», какой издавна известна оппозиция во всех своих генеалогических разветвлениях. Но повторяем, даже если бы эти 150 млн. пудов хлеба можно было получить в срочном порядке, — так, как предлагает оппозиция, то и тогда не все можно будет сделать из того, что предлагает оппозиция. Но не в этом центр тяжести вопроса, а в следующем: 1) какими пу-

тями хочет оппозиция спасти Советское государство, спасти диктатуру пролетариата, задержать образование двоевластия, ослабить и сдержать рост капитализма в городе и в деревне, вытеснить кулака и частника и радикально повернуть линию развития нашего хозяйства, явно «идущую по линии капитализма», на «большевистский-ленинский» путь к социализму и 2) что составляет основное содержание новой программы оппозиции.

И здесь мы подходим к конкретным политическим выводам, которые нам к 10-летию Октября преподносят и милюковцы, и меньшевики, и новоявленные «большевики-ленинцы» с троцкистами во главе. У милюковцев и у меньшевиков проблема довольна ясная. Загорский, например, в выше цитируемой книге, констатируя, что советская политика, а не какая-нибудь милюковская или меньшевистская или даже эсеровская политика, а именно большевистская политика, выполнила «об'ективную миссию, которая нужна была России для ее дальнейшего экономического и политического развития», заложила основы господства буржуазной демократии, т. е. фактически исполнила то, к чему якобы стремились и кадеты, и эсеры, и меньшевики, — любезно предлагает: «пожалуйста, уйдите»:

> «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти... потому что вне свободного развития этой мелкой буржуазии, вне ее хозяйственной и политической свободы нет дальнейшего развития страны».

Такую же политическую «директиву» по отношению к советской власти, но выражаясь другими словами, дают и меньшевики. Они того же самого мнения, что и милюковец Загорский:

> «Советская политика, не будучи в состоянии осуществить ни социализма, ни планового хозяйства, ни индустриализации, об'ективно лишь способствует

насаждению в России низших форм хозяйственной жизни и задерживает развитие производительных сил там, где новые, высшие формы стихийно пробивают себе дорогу» (Ютов).

Мы дальше увидим, насколько вся эта «критика» и все эти «директивы» согласованы с... действительностью. Пока же мы хотим только выяснить, к каким политическим выводам приходят после десяти лет существования советской власти ее враги.

Какие же конкретные политические директивы руководящей партии Советского государства преподносят троцкисты? Если внимательно разобрать все практические предложения как в области политики по отношению к крестьянству в целом и отдельным его группам, так и в области хозяйственного плана, налоговой политики, индустриализации, политики цен и т. п., если к этому прибавить обвинения в перерождении руководящей государством партии и вспомнить утверждения оппозиции о том, что фактически руководят хозяйственной политикой страны возродившиеся капиталистические элементы, образующие новую власть, то вывод, который отсюда можно и необходимо сделать, будет один: устроить «клемансистский переворот», и вести политику, очень мало отличающуюся от политики военного коммунизма. Только так можно понять все те требования и предложения, которые вносятся контртезисами троцкистской оппозиции по всем решительно вопросам нашего государственного и хозяйственного руководства. Если некоторые из их требований по сути дела означают возврат к военному коммунизму, то остальные во всей их совокупности означают требования, которые можно только выставить по отношению к классово-враждебному государству. Оппозиция исходит из необходимости защищать интересы рабочего класса по отношению к государству, которое якобы защищает

интересы «рабочего государства», а по сути дела буржуазных слоев его за счет рабочего класса. Ясно, что такое государство — не рабочее государство, и против такого государства нужно вести борьбу за его свержение и превращение его в действительно социалистическое пролетарское государство. Вот, в сущности, содержание предлагаемых мероприятий в контртезисах троцкистской оппозиции, которые «оппозиция ни на одну минуту не поколебалась бы взять на себя обязательство провести в жизнь».

Оппозиция предлагает «обязательный», т. е. принудительный хлебный заем у 10% зажиточно-кулацких дворов деревни в размере ста пятидесяти — двухсот миллионов пудов. Что означает принудительный хлебный заем? Если рассматривать это с точки зрения существующих рыночных отношений и денежно-товарного обращения, это означает, что правительство и его руководящая партия считают товар в хлебной его форме ценнее наших денег.

Но ведь наши деньги после проведения денежной реформы являются полноценными деньгами, и пока они являются стабильными деньгами, они являются представителями товаров. Сама же оппозиция обеспокоена некоторыми явлениями обесценения денег и требует: «обеспечить безусловную устойчивость денежной единицы» и для укрепления этой устойчивости она требует «бездефицитности бюджета» и возражает против «использования эмиссии для покрытия бюджетного дефицита». Не важно то, что это требование оппозиции списано со многих резолюций партийных с'ездов, конференций и т. д., а важно то, что, подтверждая этим самым основную задачу стабильной, полноценной валюты быть репрезентантом товара, оппозиция тут же, в тех же самых контртезисах вносит предложение, идущее вразрез с этим основным требованием стабильности валюты, ибо хлебный заем, а не денежный заем (оставляя пока в стороне вопрос о принудительности хлебного займа), означает,

в сущности, дисквалификацию нашей валюты в глазах всего народа. Если правительство обращается к населению с предложением натурального хлебного займа, то это означает, что для государства и правительственной партии хлеб важнее денег, т. е. товар важнее государственных денег, за которые можно получить любой товар, к чему и должна служить политика стабильности нашей валюты. Стремиться к укреплению валюты и одновременно проводить натуральные займы, это могут защищать только те, которые или не понимают значения своих требований, или же сознательно хотят через обесценение валюты дискредитировать советскую власть.

И дальше. Если об'единить программные требования оппозиции по вопросу о бездефицитности бюджетов, о налоговой политике и индустриализации, то получится то же самое явление. Оппозиция заявляет, «что налоговые средства не могут покрыть все возрастающие требования народного хозяйства». Это несомненно. Но что же она предлагает? Как известно, большую роль в доходной части нашего бюджета играет косвенный налог. Оппозиция требует «снижения удельного веса косвенных налогов». Это, в свою очередь, означает усиление удельного веса или прямых налогов, или неналоговых доходов, или того и другого вместе. Прямые налоги частью получаются от нетрудовых элементов, частью же от государственных, кооперативных предприятий и трудящихся элементов нашего государства. В количественном отношении прямые налоги, получаемые от нетрудовых элементов, очень незначительны.

По данным комиссии Совнаркома по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения [1], общая сумма прямых и косвенных платежей в 1924/25 г. городско-

[1] См. доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения СССР в 1924/25 и 1925/26 гг. Финиздат, 1927 г., стр. 37.

го буржуазного населения составляла 160,5 млн. руб., в 1925/26 г. — 213,5 млн. руб. Если даже к этому прибавить налоговые платежи земледельческой буржуазии (т. е. крестьян, нанимающих сроковых рабочих), составившие для 1924/25 г. 119,8 млн. руб., а для 1925/26 г. — 139,4 млн. руб., то получится в общей сложности налоговых платежей буржуазии в 1924/25 г. 280,3 млн. руб. и в 1925/26 г. — 352,9 млн. руб., что составляет ровным счетом едва ¼ часть всех налоговых поступлений по прямому и косвенному обложению. Если даже в два или в три раза увеличить это налоговое обложение, то оно может для одного года дать увеличение на несколько сот миллионов рублей, но это неминуемо связано с ликвидацией этого источника для следующего бюджетного года, и тогда чем прикажете заполнить государственную казну, когда необходимы будут средства для перераспределения их на нужды хозяйства страны? Придется возвратиться к тем же самым налоговым методам, т. е. к прямому и косвенному обложению, ибо ведь нельзя же предположить, что можно с одной стороны вытеснять частника и кулака, вырвать у него из-под ног материальный базис его налоговой платежеспособности, а с другой стороны, — базировать рост государственного бюджета не на налоговых поступлениях. Прямые налоги могут расти только соответственно росту народного хозяйства, неналоговые источники, т. е. доходы от государственных предприятий, банков, госторговли и т. п. имуществ, ограничены, ибо внутренние потребности этих государственных предприятий в собственных средствах очень значительны. Косвенные же налоги в наших условиях играют совершенно иную роль, нежели в капиталистических государствах, и именно как раз меньшевики, отрицающие пролетарский характер нашего государства, демагогически тычут нам в нос рост косвенных налогов, забывая о том, что в пролетарском государстве, в котором буржуазные эле-

менты были в Октябре 1917 г. начисто обложены прямым налогом, на все 100%, и продолжают облагаться прогрессивным налогом, косвенные налоги являются таким же самым орудием перераспределения национального дохода в сторону социалистического сектора, как и вся налоговая система. Изменение по линии косвенных налогов может и должно пойти по линии у т о ч н е н и я налогового обложения, в направлении развития потребления населения, но ни в коем случае не может быть допущено изменение политики по линии сокращения государственных доходов, ибо это означало бы ослабление доходных поступлений из национального накопления, которые нам будут еще долго нужны и после того, когда капиталистические элементы будут настолько ничтожны, что на их обложении никаких проектов реконструкции нашего хозяйства базировать нельзя будет.

Вся концепция оппозиции опирается на то предположение, что у нас не пролетарское государство. И поэтому все расходы, связанные с ростом индустриализации, с повышением благосостояния рабочего класса, улучшения социального обеспечения, расходы по борьбе с безработицей и т. д. должен нести класс буржуазии, а не пролетариат. Словом, так, как это полагается по старой марксистской революционной тактике в «капиталистических государствах»!

Та же самая аргументация встречается у оппозиции во всех конкретных предложениях распределения средств без всякого учета как практической возможности, так и экономической целесообразности и политических результатов.

Вопрос о правильном перераспределении национального дохода с учетом взаимной увязки отдельных отраслей народного хозяйства и социально-культурных нужд, т. е. та основная задача, которая стоит перед Советским государством и разрешение которой необходимо для обеспечения бескризисного развития народного хозяйства, для укрепле-

ния союза рабочего класса с большинством крестьянского населения и т. п., словом, все эти вопросы социально-политического и экономического порядка не существуют для оппозиции; их требования, это — требования, которые могут и должны быть выставлены по отношению к классово-враждебному государству и которые по сути дела означают не что иное, как мобилизацию социальных сил для революционного переворота.

Но какие же перспективы для такого социального переворота? И чем эта концепция по сути дела отличается от концепции меньшевистско-буржуазно-демократической? Троцкистская оппозиция совместно с меньшевиками и милюковцами исходит из того положения, что экономическая отсталость страны не позволяет строить социализма в нашей стране и что десятилетний опыт показал, что не только невозможно *построить*, но что все хозяйственное строительство привело к возрождению капиталистических группировок. Исходя из этого, буржуазно-меньшевистская контрреволюция стремится свергнуть большевистскую власть, чтобы оформить мелкобуржуазную демократию, *на базе которой* единственно возможен под'ем производительных сил, а вместе с этим и рост пролетариата. Как ни фантастична эта концепция, но она по-своему логична.

А чего требуют троцкисты? Нового октябрьского переворота, возвращения к военному коммунизму? Но разве после этого переворота экономическая отсталость нашей страны будет изжита? Возможно ли тогда построение социализма? Разумеется, нет, ибо «без государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс в России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (Троцкий).

Вот теоретическая база троцкистской оппозиции. Безнадежность и бесперспективность этой политики бьет в глаза.

Перспектива социально-авантюристических эскапад, если это можно назвать перспективой, и поэтому не так далек от правды Милюков, который в статье от 4 ноября парижской газеты, озаглавленной «Советский брюмер», пишет: «В случае победы Троцкого — победы, как уже указано, возможной лишь путем насильственного переворота, более вероятны безнадежные эксперименты в «коммунистическом» и «пролетарском» духе, — но зато, весьма возможно, откроется более широкое поприще для политической борьбы разных общественных сил, т. е. для так называемой третьей силы!»

Таковы перспективы наших критиков, такова оценка наших достижений и наших трудностей, воспринимаемых разными группами антибольшевистских течений.

Каковы же в действительности наши достижения и наши трудности к десятилетию Октября?

IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПЛАНИРОВАНИЯ

Вопросы планирования народного хозяйства стояли на повестке дня сейчас же после Октября и, вместе с вопросом об укреплении и удержании связи с большинством крестьянства, являлись важнейшей политической проблемой за весь период с Октября 1917 г. по сегодняшний день. Эти вопросы не только формально между собой связаны, но составляют две разные стороны одного и того же социально-политического вопроса. Для внеклассового общества плановое хозяйство — это проблема статистического учета, для переходного периода, в каком мы живем, это вопрос классовых взаимоотношений, проблема учета классовых отношений рабочего класса с большинством крестьянства по важнейшему вопросу распределения национального дохода. В какой степени важным считал Ленин вопрос о планировании, до-

казывает один в высшей степени важный исторический документ из периода первых недель после Октября 1917 г. Это его известное «письмо в редакцию» от 18 ноября 1917 г., в котором Ленин излагает свое выступление на крестьянском с'езде, о возможности «союза рабочих большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне».

> «... я доказывал в своей речи, — говорит Ленин,— что союз этот может быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян нет. Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других».

И в дальнейшем Ленин выясняет, каково может и должно быть поведение большевиков при голосовании таких вопросов, которые являются специфическими эсеровскими вопросами. Могут ли большевики осуществить честную коалицию в таком случае?

> «Могут, ибо, будучи непримиримыми в борьбе с контрреволюционными элементами (в том числе с право-эсеровскими и оборонческими), большевики обязаны были бы воздержаться при голосовании таких вопросов, которые касаются чисто эсеровских пунктов земельной программы, утвержденной Вторым всероссийским с'ездом советов. Таков, напр., пункт об уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяевами».
>
> «Воздерживаясь при голосовании такого пункта, большевики ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета,

регулирующего все народное хозяйство страны) (подчеркнуто нами. — *М. Б.*), при таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма».

И дальше, в том же самом письме Ленин пишет:

«Никогда уравнительное землепользование и т. п. меры не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банков, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) все народное хозяйство и т. д.»[1].

Эта цитата показывает не только то, что планирование народного хозяйства было включено в ближайшие задачи экономической программы Октябрьской революции и стояло в теснейшей связи с такими вопросами, как «рабочий контроль и последующая экспроприация фабрик и заводов, национализация банков и т. п.», но и, что еще важнее, что в этой цитате имеется явное и неопровержимое доказательство необходимости в переходный период целого ряда уступок мелким трудящимся и эксплоатируемым крестьянам, поскольку это вреда делу социализма не приносит.

«Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы навязывать, он обязан в интересах победы социализма уступить мелким трудящимся и эксплоатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо вреда делу социализма они не принесли бы».

[1] См. Ленин, т. XIV, ч. II.

В этих словах мы имели весь замысел мероприятий так называемой новой экономической политики, которую можно было ввести после окончания гражданской войны. В этой цитате мы имеем доказательство абсурдности той идеи, что введение нэпа означало банкротство политики Октября и возврат к капиталистическим методам хозяйства. Единственно правильным и соответствующим исторической правде является то, что методы военного коммунизма были вынуждены военной обстановкой, требующей жестких мер экономической деятельности, отказа от всяких уступок переходного характера, хотя и не вредящих социализму, но могущих ослабить боевую готовность пролетариата в решающие моменты напряженной гражданской войны. Этим и об'ясняется, почему вопросы планового руководства вновь встали на очередь дня, когда окончилась гражданская война и можно было приступить к реализации основных задач Октябрьской революции.

И лишь только на десятом году существования советской власти, после 3—4 лет так называемого восстановительного периода, можно было впервые построить первую конкретную наметку сначала годичного контрольного плана (контрольные цифры), а после уже пятилетнего хозяйственного плана.

Как и во всех мероприятиях советской власти, вопрос планирования и построения контрольных цифр вытекал из практической необходимости, хотя не всегда и не все отдавали себе ясный отчет, в каких размерах и в каком порядке необходимо то или иное мероприятие выдвигать в первую очередь. Период стихийного роста отдельных отраслей народного хозяйства, после введения новой экономической политики, характеризовался кризисными явлениями, вытекающими из несогласованного развития отдельных частей всего народного хозяйства. Борьба против кризисных явлений, особенно тяжело бьющих по пролетарскому государству и

ослабляющих связь с крестьянством, делала необходимым согласовывать рост этих частей народного хозяйства для их бескризисного развития.

Здесь нужно упомянуть, что как раз вопрос о плановом руководстве нашего хозяйства в период кризиса 1923 г. и вызвал споры внутри нашей партии. Троцкистская оппозиция, в лице Пятакова, Преображенского и Троцкого, видела причину этого кризиса не в расхождении между ростом промышленности и сельского хозяйства, а в недостаточной организованности государственного хозяйства «не крестьянского, не частного, а именно той части народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства» (Пятаков) [1].

Ошибка троцкистской оппозиции состояла в том, что она как раз недооценила необходимости планового сочетания государственного хозяйства с крестьянским хозяйством, где именно и находился источник кризиса 1923 г. и откуда все еще исходят трудности планирования и где зарождаются все кризисные явления.

При оценке этих кризисных явлений нельзя недооценивать тех колоссальных трудностей, которые нужно преодолевать при построении фундамента планового хозяйства. Необходимо здесь указать в самой сжатой форме на те основные препятствия и трудности построения хозяйственного плана на один ли год или на пять лет вперед для того, чтобы легче разобраться в кризисных явлениях 1925/26 и 1926/27 гг., — двух лет «планирования», которые дали повод меньшевикам и другим критикам утверждать о невозможности в наших условиях планирования. Как было уже упомянуто, для внеклассового общества без рыночных отношений и товарно-денежного хозяйства проблема бескризис-

[1] См. «Протоколы XIII партийной конференции», стр. 21—22, а также Бухарин, «К вопросу о троцкизме», Гиз, 1925 г., стр. 157 и след.

ного развития может быть сведена в общем и целом до чисто статистического распределения и подсчета. Но в наших условиях существования миллионов мелких товарных (крестьянских) хозяйств, в наших условиях рыночных отношений и денежно-кредитной системы, хотя и очень ограниченной плановыми и регулирующими возможностями, достижение бескризисного развития есть вопрос не статистического порядка, не только вопрос правильного учета производства и потребления, а в значительной степени учета тенденций рыночных отношений на базе товарно-денежного хозяйства.

Это делает необходимым при построении хозяйственного плана стремиться к рыночному равновесию, которое обеспечивает устойчивость нашей валюты, являющейся основным измерителем наших расчетов при построении производственного плана отдельных отраслей нашего хозяйства. Устойчивость же валюты возможна тогда, когда расширенное воспроизводство нашего хозяйства опирается на реальный базис накопления, учет которого является необходимым условием всякого реального планирования. Этим об'ясняется, почему к вопросу планирования хозяйства можно было подойти только тогда, когда мы освободились от неустойчивого, падающего дензнака и, проведя денежную реформу, установили у нас твердую денежную валюту. Поэтому главнейшей задачей хозяйственного плана является удержание стабильности нашей валюты, твердость которой зависит как от правильного учета и распределения капиталонакопления в нашей стране, так и от реальной кредитной политики, задача которой состоит в охвате фактического товарного накопления на разных участках народно-хозяйственной деятельности и вовлечении его в товарооборот через систему денежного обращения.

Кредитная политика тогда только реальна, когда обеспечивает устойчивость нашей валюты, когда денежное обраще-

ние, ею регулируемое (через эмиссию банкнот), внедряет, втягивает в товарооборот реально-накопленные и произведенные товарные ценности, т. е. когда денежное обращение соответствует товарообороту. Только при этих условиях возможна устойчивая база планирования всего народного хозяйства, только этим будет дана предпосылка для рыночного равновесия на товарном рынке нашего хозяйства.

Но этим не исчерпываются еще условия, обеспечивающие равновесие народного хозяйства. Необходимо не только определенное количественное отношение между товарным накоплением и денежной массой, нужно еще и соответственное качественное отношение товаров между собой. Для расширенного воспроизводства нашего хозяйства необходимо правильное сочетание отдельных составных частей этого воспроизводства, которое в наших условиях товарно-денежного хозяйства и плана не может быть полностью и целиком, a priori статистически учтено. Это относится как к промышленному, так и к с.-х. производству. С.-х. производство обнимает целый ряд продуктов как непосредственного личного потребления, так и технического сырья. Взаимоотношения между отдельными культурами с.-х. производства в его товарной части не являются чем-либо устойчивым, поддающимся статистическому учету или регулированию в административном порядке. Как товарность крестьянских хозяйств, так и соотношение между отдельными культурами с.-х. производства является результатом рыночных отношений, т. е. главным образом соотношения цен между промышленными и с.-х. товарами, и соотношением цен на с.-х. рынке. Важнейшей предпосылкой хозяйственного планирования является такое регулирование цен между этими продуктами, которое обеспечивало бы выход на рынок необходимых культур с.-х. производства в необходимом количестве. При существующем разнообразии с.-х рынка, его распыленности в миллионах мелких кре-

стьянских хозяйств задача регулирования цен на с.-х. рынке и его увязка с плановыми потребностями является важнейшей и существенной задачей нашей торговой политики, на успешности которой опираются плановые предположения нашего хозяйственного строительства на длительный период времени.

Не менее сложно обеспечение равновесия на товарном рынке продуктов промышленности. Основной задачей социалистического строительства является вопрос индустриализации страны. Она требует выделения из национального накопления максимальной суммы для длительного инвестирования в строительстве так называемой тяжелой индустрии, продукты которой поступают на товарный рынок после определенного, довольно долгого срока. За этот период времени на товарном рынке отсутствует соответствующее товарное предложение при увеличивающемся платежеспособном спросе. Основной источник, нарушающий равновесие на товарном рынке, лежит как раз в этой области. Обеспечить равновесие народного хозяйства при одновременном росте промышленного строительства возможно только при двух условиях: при притоке иностранного капитала, который замещает собой снятый с ежегодного национального накопления капитал, идущий на строительство, или временное сокращение платежеспособного спроса путем из'ятия определенной суммы его через налоги и государственный кредит (займы, сберкассы).

Если исходить из необходимости обеспечить равновесие внутри нашего хозяйства (а на этом равновесии базируется твердая валюта, а вместе с ней и возможность построения реального хозяйственного плана), то необходимо так сочетать из'ятие через государственный кредит (и налоговую политику) избыточного платежеспособного спроса с таким перераспределением национального накопления между новым строительством, производством тяжелой индустрии и легкой

индустрии, чтобы по возможности обеспечить спрос на товарном рынке как продуктов личного, так и производительного потребления. Здесь должно быть использовано одно характерное явление нашего хозяйства с целью обеспечения сравнительного равновесия на товарном рынке: это сезонность спроса и соответствующее приспособление к нему товарных запасов. В этом отношении проблема резервов является важнейшей проблемой нашего пятилетнего хозяйственного плана. При существовании стихийности с.-х. производства, могущей быть охваченной через рыночные отношения, а также стихийности, с трудом поддающейся регулированию наших взаимоотношений с внешним капиталистическим миром (экспорт и импорт), что является в значительной степени лимитом нашего строительства и планирования, возможность влияния на рыночные отношения как внутри нашего хозяйства, так и на мировом рынке может быть в значительной части обеспечена, если в распоряжении планирующих хозяйственных органов будет находиться достаточный резерв товаров, которые могут быть использованы как маневренный фонд на товарном рынке. Это относится как к продуктам сельского хозяйства, в особенности к экспортным продуктам, так и к запасам легкой индустрии и, наконец, валютным (золотым) резервам.

При всем том стремлении к бескризисному развитию народного хозяйства, которое является основной задачей хозяйственного плана, необходимо стремиться к развитию социалистических элементов нашего хозяйства, а это означает такое развитие производительных сил страны, при котором систематически будут ослабляться материальные источники капиталистических группировок в нашей стране. Если обеспечением равновесия нашего хозяйства, т. е. ослаблением кон'юнктурных изменений, являющихся базой кризисных явлений, мы ослабляем возможность усиления капиталисти-

ческих группировок, то дальнейшей задачей является такое усиление производства в сельском хозяйстве и в товарообороте страны, при котором бедняцкие и середняцкие хозяйства должны заменить собой более производительные кулацкие хозяйства. Это возможно только при том условии, когда определенная часть национального накопления будет использована с целью кооперирования крестьянских хозяйств (колхозы! совхозы!), в целях укрепления их как производственных очагов сельского хозяйства и усиления товарности этих хозяйств.

То же самое относится и к усилению социалистического сектора товарообращения и замене частного торгового аппарата социалистическим аппаратом распределения. И это требует соответствующего распределения национального накопления для выделения определенных средств, необходимых для товарообращения. Эта проблема распределения национального дохода между этими тремя основными участками народного хозяйства и взаимное их сочетание являются важнейшей проблемой хозяйственного плана, который должен обеспечить не только бескризисное развитие производительных сил, но и развитие социалистического строительства, т. е. ослабление материальных источников капиталистических группировок в нашей стране мерами экономической политики.

Вся трудность удовлетворения всех нужд страны состоит в том, что у нас процесс накопления, благодаря экономической отсталости страны, проявляющейся в низкой производительности труда, особенно в сельском хозяйстве, идет все еще более медленным темпом, нежели потребности страны по исполнению задачи повышения благосостояния трудящегося населения. И поэтому точное распределение средств по отдельным отраслям народного хозяйства требует длительной проработки, и еще долго придется цифровую наметку ежегодного и тем более пятилетнего плана исправлять в про-

цессе исполнения мерами экономической политики, которая должна исходить из актуальных потребностей изменяющейся внутренней и особенно внешней экономической, а отчасти и политической кон'юнктуры.

Значит ли это, что построение планового хозяйства у нас невозможно? Значит ли это, что «просчеты», «кризисы», «несогласованности» и диспропорции будут неизбежно сопутствовать нашим «наметкам» и планам?

V. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1925/26 г. был первым годом построения контрольных цифр народного хозяйства, первой наметкой планового охвата и регулирования народного хозяйства. К концу первого десятилетия Советского государства мы, по сути дела, имеем только двухлетний опыт планового регулирования всего народного хозяйства.

Как известно, 1925/26 год не прошел без серьезных кризисных явлений, и хотя источники этих явлений в достаточной степени выяснены, нельзя, однако, сказать, чтобы существовало полное единомыслие в этом вопросе. Если некоторые экономисты об'ясняют кризисные явления 1925/26 г. неправильным планированием, то другие (С. Г. Струмилин) утверждают, что большая часть затруднений этого года происходила не из того, что мы имели плохой план, а из того, что мы не имели никакого целостного плана [1].

Раньше чем перейти к изучению опыта этих двух лет и выяснить, насколько народное хозяйство нашей страны поддается плановому воздействию и регулированию, необходимо в самых кратких чертах охарактеризовать как достигнутый уровень народно-хозяйственных сил к кон-

---

[1] См. С. Г. Струмилин, «Индустриализация СССР и эпигоны народничества», Госиздат, 1928 г., стр. 40 и 43.

цу десятилетия по сравнению с довоенным временем, так и хозяйственные итоги за последний 1926/27 г.

Надо в самом начале оговориться: вопросы статистического учета роста производительных сил нашей страны и сравнение их с довоенным уровнем, а также и с уровнем капиталистических стран требуют постоянной проверки и постоянных дополнений. И в зависимости от статистических методов исчисления, которые все еще у нас разрознены, могут получиться и получаются разнообразные результаты. Но расхождения эти заключаются более или менее в деталях и поэтому не могут изменить основных политико-экономических выводов, которые сводятся к тому, что довоенный уровень на важнейших участках нашего народного хозяйства в 1927 году достигнут и отчасти даже превзойден.

Посевная площадь в 1927 году заметно превысила дореволюционный уровень (1916 год), составляя около 97% посевной площади 1913 г. Количество скота в переводе на крупный скот достигло в 1927 г. также почти довоенной численности. Валовая продукция сельского хозяйства по физическому об'ему, по данным Кон'юнктурного института, почти достигла довоенного уровня, хотя, если иметь в виду, что сельское население за этот период времени, с 1913 г. по 1927 г., увеличилось на 5,7%, надо признать, что валовая продукция на душу немного ниже довоенного уровня (около 90%). Несколько хуже обстоит дело с товарностью крестьянского хозяйства: в 1926/27 с.-х. году товарная масса, реализуемая на внедеревенском рынке, составляла по физическому об'ему только 64%, а в 1927/28 г., ввиду роста посевов технических культур и повышения урожайности их, составит около 72,6% довоенного уровня. Вследствие этого коэффициент чистой товарности фактически составил в 1926/27 году, по исчислению Госплана, 16,9%, в

то время как по некоторым исчислениям до войны он составлял около 25% валовой продукции. Эта нехватка восстановления товарности об'ясняется некоторыми экономистами, во-первых, ростом сельского населения, превышающим рост валовой продукции сельского хозяйства, а также и различием в уровне восстановленности отдельных районов, культур, отраслей по сравнению с довоенным периодом.

Нужно подчеркнуть гораздо большую недовосстановленность посевных площадей в товарных районах (Северный Кавказ, Поволжье), где и общая площадь посевов и посевная площадь зерновых хлебов далеко еще не достигают довоенного уровня, в то время как в ряде районов потребляющей полосы мы имеем превышение довоенной площади зерновых посевов. Наряду и в связи с этим мы констатируем большую недовосстановленность к началу нового хозяйственного года рыночных зерновых культур (яровая пшеница, ячмень), нежели потребительских (рожь, овес).

Нам кажется, что кроме вышеуказанных причин, об'ясняющих замедленный рост товарного крестьянского хозяйства, надо указать также и на те изменения социально-политических условий, в которых развивается крестьянское хозяйство в настоящее время по сравнению с царским временем. Нельзя забывать, что серьезным элементом, увеличивающим товарность крестьянского хозяйства в период помещичье-капиталистического государства, был большой нажим на крестьянство налогового пресса государства и помещиков для повышения арендных плат, которые действовали совместно в сторону увеличения товарного выхода крестьянского хозяйства, без всякого учета экономических результатов такого усиления товарности. Можно с уверенностью сказать, что товарность крестьянского хозяйства в этих условиях не была доказательством роста производства крестьянских хозяйств, а происходила в общем и целом за счет ослабления хозяйственных ресурсов, в особенности

мелких и средних крестьянских хозяйств, что приводило к обеднению крестьянских хозяйств и к падению производительности их. Правда, с точки зрения капиталистического хозяйства, в сельском хозяйстве это был путь — при благоприятных условиях, в более или менее далекой перспективе — усиления крупных крестьянских хозяйств за счет пауперизированных хозяйств, и если бы все другие условия социально-политического порядка этому не противодействовали, можно было бы ожидать, что расширение капиталистического хозяйства в деревнях привело бы через укрупнение крестьянских хозяйств к росту всего с.-х. производства и товарной его части. Но в действительности этого не произошло. Октябрьский переворот изменил развитие сельскохозяйственного производства и наметил другие пути усиления роста производства крестьянских хозяйств не за счет пауперизации мелких и средних крестьянских хозяйств. Поэтому уровень товарности крестьянских хозяйств в настоящее время не является показателем обнищания деревни, а действительным признаком вовлечения с.-х. производства через рынок в общегосударственный товарооборот. С точки зрения количества продуктов, выходящих на рынок, снижение товарности по сравнению с довоенным временем означает ослабление товарного рынка с.-х. продуктов. Но для выявления достигнутого уровня восстановления крестьянского хозяйства методологически неправильно сравнивать товарность крестьянского хозяйства в настоящее время с товарностью его в довоенный период помещичье-капиталистического государства. Как бы то ни было, задачей экономической политики в настоящее время является усиление товарности крестьянского хозяйства на базе роста производительных сил бедняцких и середняцких групп. Другой вопрос, о котором более детально мы будем говорить дальше, какими путями достигнуть усиления производства крестьянских хозяйств. Об этом была

речь на XV с'езде, и были приняты соответствующие постановления.

Если сельское хозяйство в общем и целом и валовая продукция его вплотную подошли к довоенному времени, то в области промышленности довоенный уровень превзойден. По подсчетам ВСНХ, валовая продукция крупной промышленности достигла в 1926/27 г. по физическому об'ему 108—110% довоенного уровня. Даже если исключить те отрасли промышленности, которые почти отсутствовали в довоенное время и развились лишь в период Советского государства, то и в таком случае размеры промышленной продукции будут выше довоенных. Об этом дает представление нижеследующая таблица (см. стр. 49).

Перевозки железнодорожного транспорта превзошли довоенный уровень по количеству грузов на 2%, а по пробегу — на 25%.

Если затем обратиться к положению отдельных категорий трудящихся, то нужно сказать, что реальная зарплата промышленного рабочего без начисления составляла в среднем в 1926/27 г. не менее 110—111% довоенного уровня. Если же учесть зарплату со всеми начислениями и сравнить с соответствующими данными до войны, то в настоящее время зарплата составляет 133—134% довоенного уровня. Несколько ниже уровень заработной платы транспортных рабочих, — составляет без начислений 89%, а с учетом начислений — немного выше довоенного времени. Реальная зарплата служащих (работники просвещения, медсанперсонал, советские служащие) едва достигла 60% довоенного уровня.

Что же касается производительности труда, то если взять выработку по расчету на 1 час, она выросла на 20% по сравнению с довоенным временем. Если же взять дневную выработку рабочего, то по некоторым исчислениям производительность труда в 1927 г. составляла

Динамика промышленного производства в 1921—1927 гг.

По данным Кон'юнктурного института НКФ СССР (в тыс. тонн)

	1913 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Добыча кам. угля и антрацита (брутто).	28 777	9 631	11 681	10 053	16 169	24 431	30 930,5
В проц.	*100*	*33,57*	*40,6*	*55,8*	*56,2*	*84,9*	*113,7*
Добыча нефти (брутто)	9 216	4 522,5	5 275	6 070	7 146	8 461	10 129,5
В проц.	*100*	*49,1*	*57,2*	*65,9*	*77,5*	*91,8*	*115,0*
Выплавка чугуна . .	4 207	173,6	300	653	1 289	2 197	2 963,3
В проц.	*100*	*4,1*	*7,1*	*15,5*	*30,6*	*52,2*	*70,5*
Мартеновское производство	4 247	316,1	590	991	1 866	2 876	3 584,1
В проц.	*100*	*7,4*	*13,9*	*23,3*	*43,9*	*77,7*	*84,4*
Прокатка черных металлов	8 509	250,6	457	688	1 359	20 090	2 830,5
В проц.	*100*	*2,9*	*5,4*	*8,1*	*16,0*	*24,6*	*77,7*
Перемол порт. цемента	118,7	св. нет.	180,8	354,1	720,3	1 256,9	1 554,8
В проц.	*100*	—	*16,2*	*31,7*	*64,3*	*112,4*	*139,2*
Выработка хл.-бум. пряжи	262,1	51,6	74,4	102,0	186,0	222,8	269,1
В проц.	*100*	*19,7*	*28,4*	*38,9*	*71,0*	*83,9*	*102,7*
Выработка шерстяной пряжи	39 360	10 440	14 568	19 308	27 636	32 928	39 700
В проц.	*100*	*26,5*	*37,0*	*49,1*	*70,4*	*83,7*	*100,8*
Выработка льняной пряжи	34 200	14 580	33 960	39 036	50 016	54 764	64 800
В проц.	*100*	*42,6*	*99,3*	*114,1*	*146,2*	*189,4*	*189,8*
Выработка табаку и табачн. изделий, млн. кур. единиц .	46 920	18 132	14 076	13 980	25 752	34 274	40 763
В проц.	*100*	*38,6*	*30,0*	*29,8*	*54,9*	*73,0*	*86,9*
Выработка махорки .	73,7	12,0	14,0	21,2	29,1	48,1	56,6
В проц.	*100*	*16,3*	*19,0*	*28,8*	*39,5*	*65,3*	*76,8*
Выработка бумаги . .	139,2	34,8	67,2	117,4	213,6	243,6	260,0
В проц.	*100*	*25,9*	*48,3*	*84,5*	*153,0*	*282,2*	*186,8*
Выработка калош в млн. пар	27,8	—	10,0	16,2	15,7	25,1	29,1
проц.	*100*	—	*36,0*	*58,3*	*56,5*	*90,3*	*106,8*
Выработка сахарного песку в центнерах .	17 269	—	2 094	3 771	5 554	10 579	8 703
проц.	*100*	—	*12,1*	*21,8*	*26,4*	*61,3*	*50,4*

90—95% довоенного уровня. И, таким образом, повышение производительности труда почти компенсировало сокращение рабочего дня на 2 часа. Несомненно, что износ производительного аппарата и т. п. был причиной недостаточного роста производительности труда, хотя в некоторых отраслях промышленности (нефтяная промышл., выплавка чугуна) годовая выработка превзошла довоенный уровень. Аналогичное явление мы имеем и на транспорте: производительность труда транспортника возросла на 25,4% в сравнении с довоенным уровнем.

Наиболее слабым звеном в восстановительном процессе нашего хозяйства считается внешняя торговля. Экспорт в 1926/27 г. составлял 42,9%, импорт — 42,3%, а весь оборот — не более 42,6% довоенного. Нам кажется, что и в этой области сравнение с довоенным временем методологически не совсем правильно. Не надо забывать некоторых моментов, характерных для внешнеторгового оборота довоенного времени. Если их учесть, то придется сказать, что указанное выше процентное отношение к довоенному времени замазывает самые существенные изменения, проистекшие в нашем хозяйстве, и, таким образом, не дает действительной картины восстановительного процесса в нашем внешнем товарообороте.

В первую очередь нельзя забывать того, что ежегодный приток иностранного капитала в довоенное время приходил в значительной степени в товарной форме и фиксировался таможенной статистикой в порядке импорта. Одновременно с этим этот товарный импорт стимулировал экспорт в порядке уплаты иностранных импортеров. Разумеется, что в уплату за эти товары не золото шло за границу, а экспортные продукты народного хозяйства, главным образом с.-х. продукты и сырье добывающей промышленности. К этому нужно еще прибавить проценты по уплате иностранных кредитов. Таким образом уплачивался не только импорт, полу-

ченный в порядке притока иностранного капитала, но и проценты по нему, что находило свое отражение в цифрах экспорта.

Другим фактором, влияющим на рост внешней торговли, фактором, стимулирующим ее рост, являлось существование золотого денежного обращения, которое при включении России в мировое хозяйство влияло на более или менее свободное обращение товаров из стран с более низкими ценами в страну с более высокими ценами, какой была Россия. Этим об'ясняется то, что несмотря на сравнительно протекционистские таможенные тарифы, в Россию притекали промышленные продукты не только личного потребления, которые оплачивались золотой валютой. Частные импортеры исходили из широкого рынка внутренних потребителей, не считаясь с платежным балансом, т. е. не считаясь с курсом иностранной валюты, задача регулирования которого лежала целиком и полностью на финансовых органах правительства, стремившегося всяческой ценой удержать золотое обращение в стране, т. е. укреплять паритет золотого рубля. Это приводило к тому, что царское правительство было принуждено этот более или менее случайный импорт оплачивать иностранными векселями, полученными в оплату русского экспорта, а в случае нехватки их заключать иностранные золотые займы для уплаты сальдо по расчетному балансу. Эти займы для обеспечения золотого обращения страны плюс расходы за границей по обязательствам за иностранные займы превышали расходы по импорту, по исчислению американских экономистов Моультона и Пасвольского, за последние пять лет войны в среднем в год 400 млн. рублей. По другим расчетам (Энгеев) пассив расчетного баланса в среднем за год в период 1898—1913 гг. составлял 570 млн. руб., из которых 270 млн. руб. уплачивались активом торгового баланса, а нехватающие 300 млн. руб. покрывались новыми займами. Это в дальнейшем требовало

значительного усиления экспорта мерами рыночного характера. Последнее же, в свою очередь, вызывало необходимость нажима на крестьянских производителей с целью принудить их выбрасывать с.-х. продукты на рынок по низкой цене (для их рентабельного экспорта). Это и было причиной высокой товарности крестьянского хозяйства до войны. Высказанное нами мнение о специфических условиях роста экспорта в царской России целиком подтверждается специальным исследованием т. Энгеева, работника НКФ, который в майском номере «Вестника финансов» за 1928 г. опубликовал работу «О платежном балансе довоенной России», откуда мы взяли и вышеприведенные расчеты, значительно уточнившие данные американских экономистов. Указывая в своем исследовании на меры, принимаемые царским правительством в целях усиления экспорта для целей расчетного баланса (усиление таможенных пошлин, установление пошлинных ж.-д. тарифов для перевозки хлебных грузов, идущих с окраин, и т. п.), Энгеев говорит:

> «Усиленный налоговый нажим вел к реализации крестьянством не только излишков, но и нормальных запасов»...
>
> «...Успехи в борьбе за активный торговый баланс, за накопление золота обходились народному хозяйству не дешево. Усиленное выбрасывание хлеба на внешние рынки способствовало падению цен на него... Падает выручка от экспорта хлеба, несмотря на количественный его рост; деревня расплачивается голодом за золото, которое Вышнеградскому удается привлекать в Россию»...
>
> «...Чрезмерное обложение, создавшее бюджетные излишки, за счет которых покупалось золото, разоряло крестьянство...» и т. п. [1].

[1] «Вестник финансов» № 5, стр. 74.

Это положение не изменилось и впоследствии вплоть до 1914 г.

Таким образом, уровень внешнеторгового оборота до войны был результатом, по сути дела, давления финансового капитала капиталистических стран, ищущих приложения своего капитала в Россию, с одной стороны, и смычки их с промышленно-помещичьими классами внутри страны, а также экономическим результатом полного приобщения России к мировому хозяйству, успешность которого базировалась на единстве мировой золотой валюты. Не экспорт регулировал импорт, а импорт и иностранная задолженность вызывали соответствующий нажим на усиление экспорта. Совершенно другую картину мы имеем сейчас: связь наша с мировым хозяйством не такова, какова она была в довоенное время. Свободы обращения товаров и золота, такой, какая существовала в довоенное время, у нас нет. Весь импорт у нас благодаря монополии внешней торговли — целевой и не руководствуется разным уровнем цен в разных странах. Не импорт регулирует наш экспорт, а экспорт регулирует импорт, причем экспорт наш является не результатом обнищания и голодовок крестьянских хозяйств, а возможен только как результат наличия более или менее свободных товарных излишков народного хозяйства. Если к этому прибавить, что в отличие от царского времени у нас нет постоянного ежегодного притока иностранных капиталов, всячески стимулирующих экспорт, и если элиминировать все факторы, влиявшие на усиление внешнего товарооборота за счет ухудшения и обеднения производительных сил страны под лозунгом «не доедим, а вывезем», который был выставлен министром финансов царского времени Канкрином как основной путь проведения реформы денежного обращения и перехода на золотое обращение, — то надо притти к выводу, что достигнутый нами уровень внешнего товарооборота не ниже довоенного.

Мы этим не хотим сказать, что теперешний уровень нашего внешнего товарооборота достаточно высок и что не следует всяческими мерами экономической политики его повышать. Ничуть не бывало. Мы только возражаем против тех вычислений, которые производятся без учета ряда особых моментов, характерных для различных периодов, для сравнения размеров внешнего товарооборота в данное время с довоенными размерами. Эти вычисления указывают на то, что уровень внешнего товарооборота в 1927 году составляет только 42,6% довоенного уровня и что восстановительный период в этой области не закончен. Внешний товарооборот настоящего времени по характеру своему не может быть сравниваем с довоенным внешним товарооборотом.

Чтобы закончить краткий обзор наших хозяйственных итогов, нам остается еще только выяснить вопрос о темпе накопления в нашей стране. По данным Госплана, прирост всех основных фондов или чистое капиталонакопление в стране вычисляется для 1926/27 г. в сумме 2 726 млн. руб. по ценам 1925/26 г., что составляет по оптовому индексу Госплана 1 500 млн. руб. Для довоенного времени, по вычислениям некоторых экономистов, чистое капиталонакопление составляло примерно такую же сумму — 1 500 млн. руб. Для территории современного СССР довоенное накопление, по тем же самым данным, исчисляется от 1 250 до 1 400 млн. руб. Таким образом накопление 1926/27 г., вероятно, превысило накопление довоенной России в той части, в какой последнее черпалось из внутренних источников дохода.

Если исходить из того, что народный доход не достиг еще довоенного уровня, то получится, что норма накопления, которую мы имеем сейчас, достигает 9% для 1925/26 и 11% для 1926/27 г., таким образом, выше довоенной нормы накопления. Экономически это означает, что в сравнении с довоенным временем большая часть из ежегод-

ного национального дохода превращается в капитал, т. е. изымается из личного потребления и идет на расширение производительного потребления.

Эта повышенная норма капиталонакопления считается некоторыми советскими экономистами источником напряженности хозяйственных процессов, главным образом, потому, что это капиталонакопление идет в «принудительном» порядке через налоги, политику цен и т. д. Эта «перекапитализация», как формулируют такое состояние некоторые экономисты, была бы тогда опасней, если бы она, во-первых, разрушала емкость внутреннего рынка, и, во-вторых, если бы это капиталонакопление шло на непроизводственные цели [1]. Другой вопрос — как распределяется этот добавочный капитал между отдельными отраслями народного хозяйства. Но этот вопрос к норме накопления никакого отношения не имеет.

Такова в цифровом выражении характеристика достижений нашего хозяйства на грани второго десятилетия Советского государства. Мы уже имели возможность указать на то, что эти достижения признаются даже нашими противниками, хотя они имеют кое-какие сомнения насчет точности статистических расчетов. Но эти сомнения имеются также и у работников Советского государства, что заставляет их принимать всяческие меры к постоянному уточнению этих цифр, ибо никто более не заинтересован в правильности и точности учета наших сил и возможностей, как Советское государство, которое на основе этих цифр и строит перспективные планы своего хозяйства.

Но сами эти цифры хозяйственных достижений не говорят еще ничего о плановом регулировании нашего хозяйства, о преодолении источников кризисных явлений, характерных

---

[1] Об этом более обстоятельно в следующей части настоящей брошюры.

для капиталистического хозяйства. Для выяснения того, в какой степени этот хозяйственный рост является результатом сознательного руководства хозяйством страны и какие перспективы он открывает нам в ближайшем будущем, необходимо познакомиться как с хозяйственными процессами, происходившими за последние два года, так и с тем, насколько эти процессы соответствовали плановым начертаниям и директивам.

VI. УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ

Если бы успех планового руководства народным хозяйством определялся более или менее точным исполнением цифровой наметки важнейших отраслей народного хозяйства, тогда можно было бы сказать, что 1926/27 хоз. год был значительным шагом вперед в смысле исполнения плановых предначертаний в сравнении с предыдущим 1925/26 годом, ибо 1925/26 г., для которого впервые были построены так называемые контрольные цифры, почти во всех отношениях шел другими путями, нежели было предуказано этими контрольными цифрами.

Правда, относительно контрольных цифр 1925/26 г. можно сослаться на формальный аргумент, который приводит т. Струмилин, что документ этот остался без всякой правительственной санкции. «Как известно, комиссия т. Каменева, — пишет т. Струмилин, — которая по поручению Совета труда и обороны должна была вынести свою резолюцию о контрольных цифрах Госплана, ни разу не собралась, и поэтому этот документ остался без всякой санкции. Они не были отвергнуты, но в то же время никто не был обязан принимать их к исполнению» [1].

Но это только формальный аргумент, ибо фактически все наши учреждения в своей практической деятельности

[1] «Индустр. страны и эпигоны народничества», стр. 11.

учитывали контрольные цифры, хотя плановая дисциплина не принадлежала и не принадлежит еще к сильным сторонам деятельности наших учреждений. И действительно, в некоторых областях народного хозяйства, в области движения цен, импорта и экспорта, эмиссии банкнот, действительность во многом отличалась от контрольных цифр, хотя в других областях, особенно в области капитальных вложений в промышленность, финансирования промышленности, расхождения между планом и действительностью были незначительны. Если же сравнить хозяйственные процессы 1926/27 г. с плановыми предначертаниями, то расхождение между планом и действительностью было еще меньше. Так, например, выполнение бюджета составляло в целом 101,8% от сметного, импортный план был выполнен с превышением на 2%, а экспортный — на 1%. План хлебозаготовок на 1926/27 г. был выполнен со значительным превышением (на 11,7%), план капитальных затрат выполнен не только в своем максимальном варианте, но даже превзойден, развертывание госпромышленности превзошло предположения Госплана, который наметил в своих контрольных цифрах коэффициент увеличения физического об'ема в 14,8% против плана ВСНХ в 20%; в действительности же коэффициент развертывания крупной госпромышленности достиг 18,6%. Если бы мы имели больше уверенности в точность статистического учета, такое п р е в ы ш е н и е плана было бы так же нежелательным, как и н е д о в ы п о л н е н и е плана. Но этой уверенности пока еще нет, и поэтому превышение плана в некоторых областях народного хозяйства является необходимой корректурой плана. Выполнен также план работы ж.-д. транспорта в части коммерческой перевозки грузов, хотя по некоторым составным частям пассажирские перевозки дали недовыполнение сметных предположений (в размере 7½% по числу пассажиров и 8½% по пробегу). Симптоматичным является серьезный разрыв

между планом и действительностью в области денежного обращения и кредита. Контрольные цифры предполагали повышение денежной массы на 150 млн. руб., или на 9%, фактически же денежная масса увеличилась на 328 млн. руб., или на 24,4%. Равным образом учетно-ссудные операции по контрольным цифрам должны были дать прирост в 792 млн. руб., или 23,3% по всей кредитной системе. На самом же деле, только по Госбанку и 4 акционерным банкам прирост составил 27,6%. Наоборот, движение вкладов и текущих счетов отстало от плана в сторону уменьшения: вместо ожидаемого притока средств в 755 млн. руб. (или роста на 23,8%) получено было в несколько раз меньше. Несколько отстало от плана также и активное сальдо внешней торговли: вместо запроектированных 75 млн. руб. получено было 58 млн. руб.

Повторяем, если рассматривать исполнение плана с точки зрения достижений 1926/27 г. в сравнении с 1925/26 г., первым «плановым» годом, то успех, несомненно, налицо. Но такое внешнее исполнение плановой наметки без учета внутренних процессов народного хозяйства, без выявления, насколько эти плановые предначертания обеспечивали равновесие народного хозяйства, недостаточно, ибо как раз в задачи планового руководства народным хозяйством входит в первую очередь обеспечение равномерного бесперебойного, бескризисного развития нашего хозяйства. И в этом отношении 1926/27 г., особенно вторая половина его, проявил достаточно яркие признаки кризисных явлений, которые показывают, что и второй плановый год нашего хозяйства, несмотря на большой прогресс в смысле плановой дисциплины, несмотря на большой рост производительных сил страны, выявил целый ряд явлений, нарушающих равновесие народного хозяйства и требующих более детального изучения для их преодоления.

Не будем слишком детально останавливаться на кризисных явлениях 1925/26 г. Они нами уже анализированы в предыдущих работах [1], где установлено, что основной причиной нарушения равновесия народного хозяйства, приведшего к явлениям товарного голода, к инфляционным признакам в состоянии нашей валюты, резкому повышению цен, ухудшению хлебозаготовок, а в связи с этим и уменьшению экспорта, приведшего к пассивному торговому балансу, явилась, с одной стороны, неправильная торговая политика в период хлебозаготовительной кампании и превышение сумм, могущих быть из'ятыми из народного накопления и вложенными в капитальное строительство. Эта точка зрения не разделяется некоторыми работниками Госплана, и т. Струмилин, один из руководителей Госплана, в полемике с проф. Кондратьевым, в полемике, в принципиальной части которой Струмилин в общем и целом безусловно прав, отмахивается слишком поверхностно от основной концепции причин хозяйственных затруднений 1925/26 г., по его мнению, «взлелеянной в недрах Наркомфина», говоря: «как же могут реальные вложения превзойти реальные накопления»... «Нельзя вложить куда-либо то, чего еще нет».

Такая аргументация явно несостоятельна, особенно в условиях денежно-кредитной системы. Разумеется, нельзя вложить того, чего нет, но, во-первых, можно ли достоверно установить т о, ч т о е с т ь? Может ли Госплан или какое-нибудь учреждение при настоящих условиях состояния статистического учета определить товарную продукцию сельского хозяйства или даже промышленности, включая сюда как государственную, так частную и кустарную? Ведь товарность с.-х. производства есть функция рыночных отношений, а от товарной части с.-х. производства зависит и

[1] См. об этом в наших статьях «Наши осенние заминки и их природа», «Прошлые трудности и новые задачи», «Соц. хозяйство» кн. I и VI, 1926 г.

валовая продукция промышленности, и поэтому ошибки в оценке *того, что есть*, будут существовать, пока будут существовать рыночные отношения, имеющие влияние на норму товарности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, в особенности не обобществленной. Во-вторых, где тот орган, который выявляет *то, что есть*, и *то, что может быть вложено* в капитальное строительство? Статистико-экономический отдел Госплана? При всем большом уважении к этому учреждению и его большой работоспособности трудно предполагать, что в ближайшее время, в переходный период нашего хозяйства, в период существования рыночных отношений, этот орган мог бы справиться с этой задачей и приобрести достаточный авторитет для руководства рыночными отношениями. Ясно, что только *на товарном рынке*, в процессе исполнения плановых заданий можно проверять, насколько та или другая сумма вложений, предположенных по плану, соответствует реальному накоплению и количественному и качественному товарному предложению, могущему быть из'ятым из товарного рынка для производственного вложения.

Если план предполагает из'ять для производственных вложений больше того, что есть, т. е. больше того, что остается после обеспечения свободного платежеспособного спроса населения, то рынок реагирует повышением цен и обесценением валюты, а при твердых и регулируемых ценах — товарным голодом, повышением цен на нерегулируемые товары и ухудшением хлебозаготовительной кампании, т. е. протестом необобществленного сектора народного хозяйства и протестом массы потребителей продуктов личного потребления. Это и случилось в 1925/26 г. и в некотором отношении повторилось, уже частично, по другим мотивам во второй половине 1926/27 г.

Никто не станет отрицать, что в первом полугодии 1925/26 г. мы имели значительный рост цен, вплоть до мая

1926 г. Об этом свидетельствуют и оптовый индекс Госплана, и бюджетный ЦБСТ, и московский розничный индекс, и кооперативный индекс; значит, рост цен имел место не только в частной торговле, но и в госторговле. Это повышение цен вызвало некоторое колебание нашей валюты, в результате чего выделенная по плану определенная сумма денег на капитальные вложения в своей р е а л ь н о й ценности сократилась, т. е. другими словами, рыночные отношения исправили плановое предначертание, выделив для капитальных вложений то конкретное количество продуктов, которое соответствовало накоплению, и, таким образом, исправило преувеличенный план Госплана, вложило реально т о, ч т о б ы л о. В этом смысле т. Струмилин прав: рыночные отношения подтвердили своим возмущением на рынке, что вложить можно только то, что есть, а не то, что «вычисляет» Госплан.

После того, когда правительство, выяснив кон'юнктуру народного хозяйства, приняло целый ряд мер к изменению плановых начертаний, вторая половина 1925/26 г. характеризовалась более спокойным положением на товарном и денежном рынке, и восстановлено было нарушенное равновесие предыдущего полугодия.

Первое полугодие 1926/27 г. характеризуется дальнейшим состоянием равновесия народного хозяйства, при значительном росте всех положительных производственных показателей.

Об этом говорит следующая таблица (см. стр. 62).

Эта таблица показывает, во-первых, что текущий 1926/27 г., как это и предполагалось, показал меньший темп развития промышленного производства, нежели предыдущий, который еще считался годом восстановительного периода: если в прошлом году промышленная продукция возросла на 40,9% в сравнении с 1924/25 г., то 1926/27 г. дал повышение на 21,6% (по довоенным ценам на 18,6%), хотя по плану предполагается несколько меньший рост промышленности.

Индексы физического об'ема промышленного производства (в проц. к соотв. периоду предш. годов)

	Годы	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I полугодие	II полугодие	Весь год
Общий индекс	1925/26	148,2	143,2	139,8	138,9	145,7	136,3	140,9
	1926/27	130,9	124,6	118,0	113,6	127,8	113,9	121,6
Индекс горной промышленности	1925/26	133,1	139,3	152,7	138,6	136,2	145,5	140,8
	1926/27	133,1	128,1	124,1	120,7	130,7	122,4	126,4
Индекс тяжелой промышленности	1925/26	170,1	162,7	148,9	142,9	166,4	145,9	155,6
	1926/27	143,7	135,6	117,7	114,2	139,6	113,7	125,9
Индекс легкой промышленности	1925/26	143,4	132,3	125,7	122,1	137,7	123,9	130,7
	1926/27	119,8	113,6	113,7	108,2	116,7	108,2	112,4

Что же касается соотношения между тяжелой индустрией и легкой, то мы в этом году имеем некоторое усиление роста тяжелой промышленности по сравнению с легкой; в прошлом году тяжелая промышленность возросла на 55,8%, а легкая — на 30,7%, в этом году тяжелая возросла на 25,9%, легкая — на 12,4%.

Темп роста горной промышленности был выше среднего темпа роста всей промышленности — 26,4% в сравнении с предыдущим годом.

Характерным для нашего народного хозяйства является неодинаковый рост по кварталам и особенно резкие изменения в темпе роста в первом и втором полугодиях хозяйственного года: в первом полугодии текущего хозяйственного года индекс физического об'ема промышленного производства, в сравнении с предыдущим годом, дал повышение на 28,7%, а во втором полугодии всего на 13,9%. Такое изменение роста промышленного производства по полугодиям имеет серьезное значение для проблемы равновесия народного хозяйства, ибо как раз усиленный спрос на то-

варном рынке проявляется в III и IV кварталах, когда происходит, с одной стороны, реализация продуктов сельского хозяйства и закупки со стороны крестьянского населения, а, во-вторых, в этот период времени концентрируется, главным образом, строительная деятельность, которая в значительной степени увеличивает потребительский и производительный спрос на рынке и не только строительных товаров, но и всех других видов товаров.

Если не удается накопить соответственное количество товарных запасов для обеспечения усиленного спроса во 2-й половине хозяйственного года или если этот товарный запас по каким-нибудь причинам израсходуется раньше, то неизбежно появляется превышение спроса над предложением, так называемая напряженность на товарном рынке, которая может перейти в товарный голод. К сожалению, приходится констатировать, что такое явление происходило у нас в III и в особенности в IV кварталах и вызывало нарушение равновесия народного хозяйства, которое привело к целому ряду затруднений как в области хлебозаготовительной кампании, так и в области обеспечения товарами платежеспособного спроса, а также и на денежном рынке и во внешней торговле.

Причины этих хозяйственных затруднений очень разнообразны и не могут быть сведены к одной основной причине. Одна из важнейших причин, которая, несомненно, была исходной и которая повлекла за собой целый ряд рыночных пертурбаций, заключалась в тех осложнениях внешне-политического характера, в связи с разрывом с Англией, которые принудили советское правительство обратить внимание населения на возможность войны и на соответствующую подготовку к обороне.

Рыночная стихия ответила на призыв правительства к подготовке обороны усиленными закупками на товарном рынке. «Из-за предвоенного спроса, — говорил т. Микоян

на XV партс'езде, — мы все свои товары израсходовали до сбора урожая, чего у нас раньше не было».

Но этим явлением, как ни серьезно оно повлияло на неожиданный ажиотаж на товарном рынке, приведший к перебоям в снабжении продовольственными товарами некоторых городов, не ограничились хозяйственные затруднения во втором полугодии 1926/27 г. и в первом полугодии 1927/28 г.

Другим важным источником нарушения равновесия является неравномерное распределение работ по капитальному строительству, ремонту и т. п. во времени. Первые два квартала характеризуются увеличением депозитов хозяйственных организаций в наших кредитных учреждениях, что позволило Госбанку значительно сократить денежную массу в обращении. С III квартала начинается усиленное строительство, сокращение текущих счетов и увеличение кредитования торговли, кооперации, транспорта, в результате чего Госбанку пришлось усилить, свыше плана, эмиссию банкнот.

Количество денег в обращении изменялось за год таким образом (в млн. руб.):

Количество денег в обращении

	1/X 1924 г.	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.	1/X 1927 г.
Было на	627,0	1 142,9	1 343,2	1 670,8
Изменения за год (в млн. руб.)	—	+ 415,9	+ 200,3	+ 327,6
В процентах.	—	+ 82,3	+ 17,5	+ 24,4

Правда, если взять среднегодовой прирост денежной массы, то он составляет в 1926/27 г. 15% в сравнении с среднегодовым прошлого года, который составил 55%, и не

превышает темпа роста грузооборота, который по сравнению с предыдущим годом увеличился на 17,9% и не превышает прироста производства крупной промышленности, который выразился (в довоенных руб.) в 18,6%.

Но эта средняя состоит из двух рядов цифр: если взять среднюю первого полугодия, то она значительно ниже прироста и грузооборота и промышленного производства, если взять среднюю второго полугодия, то она выше прироста товарооборота и промышленного производства. Но сама эта цифра среднегодичного прироста денежной массы в обращении не совсем правильно отражает потребность денег в товарообороте, ибо не учтены безденежные расчеты, которые благодаря централизации органов производства и росту синдикатов приобретают все большее и большее значение. И в то время как часть товарооборота обходится без наличных денег, остальная часть товарооборота получила некоторую сумму избыточных денег, которые не могут не повлиять на повышение платежеспособного спроса и давят на рынок в смысле повышения цен или усиления товарного голода.

Третьим важным источником, нарушившим равновесие в нашем хозяйстве, являлось, как это ни парадоксально, сравнительно успешное проведение политики снижения цен, успешное в том смысле, что директива правительства была почти целиком исполнена, но не за счет снижения себестоимости, как предполагалось, а в большей степени за счет снижения прибылей промышленности и торговли, при некотором сокращении накладных расходов торговли.

Как отразилась политика снижения цен на наших индексах цен, видно из следующей таблицы (см. стр. 66).

В первом квартале 1927 г. мы имеем некоторое повышение общеторгового индекса и всесоюзного индекса ЦБСТ. Затем, во втором и третьем квартале — снижение общеторгового и кооперативного индекса, а в Москве — и в частной торговле. В четвертом квартале происходит дальнейшее сни-

	1926 г.	1927 год			
	1/X	1/I	1/IV	1/VII	1/X
	1913 год = 100				
Всесоюзн. опт. индекс ЦСУ . .	179	177	177	173	170
Всесоюзн. розн. индексы Кон'юнктурн. ин та:					
Общеторговый	207	208	202	199	198
Частной торговли (новый) .	224	227	227	229	226
Кооперативный	197	197	189	184	183
Всесоюзн. общеторг. индекс ЦБСТ	203	207	220	199	199
Моск. общеторгов. индекс розн. цен Кон'юнкт. ин-та	241	210	200	195	195

жение по всем видам торговли, включая даже и частную. По некоторым расчетам общая сумма сбережений населения на этом снижении цен достигает 300 млн. рублей.

Разумеется, что эта сумма, так значительно увеличившая платежеспособный спрос города и отчасти деревни, не могла не повлиять на усиление нажима на товарный рынок. И здесь мы наталкиваемся на основной источник наших хозяйственных затруднений. Это — одно из важнейших противоречий всего нашего хозяйственного строительства.

Основной социально-политической задачей Советского государства является стремление поднять благосостояние трудящегося населения. Это означает необходимость выделения с ежегодного национального накопления соответствующей суммы для обеспечения социально-культурных и потребительских нужд населения. Обеспечение же этих нужд конкретными продуктами (жилища, личное потребление, культурные запросы и т. п.) требует соответствующего увеличе-

ния производства. Это с своей стороны требует выделения из национального дохода необходимых средств для производства этих продуктов, а также и для производства орудий производства, производящих эти продукты.

Усиление производства орудий производства является для нас не только необходимой социально-политической задачей, укрепляющей политическую независимость нашей страны по отношению к империалистическим державам, но также и экономической необходимостью усиления внутри страны возможности производительного труда, занятого переработкой сырья и продуктов добывающей промышленности. Необходимо также стремиться к облагораживанию экспорта, т. е. к вывозу не только сырья, но и продуктов обработки сырья, что даст возможность увеличить количество труда в нашем хозяйстве и обеспечить работу большему количеству населения, иначе, вместо экспорта, облагороженного трудом, нам придется считаться с увеличением безработицы. И в этом смысле индустриализация является и экономической необходимостью для обеспечения трудом той массы рабочих рук, которые выбрасывает деревня и дает растущее население города.

Но индустриализация страны означает усиленное из'ятие из национального накопления средств для инвестирования их в промышленное производство. Такое инвестирование в капитальное строительство имеет, однако, то неудобство, что оно выбрасывает готовый продукт на рынок через некоторый длительный срок. Это противоречие отзывается и не может не отозваться на определенной напряженности, на товарном рынке.

И совершенно прав т. Рыков, когда в докладе своем на XIV с'езде говорил:

«Задачу развития тяжелой индустрии мы сможем разрешить и разрешим собственными средствами, хотя бы

это и не дало нам возможности совершенно снять с очереди на протяжении ближайшего времени вопрос о так называемых дефицитных товарах. Ведь до сих пор ни одна страна не сумела восстановить и развить свою тяжелую индустрию без крупной помощи из-за границы. Если мы хотим, — и мы должны это сделать, — развить тяжелую индустрию собственными средствами, и тогда придется некоторое время кое в чем пожаться. Иного выхода перед нами нет.

«При нашей политике постоянного повышения благосостояния рабочих и крестьянских масс спрос на предметы широкого потребления будет все время возрастать. Опасность заключается не в недостатке в тех или других случаях некоторых товаров широкого потребления, не в том или ином временном превышении спроса над предложением, а в возможности кризиса всего товарооборота, который может повлечь за собой кризис денежной системы, кризис всего хозяйства в целом. Такой степени обострения рыночных отношений мы ни в коем случае допускать не можем. Мы должны знать меру возможным недочетам в области товарооборота и не допускать, чтобы они приводили даже к такого рода затруднениям, которые мы переживали на протяжении последнего квартала. Но наших позиций в области развития тяжелой индустрии мы под влиянием временных трудностей сдавать не можем».

Таким образом весь вопрос концентрируется в том, чтобы в данных конкретных условиях нашего хозяйствования, когда мы не можем рассчитывать на серьезный приток иностранного капитала, это противоречие внутри нашего хозяйства держать на грани напряженности, не переходящей кризисные явления, которые, как правильно указал т. Рыков, могут подточить фундамент нашего хозяйствования, т. е.

денежную систему и твердость нашей валюты. Эта напряженность будет существовать до тех пор, пока увеличенное и расширенное производство наших орудий производства не даст своего товарного эффекта. Это означает, что темп роста вложений в капитальное строительство д о л ж е н опережать рост национального дохода, но одновременно должны быть приняты меры к тому, чтобы путем кредитной политики, в особенности в области госкредита (займы и сберкассы), или путем налоговой политики сокращать массу платежеспособного спроса, а путем гибкой торговой политики приспособлять товарные запасы к сезонным колебаниям спроса, или, как говорил т. Микоян:

> «Это значит, что при ассигнованиях на капитальное строительство, прежде чем эти ассигнования производить, мы должны подготовить соответствующую товарную массу так же, как это необходимо для обеспечения зарплаты рабочих и заготовки с.-х. продуктов».

В 1926/27 г., благодаря вышеуказанным причинам, это маневрирование в рамках противоречий, характеризующих наше хозяйство, не оказалось на высоте положения. И большим прогрессом в сравнении с предыдущим годом является не только увеличение производственного базиса нашего хозяйства, но и более конкретное и более детальное осознание задач нашей торговой политики для согласования ее с кон'юнктурным движением нашего хозяйства [1].

---

[1] По поводу кризисных явлений в нашем хозяйстве в текущем 1927/28 хозяйственном году, вызвавших необходимость ряда экстраординарных мероприятий в области хлебозаготовок, об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) дал в апреле и в июле 1928 года следующую характеристику причин этих кризисных явлений:

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК полагает, что затруднения в хлебозаготовках, имевшие место в этом году, нельзя считать случайностью. Эти хлебозаготовительные затруднения связаны с

Никто не спорит против того, что трудности в этой области очень значительны и что мы не обеспечены, если не от повторения прошлых ошибок, то от недостаточного учета новых будущих явлений нашего хозяйства. Но означает ли это — невозможность решения этого основного противоре-

---

трудностями быстрого темпа индустриализации страны, диктуемого пролетарскому государству всей международной и внутренней обстановкой, и с ошибками планового хозяйственного руководства. Эти затруднения были усугублены и осложнены стремлением кулацкой части деревни и спекулянтов использовать их, взвинтить цены на хлеб и сорвать советскую политику цен...

Июльский пленум ЦК и ЦКК (1928 г.) в дальнейшем углубил понимание причин хозяйственных затруднений в текущем хоз. году указав на крайне низкий уровень сельского хозяйства.

„Если промышленность сама по себе является мощным двигателем сельского хозяйства по пути его преобразования на основе социалистической индустриализации, то сельское хозяйство представляет базу развития промышленности и как рынок, поглощающий изделия промышленности, и как поставщик сырья и продовольствия...

„...Поэтому крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой, таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелко-крестьянской деревней, — стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства.

„Эта опасность становится особенно ощутительной в связи с отсталостью зернового производства, рост которого отстает от роста потребностей на хлебные продукты как для удовлетворения нужд внутреннего рынка, так и для развития экспорта. Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности".

чия без кризисных явлений в нашем хозяйстве? Означает ли это, что эти трудности являются не чем иным, как скрытыми или немножко модифицированными явлениями капиталистических кризисов, как думают некоторые советские экономисты? Разумеется, нет. В этом отношении критики официальной партийно-советской линии из разных лагерей, хотя предлагают и разные выходы из этого противоречия, фактически сходятся в одном — в невозможности решения этого противоречия на базисе новой экономполитики и тех мероприятий, которые проводило наше правительство по сей день и согласно постановлению XV с'езда будет вести и впредь.

Если сторонники так называемой «Кондратьевской школы», к которой можно причислить целый ряд серьезных советских экономистов, не марксистов, приходят к такому выводу, что этот путь решения основного противоречия нашего хозяйства, т. е. путь усиленной индустриализации, усиления капиталонакопления, повышения благосостояния трудящихся масс как города, так и деревни, т. е. увеличения заработной платы, параллельной росту производительности труда, облегчения налогового бремени на бедняцкие слои крестьянства, усиления государственной помощи для производственного и потребительского кооперирования бедняцких и середняцких хозяйств и т. п., не разрешим, ибо означает, по их мнению, переложение бремени социалистического строительства на крестьянство и может привести к кризису сельского хозяйства, к задержанию роста с.-х. производства и грозит политическими осложнениями в отношениях между крестьянством и рабочим классом, — то троцкистская оппозиция — в своей оценке этого вопроса, исходя из других предпосылок — приходит к тому же самому выводу — невозможности решения этого противоречия.

По ее мнению, продвигание нашего хозяйства по этому пути означает слишком медленный рост социалистических

элементов нашего хозяйства, а этим самым замедление темпа роста социальной мощи пролетариата за счет усиления социально-политического влияния кулацко-крестьянских слоев и городской мелкой буржуазии, в особенности при сильном росте капиталистического окружения, означает ослабление социально-политической роли Советского Союза на арене мирового хозяйства и мировой политики.

Хотя исходная точка зрения у обоих критических лагерей одинакова, политико-экономические выводы — разные. Школа Кондратьева и прилегающих к ней экономистов не верит в возможность усиленного промышленного строительства без притока иностранного капитала, т. е. без возвращения к той системе мирового разделения труда, которая существовала в довоенное время и которая могла бы разрешить наше основное противоречие, ликвидируя все кризисные явления путем облегчения внешне-торговых сношений, в первую очередь за счет ослабления режима монополии внешней торговли, облегчения частно-капиталистического накопления в городе и деревне, ослабления темпа роста зарплаты в городах и усиления интенсивности труда и облегчения частно-хозяйственной деятельности в городе, а отчасти и в деревне.

Это, по их мнению, даст возможность ослабить платежеспособный спрос города, усилит товарность зажиточных групп крестьянского хозяйства, облегчит экспорт этих продуктов за границу, выравняет при большей свободе внешнеторговых сношений внутреннюю покупательную силу нашей валюты в сравнении с иностранной, без необходимости девальвации и, наконец, усилит частное накопление и приток этого накопления в государственную кредитную систему. Только в этих условиях возможно обеспечение равновесия внутри нашего хозяйства, а при снижении цен промышленного строительства и усиление производства продуктов потребления за счет сокращения производства орудий произ-

водства, обеспечение всего платежеспособного спроса и преодоление явлений товарного голода. Если плановая наметка на ближайшие пять лет будет исходить из этих основных положений, тогда планирование, которое по сути дела будет не чем другим, как учетом, предвидением стихийных сил нашего хозяйства, возможно и не только целесообразно, но и необходимо, ибо как же может такой крупный хозяин, каким является Советское государство, не иметь планов своего хозяйствования, если его имеют и должны иметь крупные тресты и концерны капиталистических государств.

Вот в самом сжатом виде программа экономической политики этого лагеря экономистов [1], названных т. Струмилиным «эпигонами народничества», хотя по сути дела под этой платформой могут подписаться не только эпигоны народничества, но и последыши буржуазно-демократических взглядов.

По сути дела это означает своеобразное «развитие» новой экономической политики и соскальзывание на линию буржуазно-демократического, в сущности капиталистического возрождения нашего государства.

Но если идеологи этого направления видят все трудности нашего положения, вытекающие при исполнении директив экономической политики пролетарского государства, то, выставляя свою программу экономической политики со всеми последствиями социально-политического характера, они не замечают тех трудностей, которые встретит и не может не встретить исполнение их программы. Ведь что означает переход нашей хозяйственной политики на буржуазно-демократическую линию? Он означает, по сути дела, воспроизводство тех внешне-политических и внутриклассовых трудностей, которые ускорили падение царизма и решение которых не в состоянии

[1] Более детальное изложение этих взглядов читатель найдет в следующей части настоящей брошюры.

был провести режим Февральской революции. И не только у нас, в отсталой России, но и в тех государствах, которым пришлось решать проблемы последствий империалистической войны не путем социалистическим, а путем буржуазно-демократическим.

Не будем слишком углубляться в проблему внешних политических отношений. Достаточно будет указать, что уничтожение монополии внешней торговли откроет двери для такой эксплоатации потребительского рынка в пользу иностранного капитала, от которой даже царский министр Дурново приходил в ужас. А что же касается внутренних условий, то нельзя забывать, что возрождение капиталистических элементов в нашей стране означает усиление капиталистических групп в деревне, усиление классовой борьбы пролетариата с буржуазными элементами страны, означает возврат к периоду гражданской войны и возобновление ее на новых началах. Советское государство — это государство диктатуры пролетариата, а советское правительство реализует классовые интересы пролетариата и большинства трудящегося крестьянского населения, которые не допустят к возрождению капиталистических отношений, каковые неизбежно должны вырасти при первых попытках реализации программы этих последышей буржуазно-демократической идеологии.

Вся концепция этой школы висит в воздухе, не считается с соотношениями классов в нашей стране и с теми социально-классовыми сдвигами, которые произошли за эти десять лет. Если что-нибудь и есть утопичного в нашей советской действительности, то это и есть, при всем кажущемся ее реализме, утопия «школы Кондратьева», да притом еще — реакционная утопия.

Не менее утопична и не менее вредна установка оппозиции. По сути дела она означает отказ от новой экономической политики. Политически это означает

отказ от связи с большинством крестьянства, ибо новая экономическая политика есть не что иное, как «уступки трудящемуся и эксплоатируемому крестьянству, не вредящие делу социализма», как формулировал это Ленин в ноябре 1917 года.

Сверхиндустриализация при всех других методах хозяйствования, в том числе и принудительный хлебный заем и т. п., т. е. все, что предлагает оппозиция, означает административно-финансовый нажим на те элементы крестьянского населения, которые ведут товарное хозяйство и которые существовать не могут вне рыночных условий. Экономически это означает ослабление с.-х. производства, ослабление товарности его, значительное сужение сырьевой базы промышленности и обкарнание внутреннего рынка для промышленных продуктов. Политически означает возрождение враждебных отношений с середняцкими группами крестьянства, изоляцию пролетариата и новую революцию, без всякой надежды на какой бы то ни было успех.

Оба эти лагеря явным образом исходят из невозможности преодолеть те трудности нашего социалистического строительства, о которых мы говорили выше, что означает, по сути дела, отказ от тех задач, которые себе поставила Октябрьская революция и которые она до сих пор, в продолжение десяти лет, с успехом проводила.

И поэтому вполне понятно то возмущение, которое вызвала в рядах партии точка зрения оппозиции, и понятно, почему XV с'езд партии отклонил пересмотр нашей экономической политики, целиком и полностью подтвердил правильность проводимых до сих пор мероприятий и в этом же духе дал директивы для составления 5-летнего хозяйственного плана, наметил целый ряд конкретных заданий в области нашего социалистического строительства и изживания тех недочетов планирования нашего хозяйства, которые выявились за последние два года; указал путь преодоления

об'ективных экономических трудностей, которые неразрывно связаны с материальными ресурсами, полученными нами в наследство от царизма, и с той «ступенькой» исторической лестницы, называемой социализмом, на которую нам нужно взойти, согласно директивам Октябрьской революции, ибо «никаких промежуточных ступеней нет».

В этом отношении нет никаких поводов предполагать, что возможность планирования нашего хозяйства и плановое руководство хозяйством по определенной линии, указанной классовыми интересами трудящихся масс как города, так и деревни, у нас меньше, чем в капиталистическом государстве, как это предполагают меньшевики и идеологи буржуазной реставрации. Наоборот, и опыт десяти лет нашего хозяйствования, и небольшой опыт планирования нашего хозяйства, несмотря на целый ряд просчетов и ошибок, вызванных как недостаточным умением маневрирования, так и трудностями об'ективного порядка, явно свидетельствуют об об'ективной возможности, а тем самым и необходимости улучшать элементы планирования нашего хозяйства в целях усиленного роста социалистич. строительства.

VII. ПУТИ ИЗЖИВАНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ

(XV съезд о работе в деревне)

Критики из обоих лагерей постоянно нам указывают на рост капиталистических группировок в деревне, усиление кулацких верхушек и диференциацию крестьянства. Наши противники единым хором, от Шульгина до Троцкого и Зиновьева, вопят о том, что эти явления доказывают, что Советское государство строит не социализм, а возрождает капитализм.

Чтобы оценить явления, на которые так усиленно тычет пальцем «критика», надо иметь в виду следующее. Во-первых, тот короткий период, в который «констатируется» неиз-

бежная тенденция роста капиталистических элементов деревни, как тенденция, преобладающая в сельском хозяйстве нашей страны, слишком недостаточен, чтобы можно было говорить о банкротстве политико-экономических возможностей перевода товарных хозяйств в сельском хозяйстве на социалистический путь. Со времени введения новой экономической политики прошло пять лет, из которых один год был голодным годом и один неурожайным. Эти явления, разумеется, не могли содействовать усилению социалистических элементов, ибо они в большей степени бьют беднейшие хозяйства, за счет которых растут более сильные капиталистические хозяйства.

Другое, на что надо также обратить внимание, — это следующее: основной задачей хозяйственной политики страны после введения нэпа являлось, в первую очередь, повышение производительности всего сельского хозяйства без определенного учета социальных группировок, т. е. без определенного регулирования взаимоотношений между классовыми группировками в деревне. Об этом многократно говорил Ленин в период 1921/22 г., и это было вполне понятно, принимая во внимание то состояние нищеты и разорения, в котором находилась наша республика, и связанную с этим опасность разрыва связи между пролетариатом и крестьянством. Это во-время вспомнил т. Бухарин в своем докладе на активе Ленинградской организации 26 октября 1927 г., напоминая следующие слова Ленина:

> «... все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия, во что бы ни стало.
>
> «Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный

капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически не двигать» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 225).

Правильность этой линии признал и XIII с'езд партии, который констатировал и рост производительности сельского хозяйства и рост благосостояния широких крестьянских масс, но одновременно признал, что «начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства. Наряду с этим растет беднота, происходит расслоение деревни» [1]. XIII с'езд наметил следующие возможные линии развития.

«В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития — капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации к социализму. Наличие советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути».

[1] Резолюция XIII с'езда партии о работе в деревне. Характерно, что на XII с'езде партии в резолюции о налоговой политике в деревне говорится: «Ввиду н а ч а в ш е г о с я общего оздоровления хозяйственной жизни советских республик, которое выражается и в оживлении и в увеличении товарооборота, партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего труда». Дальше идет постановление о замене натурального налога денежным.

Из этого видно, что рост капиталистических элементов в деревне предвиделся партией как необходимое следствие из тех конкретно-экономических задач, которые стояли в очереди для первых лет после введения нэпа. Одновременно, однако, намечался и проводился целый ряд мероприятий, усиливающих те элементы народного хозяйства, которые в дальнейшем своем развитии сумели бы овладеть стихийным ростом капиталистических элементов деревни. Можно ли на основе существующих данных определить, что к концу десятилетия выявилась невозможность охвата и дальнейшей задержки этого стихийного роста капиталистических элементов? Можно ли на основе существующих данных утверждать, что на этом участке социалистического строительства, несомненно, важнейшем и предопределяющем возможность и реальность социалистического строительства страны, мы потерпели поражение? Для такого утверждения нет никакого основания.

Во-первых, все те статистические данные, которые приводятся сторонниками мнения, что развитие шло по линии капитализма, а не по линии социализма, явно недостаточны и дефектны.

Мы не будем уже говорить об аргументации, приводимой меньшевиками, буржуазными демократами типа С. О. Загорского и т. п. Все они ссылаются, главным образом, на данные 1924/25 г., данные либо конъюнктурного характера, либо статистических вычислений, являющиеся очень неполными и очень неточными даже в области изменения крестьянских хозяйств по посевам.

Но и троцкистская оппозиция, которая прекрасно знает, что даже самые лучшие и точные данные по изменению посевных площадей не говорят ничего о фактическом характере изменения хозяйств, даже и эти рьяные критики партийной линии не могли ничего представить в обоснование своего обвинения. В своих контртезисах они, приводя неко-

торые статистические данные об изменении посевной площади в отдельных группах крестьянства, говорят:

> «Исчерпывающих данных о ходе расслоения за последние два с половиной года нет. Приведенная группировка сделана на основании статистических данных 1924/25 г. Мы располагаем только данными об изменении посевных групп от 1925 к 1926 г. Конечно, посевные группы не вполне совпадают с социальными; однако существует несомненная зависимость между социальными группами и размером посева» [1].

Этот абзац в контртезисах троцкистской оппозиции является доказательством полнейшего провала их аргументации в этом центральном спорном вопросе всей дискуссии. Даже если бы эти данные заслуживали полного доверия с точки зрения научной критики, то и тогда можно ли на основе сравнения двух лет (1925 и 1926 гг.) установить какую-нибудь длительную, серьезную тенденцию в развитии хозяйственных группировок внутри сельского хозяйства? При этом эти контртезисы основываются на работе т. Гайстера, приводя не совсем точно и правильно его исчисления, построенные на анализе сравнительно небольшого количества крестьянских бюджетов, собранных на основе методов, резко и вполне обоснованно критикуемых т. Крицманом. Как автор, т. Гайстер, так и руководитель этой последовательной группы Коммунистической академии, которая разрабатывала материал крестьянских бюджетов, т. Крицман, подчеркивают «условность данных крестьянских бюджетов и попытки экстраполировать данные крестьянских бюджетов на всю массу крестьянских хозяйств соответственного района».

«Условность эта, — пишет т. Крицман, — действительно велика. Не только из-за плохого во многих от-

[1] См. «Правда» от 5 ноября 1927 г. Дискуссионный листок № 3, тезис 15.

ношениях качества материала, а в частности плохой репрезентативности бюджетов, данные которых экстраполировались на всю массу производства, так называемых динамических гнезд (отдельных волостей, в которых производятся ежегодные подворные переписи), но и вследствие неопределенной репрезентативности самих динамических гнезд по отношению ко всей массе крестьянских хозяйств соответствующих районов».

«Эта экстраполяция,—пишет дальше т. Крицман,— не может быть рассматриваема иначе, как опыт, отнюдь не дающий еще каких-либо твердых данных» [1].

Что же касается выводов из анализа посевных площадей, то т. Крицман в той же самой работе говорит:

«После Октябрьской революции посевная группировка получила со стороны резко изменившихся общественных условий ряд сокрушительных ударов, сделавших ее совершенно непригодным средством для выявления размеров хозяйства, даже и в тех пределах, в каких она до сих пор служила для этой цели».

И дальше он указывает на то, что:

«В созданных Октябрьской революцией условиях только группировка по средствам производства могла служить для уловления различия и размеров хозяйства и косвенно для выявления классовой структуры пореволюционного крестьянства».

Такой, однако, работы, которая могла бы на анализе группировок крестьянских хозяйств по средствам производства уловить изменение крестьянских хозяйств и их клас-

[1] См. А. Гайстер, Расслоение советской деревни, предисловие Л. Н. Крицмана, изд. Коммун. академии, 1928 г.

совую структуру, до сих пор нет. Работа т. Гайстера — только первая «проба пера» в той области. Единственно, что в работе т. Гайстера установлено, это то, что в 1925/26 г. как в отношении распределения посевной площади и рабочего скота, так и по размерам с.-х. запасов, основное ядро крестьянских хозяйств составляют середняцкие хозяйства, это видно из таблицы, составленной на основе работы т. Гайстера:

ГРУППИРОВКА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПО ПОСЕВУ, РАБОЧЕМУ СКОТУ, СЕЛ.-ХОЗ. ЗАПАСАМ В ПРОЦЕНТАХ
(по данным крестьянских бюджетов 1925/26 г.)

	Хозяйства																	
	Мельчайшие			Мелкие			Средние			Выше сред.			Крупные		
	Рабочий скот	Посевная площадь	Сел.-хоз. запасы	Рабочий скот	Посевная площадь	Сел.-хоз. запасы	Рабочий скот	Посевная площадь	Сел.-хоз. запасы	Рабочий скот	Посевная площадь	Сел.-хоз. запасы	Рабочий скот	Посевная площадь	Сел.-хоз. запасы
Украина . .	4,3	8,3	18,1	10,2	16,9	14,2	57,1	49,2	50,8	19,7	17,2	14,2	8,7	8,4	12,8
Сев. Кавказ	1,6	7,8	9,6	7,2	11,6	10,1	43,2	39,8	36,9	33,3	29,1	30,6	14,6	11,7	12,8
Урал. обл. .	3,0	4,2	5,0	4,6	6,8	5,5	50,8	43,6	46,7	23,2	25,6	24,4	18,4	19,8	18,4
Новос. уезд.	9,2	9,3	8,1	10,1	12,0	9,2	56,8	54,2	55,8	12,6	12,7	13,3	11,3	11,3	14,6

Как ни ориентировочна эта таблица, она все же указывает, что от правильной экономической политики государства зависит направление развития тех обоих флангов группы середняцких хозяйств, которая, являясь центральной в нашем сельском хозяйстве, должна сделаться мостом, через который все крестьянское хозяйство перейдет на рельсы социалистического пути.

Но может ли «политика» ждать, пока тяжеловесная статистика раскачается и даст «материал» о крупных социальных сдвигах, происшедших в обществе? Разумеется, нет. «Политика» проверяет свои обобщения исследовательскими методами. Но она воспринимает эти явления не только

статистикой. Весь вопрос в правильной оценке этих изменений.

В докладе своем на XV с'езде т. Молотов, не скрашивая действительности, говорил следующее:

> «Но если данные сами по себе говорят о том, что рост капиталистических элементов в деревне пока еще выражается в совершенно незначительной величине, то надо отметить, что за последние годы процесс роста этих элементов идет заметно ускоренным темпом. И хотя в ряде районов, как, напр., на Северном Кавказе, мы наблюдаем в этом году заметно выраженную задержку в росте высшей группы в деревне (уменьшение у нее удельного веса посевов, рабочего скота, жнеек — по отношению ко всему крестьянскому населению края), однако, в общем и целом процесс роста капиталистических элементов в деревне за последние годы заметно усилился (большое значение приобрела сдача в наем с.-х. инвентаря маломощным крестьянам)».

Констатирование одного этого факта, который предвиделся всей партией, еще не исчерпывает вопроса о выяснении хозяйственных процессов, происходящих в деревне. Необходимо выяснить, нет ли в деревенском хозяйстве и на стыке этого хозяйства с городской промышленностью явлений, которые бы доказывали, что элементы социалистического переустройства мелких крестьянских хозяйств налицо?

Вся проблема роста капиталистических элементов деревни — это проблема большей конкурентоспособности крупных крестьянских хозяйств в сравнении с мелкими хозяйствами, и успешная борьба с капиталистическими элементами деревни возможна только тогда, когда им будут противопоставлены не мелкие хозяйства, или деревенская

беднота, а именно более производительные, более конкурентоспособные хозяйства некапиталистического типа.

Имеются ли какие-либо признаки появления таких более укрупненных и некапиталистических крестьянских хозяйств? Как раз на этом вопросе свихнулась так называемая сапроновская группа оппозиции, которая на этот счет имеет только один ответ: укрепление развития совхозов, как единственных элементов крупного типа сельского хозяйства в борьбе против кулацких элементов, — вот конкретная идея этой группы, — идея, могущая единственно вывести сельское хозяйство на социалистические рельсы. Но такая ориентация означает отказ от связи с середняком, отказ от развития середняцких хозяйств и ставка на пролетаризацию самой мощной группы крестьянства. По сути дела и троцкистская оппозиция в своей аграрной программе скатывается к этой линии.

Это, разумеется, не означает, что не должно всяческими мерами поддерживать развитие совхозов. Но роль совхозов иная, нежели предполагают сапроновская или троцкистская оппозиция. Совхозы не могут и не должны поглощать бедняцкие и середняцкие хозяйства. Путь укрупнения этих хозяйств идет не через их пауперизацию, а через коллективизацию. Что же касается совхозов, то необходимо «сделать из совхоза о б р а з е ц крупного сельского хозяйства в деревне, о б р а з е ц для крупного коллективного хозяйства крестьянства». «Такова наша задача в отношении совхозов» — говорил т. Молотов на XV с'езде партии. «Вместе с тем совхозы должны всемерно усилить помощь окружающему крестьянству, особенно бедноте и маломощным, организации прокатных и агрикультурных пунктов, организации тракторных колонн и т. п.» — так решил XV с'езд партии. Одновременно с этим необходимо строить новые крупные совхозы, как государственные крупные хозяйства, дающие наибольший выход товарного хлеба.

Повышать урожайность бедняцких и середняцких хозяйств и усиленно развивать те ростки коллективизации, которые в настоящее время показываются на всех участках сельского хозяйства.

Тов. Молотов в своем докладе привел целый ряд крайне интересных явлений этого порядка, доселе мало выявленных и обобщенных. К таким явлениям, напр., принадлежит успешно развивающаяся контрактация между крупной обрабатывающей промышленностью и сельскохозяйственными производителями.

«И раньше была контрактация, — говорил т. Молотов, — между сахарозаводчиками и кулацкими хозяйствами, которые снабжали свеклой эти самые сахарные заводы. Теперь у нас совершенно новая контрактация. Заключается договор на поставку определенного количества продуктов, напр., между сахарной промышленностью и сельскохозяйственной кооперацией в свекольных районах. И с.-х. кооперация, об'единяющая мелкие крестьянские хозяйства этих районов, доставляет по этому договору в определенный срок (и по установленной цене, качеству и т. п.) свеклу для сахарных заводов. При этом надо иметь в виду, что сама сахарная промышленность заинтересована в том, чтобы свекла была доставлена во-время, лучшего качества, чтобы цены на нее не вздувались. Поэтому сахарная промышленность заинтересована в том, чтобы поднять свекольное дело, заинтересована в улучшении качества, а, следовательно, в улучшении обработки полей для свеклы, в улучшении доставки этого продукта, т. е. сама сахарная промышленность становится заинтересованной во всемерном улучшении сельскохозяйственного производства. И практика показывает, как широко развивается теперь договорная кампания

между сахарной промышленностью и свеклосахарной кооперацией крестьянства в этих районах, причем Сахаротрест широко снабжает кооперацию свеклосевов улучшенными семенами, удобрениями, с.-х. машинами, агрикультурной помощью и т. д.».

То, что делается сахарной промышленностью в смысле увязки между с.-х. производством и перерабатывающей промышленностью, и соответствующее влияние на улучшение с.-х. производства через кооперацию, возможно во многих других отраслях промышленности. Так обстоит дело и с хлопководством и с льноводством и т. п.

Около двух миллионов крестьянских хозяйств связано через кооперацию своим производством с промышленностью. И это первые шаги в этой области, которые имеют крупнейшее значение как в смысле планового воздействия на с.-х. производство, так и в смысле продвижения крестьянских хозяйств по линии коллективизации через кооперацию. Здесь проблема коллективизации как сбыта, так и в особенности производства для усиления выхода продуктов на рынке нашла себе конкретный путь, понимание которого доступно самым широким массам, — путь, который не требует административного воздействия и т. п. принудительных мер, а только исключительно осознания своих интересов крестьянскими массами — интересов, идущих в данном случае целиком по линии интересов как госпромышленности, так и самих крестьянских хозяйств. Разумеется, и здесь возможны всякого рода искривления правильно выявленной и намеченной линии развития. Но нужно уже обладать специальными талантами, чтобы из этой жизненной и реальной политики, об'единяющей мелкие и средние крестьянские хозяйства по линии коллективизации, сделать источники обогащения и развития кулацких хозяйств. При правильном партийном и общественном контроле

такого рода талантам, наверное, не суждено долголетие.

В дальнейшем т. Молотовым выявлены были еще очень интересные факты, указывающие на тенденцию коллективизации через с.-х. кооперацию, в особенности в области кооперативной промышленности, перерабатывающей с.-х. сырье: около 1 миллиона крестьянских хозяйств об'единены в кооперативные организации по переработке молочных продуктов, животноводства и т. п., и этим самым крестьянские хозяйства направляются к общественной обработке земли, к применению хороших с.-х. машин, подготовляются к общественному сбору урожая и организации общественных предприятий в области животноводства и т. п. Эти хозяйственные явления имеют большое влияние на усиление товарности крестьянских хозяйств и привлечение к производительному потреблению денежных накоплений крестьянства, т. е. как раз на те моменты, усиленное развитие которых является важнейшим вопросом настоящего времени.

> «При устойчивых с.-х. ценах, — говорит т. Молотов, — выгодность сельского хозяйства и заинтересованность крестьянства в нем могут быть достигнуты только одним: увеличением количества продуктов, увеличением с.-х. производства».

В этом отношении правильная и чуткая политика цен по отношению к с.-х. производству и правильная кредитная политика, обеспечивающая равновесие рыночной кон'юнктуры, являются важнейшим элементом как планирования, так и усиления экономического противодействия более крупным крестьянским хозяйствам.

В настоящий период времени, когда в сельском хозяйстве достигнут довоенный уровень, «коренной задачей, — говорит т. Молотов, — всей политики партии в деревне яв-

ляются меры, которые обеспечивают максимально благоприятный для крестьянских масс и для всего Советского государства переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному обобществленному хозяйству в деревне». Этой задаче должны содействовать и политика цен, и кооперация, и индустриализация и интенсификация сельского хозяйства и, наконец, вся наша кредитная и налоговая политика.

Эта крупная историческая задача требует, кроме внимательного и делового отношения, также средств и времени. Внутри крестьянства должно найтись достаточно ресурсов для производительного вложения в кооперативное строительство. При правильной и осторожной политике, приток крестьянских средств на эти цели может быть достигнут. Разумеется, при обеспечении планомерности нашего хозяйства, главным образом, равновесия на товарном рынке, гарантирующей твердость нашей валюты, при правильной заготовительной кампании эта проблема может быть вполне успешно решена.

Таким образом из недр жизни, благодаря правильной и выдержанной политике, намечаются конкретные пути решения основной задачи, которая была поставлена в октябре 1917 г.: перевод мелких крестьянских хозяйств на социалистические рельсы.

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это не означает, что на пути к основной нашей цели нет уже никаких трудностей. Нельзя забывать о таких крупных вопросах, как аграрное перенаселение, которое давит на наше хозяйство и которое не так легко будет изжить при наличии сравнительно небольшого капиталонакопления в нашей стране. Но эти трудности могут быть ослаблены при интенсификации сельского хозяйства, расширенном росте промышленного производства и примене-

нии 7-часового рабочего дня. Коллективизация мелких крестьянских хозяйств, несомненно, поднимет рост с.-х. производства, с расширением кооперативных очагов промышленного с.-х. производства этот избыток крестьянских рук может найти себе достаточное применение в деревнях [1].

Если перед нами стоят поистине гигантские задачи, впервые реально решаемые, — задачи, требующие, кроме ясной мысли и ясно начертанного пути, сплоченности и энергии, все же эти трудности не такого порядка, чтобы вызвать сомнение в возможности их преодоления. Тем менее можно сомневаться в этом, ибо пройденный нами за эти 10 лет путь ни в какой мере не отклонился от октябрьской программы. Даже в области отношения к крестьянству, в области охвата мелкобуржуазной стихии, «неустойчивого середняка», который в зависимости от об'ективных условий может сделаться базой для капиталистической реставрации, но и наоборот, при правильной политике, фундаментом социалистического переустройства деревни, и в этой самой трудной области нет никаких данных, могущих подкрепить мнения и взгляды о том, что мы идем по линии капиталистического восстановления. Советская политика не только «очистила путь для дальнейшего экономического и политического развития», но и шагает по этому пути, успешно отбиваясь как от внешних классовых врагов, так и от сомневающихся, колеблющихся, неустойчивых элементов внутри нашей партии. Уступки, сделанные мелким товаропроизводителям, намеченные Лениным 10 лет тому назад, до сих пор не вредили делу социализма и впредь, закрепляя союз с

[1] Процесс этот, разумеется, не может не вызвать противодействия капиталистических элементов деревни, ибо он означает ограничение развития кулацких хозяйств, являющихся, несмотря на свою малочисленность, хозяйствами со сравнительно большой товарностью. По данным, приведенным т. Сталиным по материалам ЦСУ, 20%

крестьянством, не помешают дальнейшим успехам социалистического строительства.

Несмотря на целый ряд просчетов, ошибок, искривлений директив партии, было бы фантастичным предполагать, что можно такую грандиозную задачу проделать без ошибок, без обходных путей и без повторения пройденного уже раз пути. При той культурной отсталости нашего населения, которая является только отражением экономической отсталости нашего хозяйства, и при той материальной нищете нашего государства, которая является результатом экономической отсталости, миллионы трудового населения учатся на собственных ошибках, на собственном опыте. Однако расходы по изучению опытов и ошибок социалистического строительства себя оправдывают и вторично не будут уже оплачены трудящимися массами тех стран, которые пойдут и уже идут по нашему пути преодоления империалистического характера нынешней эпохи, по пути Октября.

Этот итог 10-летней борьбы за укрепление и развитие Октябрьской победы признается трудящимися массами всего мира и не может быть поколеблен как «сомнениями» оппозиции, так и «убеждениями» контрреволюции разных цветов и мастей.

всего товарного хлеба — кулацкого происхождения. Как ни ориентировочны эти вычисления, они однако показывают, что этот источник товарного хлеба может при определенных условиях влиять на нарушение рыночного равновесия. Это ставит на очередь вопрос о нейтрализации источников дезорганизации товарного рынка — усилении охвата с.-х. рынка. Несомненно, принятое в июле 1928 г. постановление об организации новых крупных зерновых совхозов, усиленном развитии старых совхозов, а также и колхозов, может в ближайшие годы укрепить руководство на с.-х. рынке, а тем самым ослабить влияние капиталистических элементов деревни.

НЕОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

«После захвата власти рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее как всякий класс изменением отношений собственности и новой конституцией».

Ленин (на IX съезде партии, март 1920 г.)

I.

Пролетарское государство на одиннадцатом году своего существования встречается с новыми не менее сложными задачами и трудностями, нежели те, которые ему пришлось преодолевать в предыдущем десятилетии. Это происходит не только потому, что мы являемся до сих пор единственным пролетарским государством, проводящим грандиозную историческую задачу приспособления новых общественных форм к изменившимся производительным силам, выдвинутую империалистической эпохой. Несомненно, что расширение пролетарской революции на другие страны облегчило бы до некоторой степени изживание трудностей нашего собственного социалистического строительства, но оно никоим образом не освободило бы нас от решения тех исторических задач, с которыми пришлось встретиться пролетарской революции в нашей стране. Не раз уже указывалось, что нам приходится решать задачи, не выполненные буржуазией, оставившей нам в наследство грандиозные исторические долги. Когда мы говорим об экономической отсталости нашей страны, то мы в разное время в разных формах

встречаемся именно с этой исторической задолженностью политического предшественника пролетарской диктатуры.

В настоящий момент борьба с экономической отсталостью концентрируется на одном крупнейшем вопросе, источнике хозяйственных затруднений настоящего времени и возможных затруднений на ближайший период времени, на вопросе о темпе накопления в нашем народном хозяйстве. Недостаточно быстрый темп накопления об'ясняется преобладанием ручного, мало производительного труда в сельском хозяйстве, которым занимаются четыре пятых трудящегося населения Союза. Этот основной источник замедленного темпа хозяйственного прогресса ставит на ближайший отрезок времени тяжелые препятствия изменению общественных форм, препятствия строительству социализма.

Каждая страна в своем капиталистическом развитии решала по-капиталистически коренной вопрос темпа накопления. И царское правительство, натолкнувшись на эту преграду в развитии производительных сил страны, нашло путь решения этого вопроса, путь, использованный капиталистическими государствами в прошлом; путь притока капиталов, накопленных в других государствах (как дополнение к внутренней эксплоатации и внешним «колониальным» грабежам), при помощи которых возможна была индустриализация страны, а через нее и усиление темпа собственного накопления. Но по целому ряду исторических причин, о которых здесь не место распространяться, путь этот оказался для помещичье-крепостнического государства путем гибельным. Прикрепленному этой капиталистической «интервенцией» к империалистическому конфликту мировых держав, капиталистически-крепостническому государству пришлось платить расходы по первому в исторической цепи конфликту «традиционных общественных форм» с ново-приобретенными производительными силами.

Не лишним будет указать на то, что царская Россия для получения соответствующей помощи со стороны капиталистических государств должна была предпринять целый ряд изменений в хозяйственном организме страны, которые не только обошлись очень дорого миллионным крестьянским массам, но которые и по своей внутренней логике вызывали целый ряд очень тяжелых последствий. Укажем, что для получения возможности усиленного притока иностранных капиталов в царскую Россию пришлось ввести золотое денежное обращение, необходимо было накопить в стране большой золотой запас, что стоило народному хозяйству России крупных жертв, ибо этот запас, почти в миллиард рублей, был накоплен в период низких хлебных цен и был огромным бременем для крестьянского населения. В дальнейшем для удержания золотого денежного обращения необходимо было вводить высокие таможенные пошлины в целях сокращения импорта и получения активного торгового баланса и для оплаты процентов по иностранным займам заключать новые займы за границей. Одновременно с этим приходилось всяческими мерами выколачивать хлеб из крестьянских хозяйств для экспорта. А к каким политическим последствиям привела эта иностранная задолженность и зависимость от английского, французского, бельгийского биржевого капитала, об этом теперь всем известно.

Советское государство во исполнение задач, не исполненных буржуазией, стоит в настоящее время перед аналогичной проблемой. Неудивительно, что этим вопросам посвящаются главнейшие исследования экономического характера, но еще менее удивительно то, что целый ряд видных советских экономистов при решении этого вопроса скатывается к классически капиталистическим формам решения.

Мы имеем в виду тех советских экономистов не марксистов, которые, не приняв Октябрьскую революцию с самого

начала ее существования, смогли с момента введения новой экономической политики найти совместный путь с советской властью, исходя из того, что новая экономическая политика, восстанавливая рынок, должна была восстановить целый ряд капиталистических форм хозяйствования. Они были убеждены в том, что Советское государство принуждено будет в дальнейшем развитии держаться традиционных капиталистических форм бытия. Всякое уклонение от этих капиталистических форм они зачисляли или к остаткам периода военного коммунизма, подлежащим может быть и медленному, но неизбежному отмиранию, или же к явлениям временного рецидива военно-коммунистической стихии. Несомненно здесь играло роль одно важное и существенное явление — это внутренняя логика капиталистической хозяйственной системы, которая носит в себе вместе с зародышами воспроизводства капиталистических противоречий также и стихийные решения этих противоречий, которые ликвидируют возникшие затруднения.

Если к этому присовокупить тот всем известный факт, что при существовании в нашем хозяйстве достаточно сильных очагов товарных и товарно-капиталистических элементов, которые с введением новой экономической политики получили как бы легальную возможность своего развития, если к этому еще прибавить несомненный успех возрождения капиталистических связей в мировом хозяйстве, что при поверхностном и чисто экономическом наблюдении носит в себе зародыш концепции, порицающей «эксперимент» пролетарской диктатуры в нашей стране, — то легко можно понять, что при выявлении новых, как бы неожиданных и непредвиденных трудностей социалистического строительства этим идеологам капиталистической традиции стало невмоготу.

Мы имеем в виду не тех, которые или не видят основных проблем наших трудностей, или их видеть не желают, чтобы

не войти в конфликт уже не со своей научной совестью или добросовестностью (есть о чем говорить!), — а с официальным мнением правящей партии. Мы имеем в виду тех экономистов, которые, искренно и добросовестно изучая данные вопросы в целях помощи государству, не могут выйти из традиционной идеологии, на которой они выросли и воспитались, и приобщиться к идеологии революционного пролетариата. Они не могут понять, что новый класс, пришедший на смену капиталистическому классу, используя при этом формы капиталистического хозяйства в целях укрепления своей власти, изменяет материальные источники предыдущих общественных отношений и что это изменение не происходит без тяжелой борьбы, крупных затруднений и жертв.

Самое характерное для взглядов и концепции этих советских экономистов это то, что они не учитывают специфичности исторического периода, в котором им приходится жить и действовать. Когда читаешь работы этого типа экономистов — Кондратьева, Каценеленбаума, Ал. Л. Вайнштейна, Юровского, Железнова, Соколова и др., — нельзя найти хотя бы намека на *империалистический характер нашей эпохи*. Для них капитализм это все еще вечная категория, вечно молодая форма хозяйственного бытия, вечная категория общественных отношений. Они изучают нашу экономику по примеру буржуазных апологетов капитализма, лично не переживших никакой революции, а если и переживших, то только как временное или случайное возмущение, иногда даже, по их мнению, законное против бесталанных правителей, заслуженно прогнанных с их руководящих мест. Они изучают движение «вековых» циклов капиталистического развития, не замечая даже и в прошлом этого развития определенных исторических эпох, чего, кстати сказать, не делают уже многие из видных буржуазных экономистов на Западе. Капитализм есть, был и будет.

Вот их исходная точка. Это делает их неспособными понять ту основную марксистскую мысль, которая почти сто лет тому назад была формулирована Марксом. В письме к Анненкову Маркс в 1846 г. писал:

> «Чтобы не лишиться уже достигнутых результатов, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди принуждены изменять свои традиционные общественные формы, как только способ их общественных отношений перестал соответствовать приобретенным производительным силам».

Но если некоторые из них иногда под напором аргументации готовы на словах признать в существующих высоко развитых капиталистических странах конфликт между производительными силами страны и общественными отношениями, то они никогда не согласятся признать зрелость этого исторического конфликта для нашей страны, страны экономически отсталой и не могущей по их мнению вне капиталистического мира и без его помощи выйти из этого состояния.

II

В какой степени это абстрагирование от конкретных исторических условий мешает правильному и об'ективному учету хозяйственных явлений, наиболее ярко выразилось в недавно вышедшей книжке проф. Л. Н. Юровского: «Денежная политика советской власти» (1917—1927) [1]. Дать историю денежной политики — это, по сути дела, дать историю экономического развития страны и экономической политики за этот период времени. Так построил свою книгу и Юровский, и если у других авторов

[1] Госиздат, 1928 г., 400 стр.

мы имеем отдельные исследования по специальным вопросам хозяйственной политики, на основе которых приходится конструировать концепцию автора, его социально-экономические взгляды и выявить отношение к переживаемой эпохе, то Юровский дает нас связную, логическую концепцию, построенную на оценке десятилетнего периода развития нашего хозяйства.

Надо с самого начала сказать, что эта книжка обладает всеми качествами и недостатками автора. Вместе с богатейшим фактическим материалом, логически связно построенным и прекрасно изложенным, мы имеем целый ряд проблем, теоретически неточно и неясно сформулированных и не всегда правильно решенных. Мы не будем давать детального изложения всех вопросов, затронутых в этой книжке, ни даже критиковать все взгляды автора, с которыми мы не согласны, — это завело бы нас слишком далеко. Мы хотим только остановиться на тех сторонах работы проф. Юровского, в которых более или менее ясно и точно сформулированы его политико-экономические взгляды на актуальные задачи экономической политики нашей страны и на их обосновании.

Проф. Юровский обосновывает свои взгляды и предположения на основе изучения довоенного и военного периода царской России. Самым замечательным выводом этого, вполне правильного метода, является, во-первых, оценка периода военного коммунизма и, во-вторых, последствия введения новой экономической политики как системы капиталистической формы хозяйствования.

Обратимся сначала к первой проблеме — оценке периода военного коммунизма, ибо в этом вопросе наиболее ярко проявляются недостатки исторических методов исследования Юровского, приводящие его неизбежно к фальсификации истории. Не без умысла начинает Юровский историю денежной политики советской власти с дооктябрьских вре-

мен. Методологически это несомненно правильно, ибо историческое наследие, которое получила советская власть от своего предшественника, влияло и влияет на целый ряд мероприятий советской власти в значительно большей степени, нежели это может казаться читателю из книжки Юровского. Но у Юровского другая цель. Изучая хозяйственные процессы периода войны, он делает это с той целью, чтобы показать, что послеоктябрьская политика, политика советской власти, являлась не чем иным, как продолжением мероприятий царизма, мероприятий, вызванных условиями войны.

> «Все что происходило в годы войны и в месяцы временного правительства, — пишет Юровский, — в области регулирования народного хозяйства, было не «примером» для последующей эпохи, а составляло первые звенья закономерного ряда. И этот ряд не был пересечен в эпоху военного коммунизма никакой другой линией, ибо хозяйственная и политическая обстановка укрепляла значение мероприятий по переустройству всей экономической системы» (стр. 50).

Итак, мероприятия военного коммунизма по регулированию рынка, по установлению твердых цен, по принудительному из'ятию излишков производства и, наконец, распределение продуктов, все эти мероприятия, которыми так обилен период военного коммунизма, — все это имеет своим началом те условия военного времени, которые начались задолго до Октябрьской революции. Октябрьский переворот здесь ни при чем. И Юровский детально, с большой скрупулезностью, прослеживает шаг за шагом мероприятия царского правительства, а после и Временного правительства, в области изменения народного хозяйства, проводившиеся в целях его бо́льшего приспособления к нуждам войны. В действительности, в истории военного хозяйствования царского периода мы находим целый ряд мероприятий, которые

были после развернуты и проведены в жизнь советским правительством. Кроме твердых заготовительных цен и разверстки, были и хлебные карточки, были, наконец, и замыслы принудительного из'ятия продовольствия и даже радикального регулирования промышленного производства вплоть до монополии торговли донецким углем. Юровский находит даже элементы планового хозяйства, в этот период времени, правда исключительно «планового хозяйства распределительного типа», причем он подчеркивает, что эти мероприятия выходили уже за границы всей хозяйственной системы: «Усилия этого периода направлены были уже не к урегулированию, а к преодолению рынка», т. е., по сути дела, мероприятия, отрицающие капиталистическую систему хозяйствования. Все это находит Юровский в период до октябрьского переворота, т. е. в тот период времени, когда правящим классом был класс капиталистов, фабрикантов, купцов и помещиков.

Но страшен сон, да милостив бог. В действительности так далеко не зашло: «Регулирование, — говорит Юровский, — и плановое распределение сделало больше успехов в декларациях и законах, чем в практической жизни». Но все же как-никак правящие капиталистические классы подготовляли свое уничтожение. Ведь несомненно, что все эти мероприятия, замыслы, которые, как утверждает Юровский, «в развернутом виде проведены были в период военного коммунизма», означали ликвидацию всей капиталистической хозяйственной системы. Говорит же он, что «при Временном правительстве процесс регулирования не мог не продвинуться еще значительнее вперед и не обнаружить тенденции к вытеснению самых форм товарно-денежного хозяйства». Занесен был меч даже над самым святая святых капиталистического мира, — было «подготовлено наступление следующей эпохи, когда поставлена была проблема уничтожения денег».

Далее итти уже некуда. Правящие капиталистические классы (ведь период Временного правительства как-никак период, в котором правящим классом был капиталистический класс) подготовляли уничтожение денег и не будь Октябрьской революции, капиталистические классы, под давлением необходимости, вытащили бы сами себя за волосы из капиталистического болота и поставили бы на твердую почву социализма! Только Октябрьская революция помешала проведению в жизнь этого ошеломляющего самоубийства.

Вот чему научила Юровского история.

Чем же отличается военный коммунизм от периода дооктябрьского? По сути дела — ничем. Военный коммунизм только развил и провел в жизнь те мероприятия, которые наметились до Октября и вызваны были необходимостью военного порядка. Возьмите, например, вопрос о выпуске бумажных денег в дооктябрьское время и в период военного коммунизма. И там и здесь он имел одну цель — усиление ресурсов казны. Но ведь всем известно, чего не отрицает даже Юровский, что в то время, когда в период существования капиталистической России это было чисто финансовое мероприятие, в эпоху военного коммунизма «даже политические речи и резолюции подчеркивали значение казначейской эмиссии не только как способа пополнения ресурсов государственного казначейства, но вместе с тем и как способа из'ятия средств у определенной группы населения».

Так пишет Юровский и, казалось бы, что он здесь натолкнулся на нить, которая могла бы его привести к правильному взгляду при исторической оценке военного коммунизма. Однако он тут же уклоняется от этой возможности, говоря, что «социально-экономические влияния эмиссии были отраженными ее последствиями и не входили в ее прямые задачи». Если расшифровать эту довольно темно сформу-

лированную мысль, то можно понять автора в том смысле, что эти «политические речи и резолюции» в период военного коммунизма были отражением последствий выпуска эмиссии, т. е. отражением расстройства народного хозяйства, обеднением его, и направляли государственную власть (советскую власть!) к политическим мероприятиям, вроде из'ятия средств у зажиточных групп населения, т. е. опять-таки к мероприятиям, обусловленным не социальным изменением характера власти, а дальнейшим развитием, логическим завершением предыдущих мероприятий. Это все лежит в рамках концепции Юровского.

Было бы, разумеется, неправильным предположить, что Юровский не видит абсолютно никакой разницы между периодом военного коммунизма и военным периодом до Октября. Он не может отрицать того, что мероприятия военного коммунизма проводились совсем иной властью, отличной от власти Временного правительства или царского времени; но он этой разницы себе не усвоил, она осталась у него на поверхности его сознания.

> «Мы вступили бы на путь ошибочных суждений, — говорит Юровский, — если бы стали рассматривать хозяйственную систему эпохи 1918—1920 гг. только как метод организации войны. Эта система, конечно, теснейшим образом связана с войной, — как с предшествовавшей ей мировой войной, так и особенно, разумеется, с войной гражданской. Но было бы заблуждением видеть в этой системе только пролетарский аспект военно-государственной организации хозяйства, той организации, которая в виде государственного капитализма характеризовала экономическую систему Германии в годы мировой войны, а в виде военного коммунизма характеризовала-де советское хозяйственное устройство 1918—1920 гг. Так

называемый военный коммунизм имел иные, очень глубокие истоки» (стр. 49).

И дальше он говорит:

> «Эта система не была продуктом одних военных условий и иных стихийно действовавших сил. Она была также продуктом определенной идеологии, реализации социально-политического замысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах» (стр. 51).

А откуда возникла эта идеология? Какого происхождения этот «социально-политический замысел» построения хозяйства на новых началах? На это Юровский отвечает следующее:

> «Существеннейшие нити идеологических влияний тянутся, как известно, на Запад. Другие нити тянутся вглубь нашей собственной истории и им несомненно принадлежало очень крупное значение».

Мы не будем спорить с автором, насколько идеология пролетарской революции нерусского происхождения. С таким же самым успехом можно утверждать, что идеология капитализма импортирована из Англии; как известно из учебников, — научный социализм впервые возник на почве общественного развития Англии и использования опыта революций Франции. Но не в этом суть. Но если Юровский хочет этой фразой сказать, что «социально-политический замысел» «социального переворота небывалых размеров» возник и был проведен потому, что «вожди российского пролетариата» были заражены западной идеологией и что, таким образом, этот замысел не является необходимым развитием «нашей собственной истории», то эта концепция, хотя не новая и не оригинальная, имеет значение и для оценки исторического

метода Юровского и для обоснования тех выводов, которые он делает при изучении истории. Этим самым он закрывает себе доступ к выяснению отличий военного коммунизма от предыдущей эпохи, как бы внешне ни сходны были мероприятия этих эпох. Юровский закрывает себе доступ к выяснению того элементарного факта, что мероприятия военного коммунизма проведены были совсем другой властью, совсем другим классом, и этим самым социально-экономическое значение этих мероприятий совсем другое. Дело не в том, что благодаря «пафосу уничтожения» «новая революционно-социалистическая власть не смогла проводить меры постепенной социализации и принуждена была перейти на путь радикальных решений и к коренному социальному переустройству», предпосылки чего Юровский правильно видит в об'ективной обстановке военного времени, — а в том, что эти мероприятия, независимо от времени и условий гражданской войны, были проводимы в обстановке изменившихся классовых отношений в обществе другим правящим классом, который для укрепления своих классовых позиций не только смог провести мероприятия, вызванные войной (чего не могли сделать его классовые предшественники), но и такие мероприятия, которые выходили далеко за границы военных нужд и уничтожили материальный источник возрождения капиталистических группировок. Новый правящий класс «изменил отношение к собственности» (Ленин), и этим самым изменил социальный смысл тех мероприятий, которые проводились и в дооктябрьское время и в других государствах. Кто этого не может осознать, кто не учитывает этих явлений при изучении истории этого периода, тот пишет неверную историю. Рассматривать военный коммунизм, как логическое развитие предыдущего периода, и не заметить полного переворота социальных отношений, — это значит закрыть себе доступ к выяснению дальнейшего развития страны и иметь неверную ориентацию при выборе практи-

ческих мероприятий в области нашего хозяйственного строительства.

На этот путь стал Юровский, и как ни ценны были бы его исторические экскурсы и детальное знакомство с отдельными явлениями в области денежной политики советской власти, как ни полезны были бы указания практического порядка в определенном отрезке времени развития нашего хозяйства, — неизбежно должен наступить момент, когда неверная концепция характера нашего государства должна будет привести его к неправильным суждениям и неправильным мероприятиям практической политики.

Если Юровский в своем анализе периода военного коммунизма и не дал самого существенного, отличающего политику советской власти в этом периоде от военного хозяйства царского времени, и этим неправильно выбрал исходный пункт для оценки дальнейших этапов развития советского хозяйства, то все же несомненной заслугой его является историческая реабилитация этого периода времени, выгодно отличающая автора от целой плеяды экономистов не марксистского лагеря, которые, начиная от меньшевиков и до черносотенцев, видят в этом периоде только пафос разрушения «торжествующего хама». Указанием на то, что целый ряд мероприятий периода военного коммунизма являлся или продолжением мероприятий предыдущего периода, или же вызван был наследием войны и задачами защиты страны от интервенции внешних врагов, он внес минимум необходимой ясности и об'ективности в изучение жестких и решительных мер хозяйственного порядка этого периода времени. Но справедливость требует признать, что эта его об'ективность в изучении военного коммунизма очень мало имеет общего с об'ективностью пролетарского историка. В ней сказалось желание найти соответствующее об'яснение целому ряду явлений хозяйственной жизни в дальнейшем периоде развития советского хозяйства, особенно тех хозяй-

ственных трудностей, с которыми приходилось и приходится бороться советскому хозяйству после введения новой экономической политики и в особенности после перевода нашего хозяйства на рельсы денежно-товарного хозяйства. В этом отношении его исследование дает нам возможность об'яснить не только его собственные взгляды на задачи экономической политики нашей страны, но и всех тех советских экономистов не марксистов, взгляды которых и конкретные предложения в последнее время так значительно расходятся от взглядов правящей партии нашего государства.

III.

Выше мы указали уже на то, что после введения новой экономической политики советскому государству пришлось восстановить целый ряд капиталистических форм хозяйствования, среди которых важнейшей и центральной формой капиталистического бытия является денежно-товарная форма хозяйства, базирующаяся на денежной системе, как основном регуляторе капиталистического производства. Со времен Маркса и Энгельса целиком выяснилось, что закон ценности «вносит в общественное производство единственную возможную при данных обстоятельствах организацию и порядок» (Энгельс). Но предпосылкой действия закона ценности является здоровая денежная система. Только тогда, когда существует сравнительно устойчивый ценностный измеритель, только тогда закон ценности, через изменение рыночных цен, регулирует правильное распределение производительных сил капиталистического хозяйства и устанавливает соответствующее равновесие в народном хозяйстве.

Из этой общепризнанной предпосылки и вытекает целый ряд практических мер в области всей хозяйственной политики. Здоровая денежная система требует целого ряда

условий для своего функционирования. Во-первых, для этого необходимо, чтобы она была мировой валютой, т. е. золотой, ибо только тогда она может быть органом, регулирующим правильный приток и отток товаров из страны в страну. Это связано со свободой передвижения золота и товаров из одной страны в другую, сообразно нуждам равновесия спроса и предложения в отдельных странах. В дальнейшем денежная система может только тогда правильно функционировать, когда существует свобода ценообразования, т. е. когда рынок свободно устанавливает цены сообразно спросу и предложению, ибо только тогда может выявиться несоответствие между производством и потреблением. И, наконец, в-третьих, необходимы соответствующие условия для правильного распределения средств между потребительским потреблением и накоплением, необходима свобода частно-хозяйственного накопления.

Только при этих условиях денежная система может исполнить функцию закона ценности — быть регулятором народного хозяйства, с определенной целью установления равновесия [1] народного хозяйства.

Это в самой сжатой форме схема, установленная на многовековом опыте капиталистического хозяйства, и которая считается азбучной истиной для всякого экономиста. Исходя из этих вековых истин капиталистического мира, буржуазные экономисты везде. а также и у нас, в своих практических мероприятиях во всех областях хозяйственной жизни оценивают хозяйственные явления нашей страны, делают соответствующие практические выводы в каждом отдельном конкретном случае, вводя те или другие

[1] Употребляя этот, имеющий «хождение», термин «равновесие», мы абстрагируем в настоящей работе его относительную точность. В действительности никакого состояния равновесия в капиталистическом хозяйстве нет. Его тоже нет и в переходном периоде от капитализма к социализму.

модификации в эти исконные начала капиталистического мира, не затрагивающие, однако, основных положений. Существуют целые школы буржуазной экономической науки, которые, исходя из необходимости устойчивого и единого измерителя для всего капиталистического мира, готовы согласиться на то или другое изменение золотой валюты, предлагая вместо золотого обращения банкнотную или золото-девизную систему или установление индексных показателей и паритетов покупательной способности валюты.

Мы не будем входить в детали этого вопроса; не об этом идет речь. Мы согласны с Юровским, что ограничение в свободе ценообразования, которое происходит в результате развития крупных капиталистических трестов и монополий, по сути дела не затрагивает серьезно рынка и рыночного ценообразования. Монополистический капитализм с этой точки зрения не отличается от капитализма, основанного на свободе конкуренции. В отличие от т. Преображенского, утверждающего, что «в монополистический период капитализма закон ценности частично ликвидируется» [1], утверждаем, что монополистический капитализм оставляет в силе закон ценности и поэтому он так же, как и капитализм со свободной конкуренцией, подвержен кризисам и депрессиям, восстанавливающим нарушенное равновесие.

Можно, на основе опыта капиталистического хозяйства детально изобразить те рычаги, которыми действует капиталистическое хозяйство для достижения равновесия народного хозяйства, и Юровский дает в своей книге вполне приемлемое об'яснение стихийного функционирования этих рычагов капиталистического хозяйства и ставит вопрос: «Как регулируется в этой обстановке количество денег в стране?»

«Ответ не представляется сложным и в экономической литературе дан уже давно. Золото распре-

[1] См. «Новая Экономика» I изд., стр. 120.

деляется между всеми странами так, чтобы товарные цены (при условии учета стоимости перевозки, таможенных пошлин и прочих накладных расходов) всюду стояли на одном и том же уровне. Это будет состояние равновесия. Если по тем или иным причинам цены в одной стране поднимутся, то ввоз товаров в эту страну станет выгодным и он произойдет. За ввоз придется заплатить деньгами, т. е. золотом, а это вызовет уменьшение в стране денежного металла. Какие бы оговорки ни делать в количественной теории денег и в какой бы редакции ее ни принимать, приток товаров и уменьшение количества денег рано или поздно вызовет снижение цен. Перемещения будут происходить до тех пор, пока вновь не будет достигнуто состояние равновесия, вероятно, в новых условиях распределения золота и товаров. Но при всех возможных, осложняющих моментах, вносимых передвижением капиталов, различными условиями накопления или развитием кредитных сделок и платежей, бесспорно, что в этой обстановке количество денег в стране регулируется в порядке стихийного процесса, и задача государственных органов может заключаться лишь в том, чтобы стихийный процесс протекал, по возможности, плавно, не вызывая серьезных потрясений».

Мы не будем спорить с проф. Юровским относительно того, насколько передвижение золота из одной страны в другую вызывает в результате своем непосредственно выравнение цен между этими странами. Несомненно, что тенденция к выравнению уровня цен является движущим стимулом передвижения золота и товаров, но от этой тенденции к действительному состоянию — дистанция громадного размера, ибо основной причиной разного уровня цен в разных странах является состояние производительных сил,

а выравнение их требует более значительного срока времени и не может быть достигнуто методами денежной политики [1].

Мы не будем дальше цитировать Юровского, когда он раз'ясняет механизм эмиссионного банка, который при помощи кредитной политики регулирует движение денежного обращения в условиях разменных и неразменных банкнот, для установления единства курса национальной валюты с мировой валютой и этим влияет на соотношение спроса и предложения внутри страны, на соотношение импорта и экспорта в целях достижения равновесия народного хозяйства. Это не лежит в плоскости настоящей контроверзы нашей с Юровским.

Но что мы хотим и считаем необходимым подчеркнуть, что является существенным недостатком во всей аргументации Юровского, — это социально-экономические результаты стихийно действующего механизма капиталистического хозяйства. Юровский одной только фразой намекает об этом, что является существенным при дальнейшем развитии взглядов Юровского. Он говорит:

> «...описанный механизм отнюдь не всегда действует безболезненно. Но в нашу задачу не входит анализ того, хорош ли этот механизм или плох. Во всяком случае ясно, что это есть действующий механизм, и ясно вместе с тем, как он приводится в действие» (стр. 306).

[1] Мы не будем спорить с проф. Юровским относительно количественной теории денег, это завело бы нас слишком далеко. Он в этом проявляет такое же... грансеньерское отношение к точности теоретической мысли, как и к другим теоретическим вопросам. Укажем на следующее его заявление, «... если выпуск бумажных денег для покрытия бюджетных расходов не сопровождается их обесценением, государство получает доход, который никому не причиняет убытка» (?!) (стр. 30). Так мимоходом решает большие теоретические споры...номиналист и количественник Юровский.

Дело не только в том, хорош ли этот механизм или плох, а в том, какие социально-экономические последствия вносит он в общественные отношения, а это как раз самое важное. А последствия его таковы, что он углубляет классовую дифференциацию общества, усиливает темп пролетаризации, укрепляет финансовую мощь капиталистических классов за счет обеднения пролетарских, и поэтому этот механизм не может быть использован в чистой форме в советском государстве, которое руководствуется интересами пролетарских масс города и полупролетарских масс деревни и которое стремится к ослаблению материальных источников капиталистических группировок деревни и города, имеющихся еще в советском государстве. Упускать из виду социально-экономические последствия этого стихийного механизма денежной системы, — это наперед отказаться от правильной и единственно-возможной в наших условиях установки использования этого механизма, — условиях, диктуемых нашей экономической политикой.

Как успешно изменить этот стихийный механизм капиталистического регулирования — составляет основную задачу всех мероприятий нашей экономической политики.

IV.

Камнем преткновения для большинства советских экономистов не-марксистов является практика изменения стихийного регулятора народного хозяйства, практика, которая находит свое выражение в форме регулирования целого ряда хозяйственных процессов. По их мнению, метод регулирования и планирования, проводимый советской экономической политикой, «уродует» тот тончайший аппарат, воспринимающий всякие явления рыночных изменений и нарушений пропорций народного хозяйства, каким является механизм денежной системы.

Регулированием цен на товары нарушается возможность воспринимать изменения в распределении производительных сил страны, затрудняется выявление нарушенных пропорций отдельных отраслей народного хозяйства и через стихийное изменение цен восстановление необходимой пропорции.

Установлением учетного процента кредитных учреждений вне свободной цены денег денежного капитала ослабляется возможность восприятия явлений на денежном рынке, правильного соотношения производственного и денежного капитала. Тем самым ограничиваем возможность стихийного восстановления правильной пропорции, необходимой для равновесия.

Регулированием заработной платы без учета условий рынка труда, с определенной тенденцией повышения заработной платы независимо от кон'юнктуры рынка, нарушаются стихийные законы ценообразования и капиталонакопления. Этим самым затрудняется возможность стихийного перераспределения ресурсов между сельским хозяйством и промышленностью; и, наконец, регулируя внешнюю торговлю с помощью монополии внешней торговли, наносится регуляторной функции денег самый тяжелый удар. Уничтожая возможность через свободное передвижение товаров и золота установления единства денежной системы на всем протяжении мирового хозяйства, т. е. разрушая единство рынка мировой валюты, советское хозяйство отрывается от мирового разделения труда, что проявляется в разрыве вексельного курса от покупательной силы валюты. Этим самым «уродуется» в самом чутком месте денежная система, делается неспособной не только стихийно восстанавливать нарушение диспропорции, но даже и воспринимать эти нарушения раньше, чем они разовьются и примут форму кризисов.

Мы перечислили самые важные аргументы, относящиеся к денежной системе, как органу товарно-денежного хо-

зяйства. Разумеется, этими аргументами не ограничиваются критики нашей хозяйственной системы и в целом ряде мероприятий нашей экономической политики они видят основные причины наших хозяйственных затруднений и кризисов. К таким мероприятиям они причисляют нашу налоговую политику с определенно выраженным классовым характером ее, нашу аграрную политику, направленную на организацию крупных коллективных хозяйств за счет ограничения роста кулацких хозяйств, политику, направленную против частного капитала, возражают против снижения цен, и, главным образом, против усиленного темпа индустриализации и т. п. О всех этих вещах мы поговорим в дальнейшем. Они являются, собственно говоря, производными тех основных аргументов, которые касаются основ нашей денежной политики и денежной системы. На этих аргументах мы и хотим остановиться.

Несомненно, сочетание денежной системы, выросшей на свободе производства и обмена («Freie Verkehrswirtschaft»), присущей товарно-денежному хозяйству, с регулирующими и планирующими методами советского хозяйства — является крайне сложной и трудной задачей, это тем более, что после проведенной денежной реформы нет уже никаких сомнений насчет того, что в интересах советского хозяйства необходимо стремиться к здоровой денежной системе, основанной на золотом базисе, в форме, принятой самыми развитыми современными капиталистическими хозяйствами. Это нашло себе подтверждение в целом ряде законодательных постановлений нашего государства, вплоть до самого последнего времени. Споры о характере нашей денежной системы, которые были особенно резки в период начала денежной реформы, отошли в прошлое. Для всех уже ясно, что нам нужно стремиться к твердой валюте, к мировой валюте, а таковой является золотая валюта, и все старания должны быть сконцентрированы к обеспечению ее устойчивости, что

возможно только тогда, когда она будет исполнять специфическую функцию обслуживания товарооборота, т. е. когда ее эмиссия будет строго ограничена реальными потребностями, или, иначе говоря, когда деньги будут репрезентантом товаров, имеющихся уже налицо. Трудность начинается там, где начинается определение нужд товарооборота, т. е. фактически размеров банкнотной эмиссии. В классических условиях капиталистического хозяйства эта проблема решается стихийно через рыночные цены товаров и через регулятор внешнего товарообмена. При полноценных деньгах, при золотом обращении или при банкнотном обращении (со свободным разменом на золото), т. е. при свободе перехода золота как деньги в золото как товар, связь между товаром и деньгами существует самая тесная. Если денег больше, чем товаров, то часть денег (золото) переходит в товар, и восстанавливается необходимая пропорция между товаром и деньгами в целях сохранения их реальности и устойчивости. При банкнотном обращении этот механизм действует таким же самым путем, предварительно банкноту обменивая на золото. Облегчает действие этого механизма свобода передвижения из одной страны в другую.

При неразменных банкнотах, какие существуют у нас, эта задача значительно осложняется. Переход денег в товары возможен был бы через переход неразменной банкноты в иностранную валюту, а от нее к золоту. Покуда у нас существовал свободный обмен банкнот (червонца) на иностранную валюту, как суррогат золота, до тех пор обеспечено было правильное функционирование нашей денежной системы и ее возможная устойчивость. С конца 1925 года этот обмен приостановлен. Насколько это приостановление свободного обмена наших банкнот на иностранную валюту носит временный характер трудно решить, но несомненно что, в системе нашего советского хозяйства не лежит тенденция узаконить

эту приостановку. Всем известно, что вызвано оно было ухудшением торгового баланса, имеющим глубокие корни в самых условиях хозяйственной деятельности нашей страны. В этом смысле это мероприятие не случайного характера. Несомненно, что рост производства как сельского хозяйства, так и промышленности даст возможность в ближайшие годы усилить экспорт, и задача активного торгового баланса позволит после накопления определенного валютного резерва восстановить систему размена банкнот на иностранную валюту, существовавшую у нас несколько лет. В этом отношении система советского хозяйства, система регулирования и планирования не означает отказа от полноценных денег и от денежной системы с банкнотным обращением. Регулирование цен и монополия внешней торговли не означают дисквалификации тех функций денежного обращения, которые необходимы нашему хозяйству как товарно-денежному хозяйству.

Другой вопрос—насколько исполняет функцию стихийного регулятора нашего хозяйства, денежная система ликвидирующая возникшие нарушения и пропорции. Об этом разумеется не может быть речи, ибо такое стихийное разрешение всех возникающих диспропорций не гарантировало бы в наших теперешних социально-экономических условиях не только восстановления равновесия, но значительно ухудшило бы весь базис нашего хозяйства. Это прекрасно знают все те, которые, как и Юровский, указывают, что даже для нормально действующего капиталистического хозяйства такое стихийное регулирование нарушенного равновесия проходит «не безболезненно». По отношению же к советскому хозяйству оно привело бы к далеко идущим последствиям и социально-политического характера. Однако поскольку у нас в настоящее время при отсутствии свободного размена банкнот на иностранную валюту нет правильно функционирующего хотя и стихийного регулятора денежного обращения в стра-

не, то при наличии наших методов регулирования и планирования возникает целый ряд усложняющих явлений. Это одно, а другое, что в связи с этим, а также в связи с расширяющимся регулированием и планированием ослабляются щупальцы нарушенных равновесий, предупреждающие о нарастании диспропорциональных явлений, даже и тогда, когда не предполагается стихийное ликвидирование этих диспропорций.

> «Следует отметить, — говорит Юровский, — что как раз мероприятиям... вытекающим из факта нарушения равновесия на рынке свойственно нарастать и размножаться в силу присущей им внутренней логики развития» (стр. 384; «... если же равновесие нарушено и не восстанавливается, то мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночному равновесию, не может остаться единственной, а требует принятия все новых мер, из коих последней завершающей цепь и дающей подлинное решение,— но не в направлении к равновесию рынка, а в направлении от равновесия на рынке, — является ликвидация рынка и установление в соответствующей области законченного строго планового распределения».

Ту же самую мысль в более резкой форме формулирует и Альб. Л. Вайнштейн в своем обзоре: «Об основных экономических процессах народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году».

> «Попытка преодолеть рыночные неувязки товарно-денежного хозяйства внеэкономическими методами в своем логическом развитии должна привести к методу хозяйствования в периоды военного коммунизма со всеми его характерными чертами» [1].

[1] См. «Экономический Бюллетень Кон'юнктурного Ин-та», №11—12, 1927 г.

И он тут же приводит несколько фактов, якобы подтверждающих правильность его концепции.

Если правильно понимать выше цитированные взгляды, то они могут означать только одно, что всякое вмешательство в стихийное рассасывание нарушенного рыночного равновесия означает углубление этого нарушения и приводит в своем логическом развитии к целому ряду мероприятий, которые должны будут быть направлены не к восстановлению рынка, а к его ликвидации. Здесь не играет роли, как себе представляют различные советские экономисты ликвидацию рынка; будет ли то возврат к военному коммунизму, как думает Вайнштейн, или «строгоплановое распределение», как думает Юровский, что, впрочем, не так уж отличается от схемы военного коммунизма, как себе представляет его Вайнштейн.

Эта концепция определенной группы наших советских экономистов очень характерна, она указывает на то, что они не усвоили себе сущности новой экономической политики, на базе которой необходимо сочетание элементов планирования и регулирования с законами товарно-денежного хозяйства. Они видят только одну из двух возможностей — или стихийное регулирование народно-хозяйственной жизни через закон ценности, или же строгое планирование по образу и подобию военного коммунизма. Если и Юровский признает элементы планирования, то только в границах частно-хозяйственного порядка.

> «Крупное хозяйство не может вестись без плана,— говорит Юровский, — там, где в одном хозяйстве (в широком смысле) сосредоточены целые отрасли производства и пр., там, очевидно, составление плана, направляющего и согласующего работу отдельных частей, становится совершенно необходимым».

Другие же формы планирования, выходящие из рамок частно-хозяйственного типа планирования, подрывают основы товарно-денежного хозяйства, ибо они по сути дела являются мероприятиями «по нужде», — такими, какие были мероприятия планирующего порядка в период военного хозяйства царского времени и военного коммунизма. А так как по опыту этого времени мы знаем, что они не совместимы в наших конкретных условиях с развитием производительных сил страны, то Юровский допускает возможность их существования только как мероприятий временного порядка, имеющих целью не восстановление нарушенного равновесия, а временного приспособления для защиты обедневшего или разрушенного хозяйства, мероприятия, которые должны быть отменены, когда временная потребность в них исчезнет.

Для него, как и для многих других из выше цитированных советских экономистов, вопросы планирования нашего хозяйства теснейшим образом связаны с вопросами лечения больного народно-хозяйственного организма. Здоровому организму, «богатому» народному хозяйству с высокой экономической культурой план не нужен, ибо заботы о «планировании» и «равновесии» этого хозяйства целиком и полностью переданы закону ценности, проявляющемуся через систему денег.

> «Здоровая и устойчивая система денежного обращения, — говорит Юровский, — является продуктом сравнительно высокой экономической культуры, и исторический опыт показал, что такая система может существовать в течение длительного промежутка времени лишь в экономически очень мощной стране» (стр. 9).

А где страна экономически бедна, или где она беднеет под влиянием войны, там денежная система не функционирует,

там нужны «регулирующие» мероприятия, которые вырождаются в «плановое» хозяйство.

Из такого противопоставления двух крайних возможностей Юровский и вся его группа экономистов не видят никакого выхода — или товарно-денежная система с ее регулятором — законом ценности, тогда, пожалуйста, свободу ценообразования, свободу денежного рынка и свободу внешнего товарообмена со всеми возникающими социально-экономическими последствиями. Только при этих условиях возможно восприятие намечающихся диспропорций и их «небезболезненная», но полная ликвидация; или же если нет экономической возможности существования свободы производства и обмена («Freie Verkehrstwirtschaft», тогда приходится вводить целый ряд мероприятий, «которым свойственно нарастать и размножаться в силу присущей им внутренней логики развития», ведущих прямым путем к полному и строгому плановому распределению.

Нам кажется, что эта концепция не верна и не реальна. Мы не будем здесь останавливаться на вопросе, вызвавшем большие теоретические разногласия — о системе советского хозяйства и его регуляторах. Нам важно в настоящий момент установить следующее — насколько и в какой степени регулирование и планирование нашего хозяйства ликвидирует товарно-денежную базу нашего хозяйства и ослабляет возможность восприятия нарушений пропорций нашего хозяйства щупальцами денежно-кредитной системы, — это одно, и другое — насколько мерами планирования и регулирования можно заменить стихийную «небезболезненную» ликвидацию выявленных диспропорций.

Для того чтобы выяснить эти два вопроса, нам необходимо установить, на основе каких характерных явлений нашего хозяйства за последнее время возникли и оформились эти критические во всех отношениях концепции вышеуказанной группы советских экономистов. Несомненно, что

кризисные явления нашего хозяйства, особенно после денежной реформы, явления, вызвавшие целый ряд внеплановых резких вмешательств руководящих хозяйственных органов, вне установленных контрольных цифр и плановых начертаний, в свою очередь были вызваны резкими нарушениями рыночных отношений и таили в себе опасность недовыполнения плановых предначертаний. Эти кризисные явления в целях их изжития вызвали целый ряд мероприятий как в области денежной системы, так и в области регулирования рынка, и это дало импульс к обобщению этих явлений и изучению основных их причин.

Мы не будем входить в оценку и в анализ этих кризисных явлений. Это было нами сделано в другом месте, мы остановимся на той концепции, которая выдвигается в об'яснении этих кризисных явлений вышепоименованной группой советских экономистов — не марксистов.

Основной причиной хозяйственных затруднений и кризисных явлений, по мнению этой группы, является несоответствие между капитальными затратами на промышленное строительство и реальными ресурсами накопления. Так были об'яснены кризисные явления 1925/26 г., такое же самое об'яснение дается кризисным явлениям 1926/27 г.

> «Летом 1925 года, — пишет Юровский, — стало очевидно, что народное хозяйство приближается к производственным нормам довоенного времени и что недалек тот срок, когда оно перешагнет за их пределы... После года интенсивного промышленного под'ема, прекратившегося проедания основного капитала страны, возобновившегося накопления, достаточно устойчивого состояния денежного обращения и в ожидании хорошего урожая и значительного расширения экспорта, страну охватило то настроение, которое всегда предшествует торгово-промышленному под'ему и сопровождает его»... (стр. 348—349).

Дальше описано детально, как одна отрасль народного хозяйства за другой, учитывая возможность широкого развертывания, заражаясь оптимизмом, строила далеко идущие планы.

> «В отличие от капиталистических стран, — говорит Юровский, — это настроение охватило у нас не частных предпринимателей, а планирующие органы и руководителей государственных и кооперативных предприятий».

Это настроение было еще более опасно, чем в капиталистических государствах, потому что

> «проводником решений в ее хозяйственном развертывании являлся ее хозяйственный аппарат..., а производительные силы могли быть приведены в движение авторитетными постановлениями государственных учреждений».

Но настроения для под'ема недостаточно, необходимы и соответствующие материальные ресурсы. В процессе развертывания этого широкого плана производства оказалось, что этих ресурсов нехватает и что фактически этот производственный план реализовался за счет кредита, т. е. за счет фиктивного капитала, нарушая основы денежной системы. В результате чего появились явления инфляции, рынок реагировал на несоответствие между планом и ресурсами, повышением цен и пертрубациями, связанными с явлениями инфляции.

Относительно затруднений и кризисных явлений в 1926/27 году имеется та же самая концепция.

> «Основная причина нарушения равновесия в народном хозяйстве СССР, — говорит в своем обзоре за 1926/27 г. Альб. Л. Вайнштейн, — заключается, по нашему мнению, в коллизии между желаемым темпом накопления в обобществленном секторе и желаемым

темпом под'ема благосостояния трудящихся города. Этот тезис мы выставили при обзоре народного хозяйства СССР за 1925/26 г., этот тезис мы поддерживаем и сейчас. Одновременное стремление к осуществлению того и другого и преодоление лежащих на пути к достижению этой цели препятствий всеми имеющимися в распоряжении государства средствами экономического и внеэкономического воздействия приводят наше народное хозяйство за последние три года почти регулярно к нарушениям равновесия, по временам отягчающимся благодаря ослаблению указанной коллизии» [1].

Никто не станет отрицать того элементарного факта, что капитальное строительство, т. е. расширение производственных очагов, может итти исключительно за счет существующих материальных ресурсов страны и что в этом отношении денежно-кредитный аппарат является тем аппаратом, который может и должен воспринимать появившиеся явления, указывающие на нарушение этого основного исходного принципа хозяйственной деятельности страны. Спор идет по двум линиям — какими путями добиваться усиления ресурсов, могущих пойти на капитальное строительство, необходимость которого как будто признается всеми, и насколько планирование народного хозяйства и методы регулирования в состоянии правильно учитывать соотношение между материальными ресурсами страны и возможностями инвестирования их в капитальное строительство, а в связи с этим—насколько планирующие органы в состоянии удержать равновесие в случае нарушения пропорций в распределении между отдельными отраслями народного хозяйства, без нарушения товарно-денежной базы нашего хозяйства.

[1] «Экономический Бюллетень Кон'юнктурного Института», № 11—12, стр. 13.

V.

Вопросы перераспределения национального дохода, вопросы капиталонакопления являются вопросами, теснейшим образом связанными с соотношениями классов, а тем самым и являются политическими вопросами. Было бы большой наивностью предполагать, что буржуазная наука этой связи экономической проблемы с политическим руководством недооценивает или не признает, но в зависимости от своей классовой установки она делает ударение то на одну, то на другую сторону данного вопроса. И нашим советским экономистам еще по старой памяти не чужда эта связь экономики с политикой в этом важнейшем социально-экономическом вопросе.

Когда проф. Железнов, оценивая методы накопления советского хозяйства, указывает на то, что: «Характерной особенностью нашего современного накопления является то, что оно совершается преимущественно за счет деревни, вынуждаемой ограничить свое потребление дальше пределов, указываемых соотношением численности городского и сельского населения»[1], то он ясно отдает себе отчет в политической установке этой чисто экономической проблемы. Это подтверждается им и дальнейшими рассуждениями, когда он, частично полемизируя с Кейнсом, который, разумеется, неприятно поражен существующей у нас монополией внешней торговли, являющейся, по его мнению, чрезвычайно невыгодной для крестьянина, прибавляет:

> «Справедливость требует признать, что в этом факте самом по себе нет ничего существенно нового,

---

[1] Из доклада проф. В. Я. Железнова: «Понятие накопления капитала и метода его учета», прочитанного на заседании комиссии по капиталонакоплению И. Э. И. НКФ, 22/X 1926 г.

> даже ничего страшного. Он существовал и в хозяйстве дореволюционной России. Наша дореволюционная промышленность при системе протекционизма развивалась не исключительно и даже не преимущественно на собственные избытки, а за счет ограничения потребления сельского населения и помещения иностранных капиталов... Весь смысл промышленного протекционизма заключается именно в том, что он создает промышленность за счет жертв сельского населения, но тем самым спасает это население от еще больших жертв, которые оно вынуждено было бы нести, будучи предоставлено самому себе, без стимула и поддержки со стороны развивающейся промышленности».

Железнов, выступая в защиту протекционистской политики, при помощи которой происходит перераспределение национального дохода в ущерб крестьянству, правда, «временный ущерб», ибо развитие промышленности в дальнейшем идет на пользу и крестьянству, прекрасно понимает, что вопрос промышленного протекционизма во всех капиталистических государствах, а тем более в царской России, был всегда боевым политическим вопросом, вокруг которого шла самая ожесточенная борьба разных классовых группировок общества.

> «Рост промышленности, — говорит Железнов, — помогает народному хозяйству справиться с давлением увеличения населения, что было бы не под силу чисто земледельческой стране».

Железнов в своей аргументации о необходимости перераспределения национального дохода в пользу промышленности за счет «крестьянства» исходит, разумеется, не из абстрактных экономических постулатов, а из классовых интересов промышленного капитала, доказывая, однако, что и

«в интересах крестьянства» желательно сокращение его потребления в целях успешной аккумуляции средств на нужды индустриализации.

Ясно, что реальность проведения этой политики будет зависеть не столько от уровня сознания «крестьянства» и дисконтирования будущих благ, а от превалирования промышленного и торгового капитала в политическом руководстве страны над «крестьянством». Разумеется, существуют определенные границы подчинения интересам одного класса интересов всех других классов. Основной предпосылкой является историческая прогрессивность этого руководящего класса, которая определяется ролью его в производстве страны. И если происходит чрезмерное подчинение или эксплоатация одного класса другим, то оно не может не вызвать возмущение этого класса. Мы являемся в настоящее время, например, свидетелями актов возмущения пролетариата в разных странах, которые являются не чем иным, как формой протеста против чрезмерного использования классовых интересов правящих капиталистических группировок, эгоистическая классовая политика которых приходит в явное противоречие с классовыми интересами большинства трудящегося населения.

Основной базой хозяйственной деятельности советского государства является согласованность классовых интересов пролетариата и большинства крестьянства, бедняцких и середняцких его группировок. Как во всей нашей экономической политике, так и специально в политике перераспределения национального дохода, в политике накопления мы исходим и должны исходить из соблюдения интересов обоих этих классов. Классы обмануть нельзя, и в реальной экономической политике исходить из «будущих благ» едва ли целесообразно, и поэтому в нашей актуальной экономической политике мы исходим и должны исходить не из абстрактных экономических возможностей и целесообразностей,

а из повседневных интересов рабочего класса и той части крестьянства, которая по социальному положению ближе всего стоит к рабочему классу и связь с которой укреплять является основой нашего хозяйства.

Но может быть ориентировка на классовые интересы этих двух основных групп нашего населения несовместима с нашими политико-экономическими з а д а ч а м и, может быть перераспределение национального дохода, сообразующееся с актуальными повседневными интересами этих классов недостаточно эффектно, может быть было бы более целесообразно пожертвовать частично интересами этих классов в пользу других групп населения, облегчить, например, налоговый нажим на нетрудовые элементы, расширить возможность накопления капиталистических групп населения и т. п. и таким путем стремиться к достижению поставленной цели ускорения индустриализации?

С такими аргументами нам приходится в последнее время встречаться. Остановимся на этих аргументах и посмотрим, что за ними скрывается.

> «Размеры накопления, — говорит проф. А. А. Соколов, — не в малой степени зависят от суб'ективного фактора, а именно от готовности людей урезывать свое потребление, но об'ективная возможность накопления очевидно является тем большей, чем крупнее доход данного лица. Вот почему в странах богатых, с высокой средней нормой дохода на душу населения накопление совершается гораздо быстрее, чем в странах бедных, где средний доход на душу населения невысок» [1].

---

[1] См. статью А. А. С о к о л о в а: «Проблема организации долгосрочного кредита» в сборнике статей «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», под ред. проф. А. А. Соколова. Финиздат, 1928.

Эта цитата так характерна для вульгарных экономистов советской эпохи, что стоит на ней немного остановиться.

Отчего зависят размеры накопления — от готовности людей урезывать свое потребление? Размеры накопления зависят в первую очередь от уровня производительных сил: чем выше производительные силы страны, тем большее количество товаров оно производит и тем больше превышение производства над потреблением. В капиталистических государствах существуют специальные условия, при которых потребление значительной массы населения сдерживается методами эксплоатации. Чем больше метод эксплоатации при росте производительных сил, тем больше дистанция между потреблением и производством, тем больше накопление. Это элементарные вещи — для всякого, кто не исходит из обывательской аргументации.

«Суб'ективный фактор готовности урезывать свое потребление» в капиталистических государствах находит свое выражение не в суб'ективном желании эксплоатируемых классов урезывать свое потребление, а в об'ективном факторе существования капиталистической эксплоатации.

«Богатые» капиталистические государства отличаются от «бедных» превалированием промышленного производства над сельскохозяйственным. Говорить о «суб'ективном факторе урезывания своего потребления» можно только в том случае, если имеются в виду не эксплоатируемые классы, а группы капиталистов, но и тогда «суб'ективный фактор» имеет очень «об'ективные» формы. Капиталист только тогда урезывает свое потребление, когда он может с большей пользой для себя инвестировать сэкономленные средства, т. е. когда они приносят ему значительный доход. Чем выше процент, приносимый ему средствами, не вошедшими в личное потребление, тем больше желание капитализировать

свои доходы. А это, с своей стороны, зависит от степени эксплоатации трудящихся масс.

Ясно, что если иметь в виду капиталистические классы, то чем крупнее доход его, тем больше и степень накопления, т. е. тем большую сумму при определенных условиях доходности выделяет капиталист для производительного потребления. Но предпосылкой является именно степень эксплоатации рабочих, а не уровень доходности отдельных лиц. И не в том отличие нашего хозяйства и его форм накопления от капиталистического хозяйства, что у нас нет крупных индивидуальных доходов, а в том, что, во-первых, у нас производительные силы страны меньше развиты, чем в крупных капиталистических государствах, т. е. что у нас превалирует мало производительный сельскохозяйственный труд в общем производстве нашей страны, во-вторых, в том, что у нас другая хозяйственная система, что стимул накопления у нас другой нежели в капиталистических государствах, и поэтому-то у нас система из'ятия накопленных средств должна быть другая. В этом как раз гвоздь вопроса. И выяснить этот вопрос правильно можно только, когда исходишь из нашей системы хозяйства, и когда правильно выявляешь метод и форму капиталонакопления капиталистического хозяйства. К сожалению, наши советские экономисты довольствуются обывательскими рассуждениями á la Соколов.

> «Факты нам показывают, — говорит, например, проф. Железнов, — что часть капиталистических предпринимателей выполняет некоторые функции накопления для народного хозяйства за вычетом его непосредственного потребления, тогда как отказ от потребления даже хорошо обеспеченных слоев трудового населения дело несомненно трудное, потому что, как бы ни были они хорошо обеспечены, их доход чрез-

вычайно скуден. Самоограничение потребления менее доступно для данного населения при нивелировании уровня дохода. Ограничение потребления достигается при нивелировке доходов с бо́льшим трудом, чем при доходах, неравномерно распределенных» [1].

И это светило на небосклоне советских экономистов видит только один путь усиления накопления в нашей стране,— а именно к возврату условий «неравномерных доходов» — т. е. к капиталистическому хозяйствованию, при котором значительно легче «накоплять». Здесь, правда, можно было бы ему возразить, что ведь место капиталистов предпринимателей, которые исполняют функцию накопления, передавая только часть своих доходов, может успешно занять пролетарское государство, которое накопляет производительно все доходы, полученные от производства. Что же касается накопления рабочих и крестьян, которых доход «чрезвычайно скуден», то ведь проф. Железнов не предлагает повышение заработной платы с целью повышения индивидуального производственного накопления, наоборот, он вместе с целой группой советских экономистов указывает на нецелесообразность с точки зрения накопления повышения заработной платы вне связи с кон'юнктурой рынка труда. Мы уже цитировали мнение А. Л. Вайнштейна, что основная причина наших трудностей лежит «в коллизии между желаемым темпом накопления и темпом под'ема благосостояния трудящихся города». Несомненно, пути накопления капиталистических государств имеют за собой длительную давность, и экономическая «теория» может опираться в своих рассуждениях на этот «опыт». Но как быть, когда ныне правящий класс не желает возвращаться к методам, явно для него невыгодным? Разве нет другого

[1] См. выше цитированный доклад и прения от 22/X 1926 г.

пути накопления, как только путь частно-капиталистической эксплоатации?

Обобщая выше высказанные взгляды, мы должны указать на то, что они по сути дела являются не чем иным, как предложением отказаться от социально-экономической базы нашего хозяйства, которая, «нивелируя доходы отдельных лиц», делает невозможным достижение необходимого темпа накопления в размерах, необходимых для производительного потребления. В дальнейшем развитии этого пессимистического, ликвидаторского взгляда на нашу хозяйственную систему предлагается целый ряд мер по отдельным вопросам, логически теснейшим образом связанных с этой концепцией. Так, если, например, проф. Соколов считает необходимым в целях привлечения средств из частного сектора нашего народного хозяйства для долгосрочного кредитования промышленного строительства организацию рынка капиталов, рынка процентных бумаг и выравнение между официальным и вольным учетным процентом, то он в сущности предлагает не что иное, как восстановление возможности образования денежных капиталистов, которые бы имели возможность, сообразуясь с кон'юнктурой денежного рынка, т. е. перспективой высокой рентабельности производственного инвестирования,— сокращать свое потребление или, как более открыто выразился один из сотрудников Соколова Грузман, говоря, что «здоровый долгосрочный кредит... требует наличия нормального рынка капиталов» [1].

> «Необходимой предпосылкой для организации широкого рынка ценных бумаг,—проговаривается этот «теоретик», — является освобождение держателей ценных бумаг от тех значительных налоговых тягот, с кото-

[1] См. «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», стр. 35.

рыми связано для них сейчас владение ими. В настоящее время владение более или менее значительным количеством ценных бумаг для частного лица влечет за собой, хотя и косвенным путем (?!—*М. Б.*), ряд налоговых тягот, в значительной мере уничтожающих доходность бумаг и, таким образом, лишающих стимула к приобретению этих последних» [1].

В этой цитате «косвенным» путем пропагандируется идея ослабления налогового нажима на нетрудовой элемент, т. е. перевода существующей системы так называемого принудительного накопления на свободное накопление с высокими доходами денежных капиталистов. Мы говорим «косвенным путем», ибо, поскольку известно, нынешние держатели государственных займов (ценных бумаг) не подвергаются не только «значительным налоговым тяготам», а наоборот государственные займы, как и книжки сберегательных касс, целиком и полностью освобождаются от подоходного налога. Требование этого «ученого» сводится к тому, чтобы денежные капиталисты имели те же выгоды от свободного манипулирования своим денежным капиталом, который им гарантирует государство, при инвестировании их средств в госзаймы. А эти выгоды довольно значительны. Во-первых, они освобождены от налога, а во-вторых, получают солидный процент на капитал.

К этой же группе мероприятий, исходящих из необходимости изменения хозяйственной системы нашего государства, и принадлежат предложения проф. З. С. Каценеленбаума, на которых нам необходимо остановиться [2].

Проф. Каценеленбаума занимает вопрос, какими путями могут быть добыты те капиталы, тот излишек националь-

---

[1] Там же, стр. 45.

[2] «Проблемы индустриализации и задачи кредита», Гиз 1928 г. Расширенное издание статьи, печатаемой в «Сов. Хоз.», 1927 г. кн. II.

ного дохода, который может быть употреблен на индустриализацию страны. Он считает бесспорной необходимость индустриализации страны, «она нужна в максимальных размерах и должна быть доведена до таких пределов, до которых это только позволяют различные другие стороны хозяйства». В этом у него нет никаких разногласий с линией правительственной партии нашего государства. Его интересует главным образом м е т о д, которым в наиболее подходящей форме, наиболее целесообразно можно было бы достать нужные средства для индустриализации страны.

Основываясь на опыте многих стран, а также и на опыте царской России, он приходит к выводам, которые во многих отношениях ревизуют целый ряд установленных взглядов. Мы не имеем намерения в настоящей статье рассматривать все открытия проф. Каценеленбаума, заслуживающие несомненно внимания и критического разбора. Одно из этих «открытий» вероятно вызовет целый переворот во взглядах на ближайшее прошлое нашей страны. Проф. Каценеленбаум утверждает, что промышленное развитие довоенной России произошло н е з а с ч е т п р и т о к а и н о с т р а н н о г о к а п и т а л а, а з а с ч е т в н у т р е н н и х н а к о п л е н и й в с е х с л о е в н а с е л е н и я. Иначе говоря «промышленность, как и железные дороги, была построена в России при помощи того чистого национального дохода, взятого в целом, который получался всеми слоями населения вместе взятыми».

На вопрос — откуда же, таким образом, взялась громадная задолженность царской России иностранному капиталу — он отвечает, что долг этот получился в результате ростовщических процентов за тот капитал, который был ввезен в Россию д о п е р и о д а п р о м ы ш л е н н о г о с т р о и т е л ь с т в а, примерно в 70-х годах девятнадцатого столетия.

> «Очевидно, — говорит Каценеленбаум,—очень давно, во времена, так сказать, доисторические, в 60-х годах XIX века, иностранцы действительно ввезли к нам некоторое количество капитала в виде реальных товарных ценностей, но потом, поместив этот ввезенный ими капитал из очень больших процентов, захватив «командные высоты», наиболее лакомые прибыльные части народного хозяйства, они уже больше реальных капиталов в Россию не ввозили».

И вот благодаря этим давно вложенным капиталам и высоким процентам они начали получать без ввоза новых реальных ценностей определенные суммы, которые частью были уплачиваемы в виде сальдо торгового баланса, частью же являлись прибавлением к первоначальному долгу в виде процентов и прибылей.

Это открытие Каценеленбаум обосновывает анализом нашей внешней торговли за сорок лет, причем оговаривается, что сами цифры внешней торговли недостаточно точно учитывали ввоз из-за границы. В таможенную статистику, повидимому, не входило золото, которое было ввозимо из-за границы, часть военного снаряжения. Он считает необходимым также внести поправку на размеры так называемого «невидимого импорта» и т. п.

Об'яснения проф. Каценеленбаума основываются на том, что Россия на протяжении длинного периода времени, начиная с 1876—1880 гг., непрерывно из пятилетия в пятилетие имела активный торговый баланс, причем за этот период времени Россия вывезла за границу товаров на 33 млрд. руб., а ввезла обратно на 27 млрд. руб. Если бы за этот период времени были годы с большим привозом иностранного капитала в товарной его форме, тогда бы привоз превышал вывоз, т. е. получился бы пассив торгового баланса. Но так как за все это время, за редкими

исключениями внешняя торговля России показывала активное сальдо, то никакого ввоза иностранных капиталов не происходило. Все свое оборудование для промышленности и железнодорожного строительства Россия оплачивала своим собственным экспортом, а превышением экспорта над импортом были платежи по разным обязательствам денежного порядка.

Так аргументирует Каценеленбаум. Мы не имеем возможности в настоящее время проверить этот расчет. Он требует внимательного изучения расчетного баланса за этот период времени, ибо только этим путем можно выяснить правильность аргументации проф. Каценеленбаума. Во всяком случае, если прав окажется проф. Каценеленбаум, то это нам вдвойне будет приятно. Во-первых, подкрепит еще больше правильность нашей политики аннулирования царских долгов, причем уже аргументами, более понятными капиталистическим кругам Запада. Во-вторых, что не менее важно и на что указывает сам автор: «мы не имеем особых оснований упирать нашу проблему индустриализации в проблему иностранных капиталов». Этим самым изымается, так сказать, почва из-под ног тех пессимистов в лагере советских экономистов, которые не мыслят себе реализацию наших замыслов индустриализации страны без помощи иностранных капиталов.

Но мы не можем согласиться с проф. Каценеленбаумом, как относительно его предложений увеличения размеров национального дохода страны, так и методов из'ятия свободных средств для нужд индустриализации. Он правильно замечает, что от методов из'ятия зависит также и метод накопления, но это замечание в большей степени относится к капиталистическому хозяйству, нежели к системе социалистического хозяйства.

Его основная мысль сводится к тому, что метод так называемого «принудительного» накопления, через налоги

и бюджет и через внутрипромышленное накопление — нецелесообразен. Он бьет «по стимулированию производительности труда».

Нам кажется, что в этой формулировке скрывается большая... неточность. Более правильным было бы употребление здесь другого термина, а не «производительность труда», под которым главным образом понимается производительность рабочего. Было бы более правильным, и более соответствовало мысли автора, говорить о частнохозяйственной инициативе, которая несомненно ослабляется нашей политикой «принудительного» накопления. И это смешение понятий приводит Каценеленбаума к ошибочным выводам.

Что здесь в действительности происходит подмен понятий можно доказать теми аргументами, которыми Каценеленбаум обосновывает ослабление «стимула производительности труда». Он указывает со слов т. Я. А. Яковлева на регрессивное изменение в сельском хозяйстве вследствие неблагоприятного соотношения цен на различные сельскохозяйственные продукты в 1926 г.

Но, во-первых, здесь имеются в виду товарные крестьянские хозяйства, т. е. частно-хозяйственная деятельность, на которую влияют не наша налоговая политика и ее специфически классовое строение, а торговая политика, которая в данном случае руководствуется не целями принудительного накопления, а задачами регулирования рынка сельскохозяйственных продуктов в целях приспособления его к сырьевым нуждам промышленности или к нуждам экспорта. Она может быть удачной или неудачной, но она очень мало имеет общего со «стимулами производительности труда». Поэтому было бы правильнее употребить не термин «производительность труда», а частно-хозяйственную инициативу, которая несомненно страдает от нашей политики «принудительного» накопления.

Ту же самую неточность проявляет Каценеленбаум, применяя термин «производительность труда» к городским жителям, где он говорит о «городском труде» (тоже терминология! — *М. Б.*), а имеет в виду... частно-хозяйственную деятельность промышленного и торгового характера! Посудите сами.

> «...Не приходится доказывать, — говорит Каценеленбаум, — что не только сельский труд, но и труд городской также реагирует на строение товарных цен. Конечно, реакция городского труда (?!) выражается не в таких поддающихся точному учету явлениях, как сокращение посевов льна, а в таких, быть может, менее уловимых фактах, как упадок производительности, ухудшение качества вырабатываемых продуктов, бюрократизм, волокита и т. д., но это не меняет существа дела» (стр. 80).

Если иметь в виду производительность труда фабричного рабочего, качество вырабатываемых им продуктов, то здесь система так называемого «принудительного» накопления ничего общего с этими явлениями не имеет. Несомненно, производительность труда рабочего зависит от его материального благополучия, от уровня заработной платы, от количества рабочих часов, а также и от качества машин и сырья. В этом отношении наша налоговая политика и политика цен как раз действуют по направлению повышения производительности труда, а не наоборот. «Волокита» и «бюрократизм» здесь приплетены совсем зря. Было бы правильнее и более соответствовало фактическому течению мысли автора, если бы он поставил сюда вместо всех этих неточных терминов и ненужных фраз торговую и промышленную деятельность капиталистов. На них-то, несомненно, метод «принудительного» накопления действует охлаждающим образом.

Но если Каценеленбаум хочет строить накопление на росте благосостояния этих групп населения, то он должен стремиться к изменению всей социально-экономической системы нашего хозяйства, хотя, как гордо заявляет Каценеленбаум, он это резко отрицает. Его метод аккумуляции национального накопления при посредстве кредита и поощрения трудовых сбережений «при правильной постановке н е с т о и т н и в к а к о й с в я з и (?! — *М. Б.*) ни с проблемой частного капитала, ни с проблемой диференциации деревни».

Нам кажется, что это в лучшем случае только самообман. Достаточно проследить последовательно его мысль, чтобы убедиться, что она именно теснейшим образом связана и с проблемой частного капитала, т. е. с проблемой роста частно-капиталистического хозяйства как в городе, так и деревне, а также и с диференциацией деревни. Да и он сам признает это косвенным образом.

> «Середняцкое хозяйство, — говорит он, — есть и в деревне и в городе (? — *М. Б.*), сбережения этого хозяйства, — это и есть как раз основа индустриализации, та база, на которой развилась промышленность и за границей и у нас в дореволюционной России и на которой нам нужно поставить ставку и сейчас» (стр. 82).

Что «середняцкие хозяйства в городе» — это не госпромышленность, а частные торговые и промышленные предприятия, это все понимают и этого не нужно раз'яснять. Но каким образом в довоенной России и за границей, т. е. в капиталистических государствах, развилась промышленность на сбережениях «середняцких хозяйств» — на это не жаль потратить несколько слов.

Мы не будем цитировать авторитетов. Об этом сам Каценеленбаум достаточно ясно говорит в своем исследовании,

когда он раз'ясняет роль кредитного аппарата, как рычага аккумуляции для индустриальных целей. Он сам утверждает и правильно утверждает, что капиталистические страны могли индустриализироваться «не столько за счет собственных прибылей промышленности, сколько за счет тех общенациональных доходов, которые накоплялись в других отраслях хозяйства, конкурирующих с промышленностью, и которые оттуда переносились в промышленность».

Из каких это отраслей народного хозяйства промышленность в «конкурентной борьбе» черпала ресурсы? — Из сельского хозяйства, из мелких крестьянских хозяйств, которые не успели перейти в крупные фермерские капиталистические хозяйства.

> «Только этим и можно об'яснить тот факт, — говорит Каценеленбаум,— что в индустриальных странах рост индустрии происходил нередко при постепенном упадке мелкого сельского хозяйства, и во всяком случае при несравненно более слабом темпе роста этого хозяйства».

Что сие означает? Это означает, что для того, чтобы перекачать средства в промышленность, надо диференцировать деревню, нужно пауперизировать крестьянские хозяйства. Именно упадок мелких и середняцких крестьянских хозяйств был одновременно условием и результатом капиталистической индустриализации страны. Это был один из важнейших источников индустриализации, если не считать другого источника — колониального грабежа в разной его форме.

Ясное дело, что тот путь накопления, который предлагает Каценеленбаум, списан с учебников истории накопления капиталистических государств. Предпосылкой такого пути является не только восстановление и развитие частно-

хозяйственной деятельности в городах, но и усиленной диференциации в деревнях с развитием кулацко-фермерских крупных хозяйств (которые являются очагами образования торгового капитала, переходящего при благоприятных условиях в промышленный капитал). И все рассуждения Каценеленбаума насчет того, что диференциация в деревне может явиться препятствием для накопления промышленного капитала, ибо «те группы, которые мы называем кулацкими, могут стремиться инвестировать капиталы в свои мелкие хозяйства»,—неубедительны. Они противоречат как практике довоенной России, так и всех капиталистических государств.

Но это, разумеется, не значит, что мы отказываемся от использования кредита, как метода аккумуляции национального дохода. Об этом свидетельствует все развертывающаяся система государственного кредита, система государственных займов и сберегательных касс, которые и должны быть теми рычагами, через которые государство влияет на увеличение производительного потребления за счет личного потребления. В этом смысле кредитный рычаг несомненно имеет большую будущность. Опираясь на сбережения большой массы трудящегося населения, несмотря на нивелировку их доходов, — чего так боятся Железнов и Соколов, — он в своем развитии не ослабляет источников кредита, а, наоборот, его постоянно питает как уплатой процентов, так и производительным использованием аккумулированных этим путем ресурсов. В отличие от каценеленбаумовского метода, развитие госкредита не возрождает частно-хозяйственную деятельность в городах. Роль же налоговой политики, т. е. так называемого принудительного накопления, роль акцизов, прямых налогов сводится к тому, чтобы срезывать накопление частно-хозяйственных групп населения без ущерба для народного хозяйства, но с явной пользой для него через ослабление материальных источников капиталистических группировок страны.

Несомненно эта политика, если ее внимательно проводить, не должна повлиять на ослабление стимула сбережений ни в середняцких и бедняцких крестьянских хозяйствах, ни в трудовых массах городского населения, а тем паче на ослабление стимула производительности труда.

Еще несколько слов относительно преимущества кредитного метода аккумуляции средств для промышленности над бюджетным методом, особенно с точки зрения снижения цен товаров. Несомненно, налоги, акцизы влияют на высоту цен, а в монопольных условиях нашей промышленности тенденция к повышению цен под влиянием налогов несомненно бы укрепилась. Но и без налогов эта тенденция существовала бы в наших условиях, если бы не соответствующая политика, стремящаяся административными мерами к их снижению, за счет улучшения производства и рационализации распределения.

Почему финансирование народного хозяйства при помощи кредита [1] в меньшей степени влияло бы на повышение цен — неизвестно. Разве только в одном случае — при свободе конкуренции, при свободе использования накопленных средств в промышленности, в торговле в зависимости от рентабельности вложения этих средств, ибо только тогда под влиянием высокой прибыльности промышленности свободно накопленный капитал, пренебрегая другими отраслями, инвестировал бы накопленные средства в промышленность и этим самым через улучшение машин, расширение производства и т. п. влиял бы на снижение цен. Но ведь это означает опять не что иное, как перевертывание на-

---

[1] Каценеленбаум употребляет слово «кредит» в специфическом понятии. Он имеет в виду исключительно частно-денежный рынок, для которого он хочет открыть свободный путь через акции, облигации и депозиты частных коммерческих банков при свободном образовании цены ссудного капитала.

шей системы народного хозяйства и возрождение капиталистических методов.

При всем своем «оптимизме» относительно возможности индустриализации страны без притока иностранного капитала, другого пути как восстановление капиталистических форм хозяйствования он не видит, и поэтому его «оптимизм» имеет очень пессимистический уклон и нас никоим образом не удовлетворяет.

VI.

Наш критический обзор виднейших советских экономистов, — мы ограничились только некоторыми из них, — показал, что по основному вопросу, являющемуся и по их мнению несомненно центральным вопросом настоящего времени, теоретическая концепция и практические предложения находятся в полнейшем противоречии с основной установкой экономической политики нашего государства и означают по сути дела стремление к перевороту нашей хозяйственной системы, основанной на классовых интересах пролетариата и большинства крестьянства. По мнению этих экономистов, если вести экономическую политику с точки зрения принципов, на которых построено советское государство, она встречает на своем пути *непреодолимые препятствия*, не может обеспечить развития производительных сил страны, вызывает постоянные нарушения равновесия народного хозяйства, вовлекает народное хозяйство в постоянные кризисные судороги и т. п. Это означает, что интересы народного хозяйства несовместимы с интересами данной системы; это приводит к *необходимости изменения системы*, ибо она является по сути дела источником всех кризисных явлений нашего хозяйства.

Это логический вывод из тех критических замечаний и предложений, которые высказываются в более или менее

ясной форме, или является выводом из предпосылок аргументаций вышецитированных экономистов.

Таким образом мы снова наталкиваемся на ту основную мысль, что без политико-исторической оценки Октябрьского переворота невозможна правильная и последовательная, критически продуманная программа экономических действий. Если исходить из того положения, что экономическая политика, проводимая в интересах большинства трудящегося населения нашей страны, несовместима с поставленными целями и нереальна, тогда весь октябрьский переворот и все существование советского государства являются какой-то исторической случайностью, временно преходящим явлением, нарушающим нормальный ток исторического бытия и чем скорее, тем или иным путем, восстановится «нормальное» историческое шествие, — тем лучше.

Повторяем, это есть единственный логический вывод из тех критических предпосылок, которые мы выше приводили. Правда, бывают времена, когда может казаться, что такого осознания исторического момента не нужно, когда налицо достаточно благоприятных фактов, которые оттесняют на задний план критические «сомнения», выросшие на основе непродуманности, неверия или даже отрицания существующего исторического факта. Но они прорываются в неблагоприятные моменты, а таковые не только были в достаточной степени в прошлом, но и несомненно долго будут сопровождать нас при решении грандиозной исторической задачи. В такие моменты «сомнения» и «неуверенность» вырастают, выталкиваются наружу, особенно еще потому, что эти сомнения могут опереться на определенные группы населения, классовые интересы которых находятся в противоречии с интересами правящих классов нашего государства.

В такие неблагоприятные периоды эти социальные группировки укрепляются, расширяются: как раз элемент не-

благоприятствия и состоит в том, что эти враждебные нам классовые группировки получили по каким-то поводам возможность разрастись, укрепиться, усилить свое влияние и найти политико-экономов, теоретиков или практиков, которые оформляют идеологически их стремления, находят «научные» аргументы для выражения неудовольствия этих группировок и пробуют тем или иным путем изменить направление всей политики в сторону социально-политического усиления этих «обиженных» пролетарской революцией группировок.

В этом и лежит как раз симптоматичность таких теоретических выступлений, за которыми скрываются не индивидуальные сомнения, припадки неверия и т. п., а определенно социально-политические явления, раскрытие и выявление которых означает уже шаг к их преодолению.

Ошибочность взглядов тех экономистов, которых мы выше цитировали, лежит не в плоскости буржуазной науки, а в несоответствии с тем классовым соотношением, которое в настоящее время существует в нашем государстве. Социально-политическая цель этих аргументов означает по сути дела стремление к признанию их на практике, т. е. к тому, с чего мы начали, — к изменению существующих классовых отношений нашего государства и к усилению частно-капиталистических группировок, имеющих в настоящее время еще несомненные источники своего существования и даже развития, но никакой будущности, постольку, поскольку правильна основная исходная точка всей нашей политико-исторической концепции, дающая оправдание Октябрьскому перевороту и социалистическому строительству.

Если внимательно присмотреться к теоретической аргументации всей этой группы советских экономистов не-марксистов, то можно было бы заметить, что среди них существуют серьезные расхождения. Общий фронт у них

в критике основных положений нашей экономической политики, но существуют оттенки в аргументации. Если некоторые из них в интересах самого успешного проведения индустриализации страны ратуют за свободу частно-хозяйственного накопления, за свободу денежного рынка, за кредитный метод накопления, позволяющий из других областей народного хозяйства, т. е. от сельского хозяйства, от крестьянства черпать средства для промышленного строительства, то другие — против этих методов черпания средств на индустриализацию, которые ослабляют сельское хозяйство, но зато ратуют за ослабление нажима на крупные кулацкие крестьянские хозяйства. И это вполне понятно, так как между интересами частного капитала в городе, а кулацкими группами в деревне — существуют разногласия по вопросу как в методах накопления, так и в темпе развертывания промышленности. Но на определенный отрезок времени между этими социальными группами населения может существовать единый фронт борьбы против методов экономической политики, проводимой в интересах как городского пролетариата, так и крестьянской бедноты и середняцких хозяйств крестьянского населения. Все они заинтересованы в том, чтобы методы капиталистического хозяйствования восторжествовали над методами планирования и регулирования с определенным уклоном, с определенной целью усиления тех элементов стихийного хозяйствования, которые возникают на базе денежно-товарного хозяйства и его основного регулятора — денежной системы.

Это приводит нас к необходимости выяснения другого существенного пункта, являющегося исходной точкой критики нашей экономической политики, а именно сочетания планового начала со стихийным регулятором в деле установления равновесия нашего народного хозяйства. В этой области стираются все грани между отдельными группировками со-

ветских экономистов, получается полное единомыслие в борьбе за обеспечение превалирующего влияния денежной системы и признания за ней значения руководящего элемента в системе нашего народного хозяйства. Нам необходимо этому вопросу посвятить больше внимания, ибо здесь существуют большие трудности нахождения правильной линии, трудности не всегда и не полностью осознаваемые даже в рядах марксистов, приводящие как к теоретическим, так и практическим ошибочным действиям.

* * *

Вопрос о сочетании планового начала со стихийным для установления равновесия народного хозяйства, который привел к теоретическому спору о характере системы нашего хозяйства, его регулятора — возник не случайно. Как все теоретические споры он возник из практической потребности. Потребность эта не такого порядка, как думает т. Преображенский, который исходит из того, что в нашем хозяйстве в отличие от капиталистического хозяйства нет стихии, которая решает вопрос за руководителей капиталистического хозяйства.

> «Руководители капиталистических предприятий, — говорит он, — а также капиталистические правительства могут позволить себе роскошь невежества в вопросах экономической теории: закон ценности надежнее их самих и их директоров и профессоров, и их парламентов, выполняет функции регулятора хозяйства и поправляет все их просчеты. У нас... ошибки в предвидении благодаря централизации руководства могут иметь более тяжелые последствия...» [1].

---

[1] См. Е. А. Преображенский. «Новая экономика», стр. 9.

Е. А. Преображенский делает методологическую ошибку, сваливая все капиталистические группировки в одну реакционную массу, не видя отдельных группировок капиталистического класса и их антагонизма, что и делает необходимым использовывать этот «закон ценности» в интересах той или другой группировки. Чем же иным об'яснить развитие буржуазной экономической мысли и ее расцвет в определенный период времени, чего не будет отрицать и Преображенский?

Мы этим не хотим, разумеется, сказать, что нам не нужно теоретическое осознание нашей системы хозяйства, или что на нас не лежит бо́льшая ответственность в изучении закономерности нашего хозяйства, чем у руководителей капиталистического государства. Наоборот, Преображенский, элиминируя классовый мотив нашей экономической политики, ослабляет теоретическую заинтересованность в экономической науке, когда хочет исходить в своих теоретических построениях не из классовых соотношений, существующих в нашем государстве, а из абстрактной концепции «централизованного государства», концентрирующего в своих руках «хозяйство пролетариата».

Спор о системе нашего хозяйства и его регуляторах возник на почве кризисных явлений нашего хозяйства, которые многие из экономистов не-марксистов об'ясняют неправильными методами планирования, невозможностью установления правильного распределения национального дохода между отдельными отраслями народного хозяйства, правильного сочетания между потреблением и капиталонакоплением, что в конечном счете приводит к нарушению функционирования денежной системы, а тем самым к нарушению возможности правильного хозяйствования. Это — спор о планировании советского хозяйства.

Идеологическая установка против всей системы планирования исходит и базируется не только на необходимости

оберегания здоровых и полноценных денег, а вместе с ними и всей товарно-денежной системы, как органа основного регулятора: закона ценности, но и целевой установкой нашего планирования. Когда, например, Альб. Л. Вайнштейн хочет сказать, что наши кризисные явления происходят потому, что темп капитального строительства оказывается недостаточно согласованным с другими элементами народного хозяйства и что мы берем слишком усиленный темп накопления за счет личного потребления зажиточных слоев деревни, то он указывает на то, что наше планирование не в состоянии учесть необходимой предпосылки равновесия народного хозяйства, т. е. приведение капитального строительства и производства средств производства в соответствие с личным потреблением в стране. Отрицает за плановым началом возможность установить самый необходимый и самый неоспоримый момент хозяйственной деятельности страны. В результате этой невозможности нарушается твердость валюты, т. е. опять-таки основной и признанный всеми элемент нашего хозяйственного строительства.

Если планирование не в состоянии обеспечить этих элементарных исходных пунктов нашей экономической политики, то оно должно скатиться к отрицанию или преодолению товарной денежной системы и пойти по линии мероприятий типа военного коммунизма.

> «В СССР мы имеем налицо, — говорит Альб. Вайнштейн, — и некоторые неблагоприятные явления в области производства средств производства, которые в капиталистических странах могли бы быть сигналом для начала кризиса. Как оказывается, наши новые электростанции загружены не полностью».

Ссылаясь на доклад т. Рыкова на XV партийном с'езде, он указывает на то, что ряд крупнейших вновь выстроенных

электростанций и гидроустановок загружен лишь в небольшой части. Словом, в нашем строительстве, в наших хозяйственных мероприятиях мы не руководствуемся рыночными указаниями, а проводим мероприятия с устранением рыночных закономерностей. А это приводит к определенным последствиям. В капиталистическом хозяйстве рынок реагировал бы на такое пренебрежительное к нему отношение кризисом, который бы исправил недочеты отдельных капиталистических предпринимателей. Советская хозяйственная система, не руководствуясь рынком, должна под давлением принятых мероприятий, толкаемая внутренней их логикой, итти по этому пути неуважения к рынку, вплоть до мероприятий, по сути дела сводящихся к преодолению товарно-денежного хозяйства. Вот в чем суть. Это приводит наших экономистов к альтернативе — или план, тогда план во-всю, или же товарно-денежная система.

> «Попытка преодолеть рыночную неувязку товарно-денежного хозяйства, — говорит Вайнштейн, — внеэкономическими методами в своем логическом развитии должна привести к методу хозяйствования периода военного коммунизма со всеми его характерными чертами».

В том же самом направлении идет и аргументация Юровского. Исходя из того, что советская организация хозяйства является системой товарно-денежного характера, она должна сохранять закономерность ценообразования в качестве основного регулирующего фактора хозяйства.

> «Для того, — говорит он, — чтобы в ней сохранялось хозяйственное равновесие, ей необходимо соблюдение соответствия между денежными издержками производства и ценами, а также между денежным предложением и денежным спросом».

«Однако, — говорит дальше Юровский, — в современных хозяйственных мероприятиях, в частности, в числе действующих хозяйственных планов, есть такие, которые, повидимому, явно противоречат тому, что сказано выше. У нас имеются планы распределения, не считающиеся с существующим на рынке уровнем цен, ставящие себе целью распределение независимо от существующего денежного спроса, т. е. в сущности распределение вне рынка и с устранением всех его закономерностей».

Действительно ли советское хозяйство своими мероприятиями обходит все закономерности рынка и этим самым срывает возможность установления равновесия, необходимого для каждого народного хозяйства? Действительно ли наши затруднения являются капиталистическими кризисами с тем только отличием, что там кризисы восстанавливают нарушенное равновесие, а у нас они, благодаря плановым и регулирующим мероприятиям, усиливают нарушенное равновесие?

Присмотримся внимательно к этой проблеме.

Альб. Л. Вайнштейн видит причину наших кризисных явлений в «перекапитализации», указывая на то, что и в «капиталистических странах причиной кризиса также является перекапитализация».

Что это за феномен «перекапитализация» в советской экономике? Об этом говорит Альб. Л. Вайнштейн следующее.

«Указанное явление по существу представляет собой форму перекапитализации народного хозяйства, когда вновь воздвигнутые капитальные сооружения, рассчитанные на все развивающийся спрос на средства производства, наталкиваются на отсутствие потребителей. Для создания нужного потребления должно

быть произведено новое капитальное строительство, а для последнего нужно реальное накопление, которого в стране больше не оказывается, ибо все реальное накопление было исчерпано в предыдущей фазе под'ема. После этого, как известно, в капиталистическом хозяйстве происходит кризис, в связи с чем капитальное строительство страны приходит в соответствие с реальным накоплением. В период депрессии накопление увеличивается, создавая тем самым основание и предпосылки для нового под'ема народного хозяйства. Так как в СССР капитальные затраты распределяются не в строгом соответствии с возможной рентабельностью строящихся предприятий, а исходя из других соображений, то здесь перекапитализация могла быть не столь отчетливой, но существо явления остается то же» [1].

Вот основная, теоретически углубленная концепция наших критиков о вреде планирования и о пользе капиталистической стихии, которая лечит все недуги хозяйственной диспропорции.

Являются ли наши «кризисы» — кризисами «перекапитализации», кризисами капиталистического типа?

Кризисы капиталистические — это кризисы перепроизводства, когда нет платежеспособных потребителей. У нас недостатка потребителей, именно платежеспособных потребителей, нет. Наоборот, у нас кризисные явления принимают форму товарного голода и являются кризисами недопроизводства, ибо благодаря нашей политике зарплаты, политике цен и налоговой политике по отношению к большинству крестьянства платежеспособный спрос опережает рост производства. В отличие от капиталистического хозяйства, исто-

[1] См. «Эконом. Бюллетень», К. И. 11—12 1927, стр. 15.

щение емкости внутреннего рынка у нас невозможно. И поэтому капиталистические государства ищут внешних рынков, убегая от истощенных внутренних рынков, а для советского хозяйства внешние рынки исполняют другую функцию.

Это — одно. А если и случается у нас недостаточная нагрузка новых электростанций и т. п., на что указывает Альб. Л. Вайнштейн, то это явление не неизбежное в наших условиях, а случайное, вызванное неувязкой плановой работы, могущей быть изжитой. Поэтому сравнивать наше недопроизводство с перепроизводством капиталистического хозяйства, — это значит не заметить самого существенного в советской хозяйственной системе, отличающей ее от капиталистического хозяйства.

Да, но ведь у нас в СССР, — восклицают Вайнштейн и другие, — получается перепроизводство благодаря снижению или по крайней мере административному закреплению цен. Если бы и капиталистическое хозяйство снижало цены, то и там получилось бы не перепроизводство, а недопроизводство.

Да, если бы капиталистическое хозяйство отказалось от основного мотива своей хозяйственной деятельности — от получения прибыли, если бы оно отказалось от использования рыночной кон'юнктуры в этих же целях, да при этом при зарплате не руководствовалось теми же самыми мотивами, в результате чего не происходило бы истощение внутреннего рынка, тогда... оно перестало бы быть капиталистическим хозяйством, и тогда, несомненно, кризисы капиталистического хозяйства имели бы другую форму и другое социальное содержание.

В этом ведь сущность вопроса. Наши кризисные явления имеют иной источник и иное социально-экономическое содержание, и поэтому и изживание этих кризисных явлений должно быть совершенно иным. Не возврат к стихийности

рынка — не к военно-коммунистическим методам «полного и законченного» распределения, а переходные меры, сочетающие рынок и план.

Поэтому-то и планирование не может ограничиться только «предвидением» стихийных процессов, как этого добиваются Кондратьев, Юровский, Вайнштейн и др., а целевой установкой, т. е. развития производительных сил в определенном направлении, основанном как на учете реальных ресурсов страны, так и на тех процессах товарно-рыночных отношений, которые существуют у нас и которые, несомненно, могут перевернуть наши планы, если планирование не будет в должной мере с ними считаться.

VII.

Из всех предыдущих рассуждений ясно, что обе эти альтернативы неприемлемы и что нужно найти что-то среднее между этими двумя путями. Если мы не признаем за законом ценности единого и неограниченного регулятора нашего хозяйства, то это не означает, что мы можем и должны отказаться от здоровой денежной системы, могущей обеспечить у нас твердую и устойчивую валюту. Только при этом условии мы можем планировать и проводить те мероприятия в области регулирования нашего хозяйства, которые необходимы в интересах достижения социально-экономических целей, поставленных перед пролетарским государством. Основной поэтому вопрос, который нужно предварительно решить, это: возможно ли в наших условиях достижение намеченной нами в области денежного обращения цели — установление здоровой и устойчивой валюты. Мы не можем в настоящей статье детально рассмотреть все проблемы денежной и кредитной политики, при помощи которой в определенных условиях достигается относительная устойчивость валюты. Это требует самостоя-

тельного исследования и имеет практическое значение в период существования бумажно-денежного обращения.

Мы исходим в наших рассуждениях из необходимости в наших условиях не бумажного денежного обращения, а золотой денежной системы, в золотобанкнотной или в золотодевизной ее форме, которая наиболее реально обеспечивает устойчивость валюты и ее приобщение к мировому денежному обращению. Поэтому мы должны выяснить вопрос, в каких условиях возможно существование именно такой валюты, тем более, что как раз это и отрицается целым рядом цитированных нами выше советских экономистов.

Предварительным условием образования золотой валюты является определенное накопление валютного фонда, золотого резерва, который обеспечивал бы покрытие дефицита по расчетному балансу и свободу размена банкнотной иностранной валюты. Это последнее явление еще в большей степени требует валютного резерва, ибо при регулировании внешнего товарооборота путем монополии внешней торговли можно при известных условиях обеспечить активность торгового баланса и этим свести до минимума платежи по расчетному балансу полноценным золотом. Хотя потребность в иностранной валюте внутри нашей страны в качестве орудия сбережения на случай поколебания устойчивости нашей валюты тоже может быть ограничена определенными методами регулирования размена банкнот, но это регулирование как раз является самым нежелательным с точки зрения твердости валюты; оно ослабляет самый фундамент этой твердости, ограничивая свободный обмен банкнот на иностранную валюту, т. е. превращает разменные банкноты на неразменные, которым очень легко угрожает опасность превратиться в бумажные деньги.

Вопрос таким образом концентрируется в возможности накопления валютных резервов. Но источниками такого на-

копления могут быть экспорт, превышающий импорт, и отчасти добыча золота внутри страны. Развитие золотопромышленности в нашей стране, обладающей большим количеством месторождения золота, вопрос практически разрешимый, теоретически никем не оспариваемый и уже сдвинутый с мертвой точки. Разумеется, это требует средств для финансирования золотопромышленности, т. е. средств, из'ятых из источника, предназначенного для промышленного строительства. Несомненно, средства, идущие на развитие золотой промышленности, это — средства непосредственно непроизводительного характера. Они только посредственно через обеспечение твердой валюты обеспечивают развитие производительных сил страны. Если этот путь никем не оспаривается, то все же он требует времени, нельзя изо дня на день добиться таких успехов в области золотодобычи, чтобы из этого источника покрыть все нужды в валютном фонде. Поэтому второй источник накопления золотых и валютных резервов — экспорт — является и долго еще будет являться важнейшим источником, на который нам нужно обратить внимание при решении этого вопроса. Вокруг экспорта и концентрируются все критические замечания и теоретические споры.

Усиление экспорта нам необходимо для обеспечения твердой валюты, но для того чтобы усилить экспорт — необходима твердая валюта. И совершенно правильно указывают Юровский и другие, что неустойчивость валюты в наших условиях советской системы хозяйства является наиболее тяжелым фактом, бьющим по экспорту. Главным камнем преткновения для оздоровления нашей валюты через экспорт является, по их мнению, система регулирования внешнего товарооборота в форме монополии внешней торговли, ибо она мешает стихийному восстановлению соотношения между валютой и товарами. Ослабление покупательной силы валюты означает повышение цен товаров,

вызванное усилением платежеспособного спроса. В нормальных капиталистических условиях это затруднение ликвидируется притоком товаров из-за границы, оплачиваемых реальными платежными средствами, чрезмерное количество которых повышает цены на внутреннем рынке. Если же этот регулятор ограничен в своем действии, и импортный план при монополии внешней торговли по целому ряду соображений не регулирует этого соотношения внутри страны привозом необходимых товаров, то повышенный платежеспособный спрос на рынке остается действовать и ослабляет покупательную силу валюты. В дальнейшем же оно приводит к целому ряду пертурбаций на рынке. Во-первых, растет спрос на иностранную валюту, ибо национальная валюта уже не может исполнять функций сбережения, во-вторых, ухудшаются виды экспорта, ибо производитель экспортных товаров сразу попадает в худшее положение в сравнении с другими производителями, его товары обесцениваются, в то время как товар-золото повышается. Получается разрыв между покупательной силой валюты внутри страны и ее вексельным курсом, или, иначе говоря, разрыв между ценою всех товаров и ценою мирового товара золота. В дальнейшем оно имеет те последствия, что значительно ухудшается и добыча золота внутри страны, ибо цена золотого товара внутреннего производства определяется не на внутреннем рынке, а на мировом рынке. Если бы мы хотели платить за золото внутреннего производства внутреннюю производственную цену, тогда мы должны были бы повысить цену на этот товар, т. е. девальвировать нашу валюту и тогда за другие товары нам пришлось бы уже платить в девальвированной валюте, т. е. повысить цену. Повышая же цены на все внутренние продукты всех товаров, мы должны были бы провести полную переоценку всех других товаров и заработной платы в том же числе, что со своей стороны снова вызовет повышательную тенденцию всех товаров, включая и

товара золота, т. е. мы очутились бы на том же самом месте.

Таким образом, чтобы выйти из этого заколдованного круга — восстановления твердости валюты и выравнивания ее покупательной силы с вексельным курсом — есть две возможности: или допустить свободный приток товаров, который, восстановляя соотношение между спросом и предложением внутри страны, укрепляет валюту и раскрепощает сдерживающие тенденции у производителей экспортных товаров, или же необходимо сократить платежеспособный спрос населения и привести его в соответствие с внутренним производством страны.

Если для нас неприемлем по целому ряду причин первый путь, то второй путь — приведение в соответствие платежного спроса с внутренним производством страны — связан с целым рядом трудностей. К этим трудностям принадлежат трудности социально-экономического порядка, имеющие временный характер и вызванные изменением социального характера нашего государства, которое, раскрепостив доселе эксплоатируемые классы, вызвало рост потребления трудящихся масс, которому еще до сих пор не противостоит соответствующий рост производства. Несомненно, что в царское время возможность экспорта обусловлена была в значительной степени как систематическими голодовками крестьян и нарушением воспроизводства их хозяйств, из которых всяческими экономическими и административными мерами выколачивали продукты для экспорта, так и низким уровнем потребления рабочего класса. Этот источник усиления экспорта отпал с октябрьского переворота, но не наступил еще момент, когда положительные стороны социального переворота выявились в росте производства, могущего обогнать повышенное потребление, соответствующее культурному под'ему трудящегося

населения. Этот момент несомненно раньше или позже должен наступить. И вопрос сводится не к принципиальной непригодности существующих методов регулирования, мешающих стихийному разрешению этого противоречия, а к нахождению соответствующих мер временного порядка с целью приведения платежеспособного спроса и личного потребления в соответствие с количеством товаров внутри страны. Если среди правительственной партии могут быть разногласия насчет применения тех или иных методов или мероприятий для сбалансирования спроса и предложения товаров, то неприемлемы те предложения, которые вносятся некоторыми советскими экономистами, идущими по линии сдержания темпа роста благосостояния населения, вроде снижения заработной платы, повышения цен, усиления интенсивности труда без связи с улучшением производственного аппарата и т. д., как это например предлагают Кондратьев и др. К таким мероприятиям нужно будет прибегнуть только тогда, когда исчерпаны будут другие средства вроде принудительного накопления или развития государственного кредита сберегательных касс и т. д. Пока развитие этих путей идет довольно успешно, и нет основания изменять этот метод.

Более серьезным аргументом против наших методов планирования и регулирования с точки зрения сохранения твердости валюты является утверждение, что в наших условиях роста планирующих элементов административного регулирования цен и давления на рыночные отношения теряется и исчезает возможность выявления первых признаков несоответствия между платежеспособным спросом и предложением в целях принятия соответствующих мероприятий до того момента, когда это несоответствие разрастается в серьезное нарушение равновесия.

Остановимся на этом аргументе и постараемся его разобрать.

В нормальных условиях капиталистического хозяйства органами, наиболее чутко реагирующими на нарушения равновесия народного хозяйства, являются вексельный курс валюты, движение цен на товары и высота учетного процента. При существовании в наших условиях регулирования учетного процента независимо от движения денежного рынка — целиком и полностью устранен этот орган, воспринимающий кон'юнктурные изменения на рынке или реакцию рынка на те или иные нарушения производственного процесса всего хозяйства.

С отменой свободного размена банкнот на иностранную валюту и с регулированием этого обмена, при неизменном курсе нашей валюты, утерян и второй орган, воспринимающий нарушения внутри народного хозяйства, и разрыв между вексельным курсом и паритетом не воспринимается никакими легальными органами, если не считать черную биржу, которая не может заменить рынка иностранной валюты и цены которой включают в себя и страховую надбавку на предмет тяжелого наказания за нелегальную деятельность.

Единственным остающимся органом является движение цен на товарном рынке. Но и здесь методы планирования и регулирования значительно ослабляют чуткость восприятия нарушенного равновесия.

У нас регулируются отпускные цены вне зависимости от спроса, регулируются розничные цены государственных, кооперативных торговых предприятий, а отчасти даже и по отношению к частной торговле имеется возможность устанавливать розничные надбавки к оптовым ценам. Таким образом, индексы цен находятся под сильным давлением регулирующих органов и не в состоянии отражать соотношения спроса с предложением.

«Индексы оптовых цен, — говорит Юровский, — не отражают фактов бестоварья, и цены, на которых

они построены, не всегда являются ценами равновесия между спросом и предложением. Оба индекса (розничный и оптовый) не отражают и изменений в качестве товаров».

Единственным не регулированным до сих пор явлением рыночного характера являются очереди у магазинов, и некоторые остроумные статистики-кон'юнктуристы хотят даже построить «индекс очередей», для того чтобы найти хотя бы один свободный от административного вмешательства, впечатлительный и чуткий орган, на изменении которого можно было бы определять рыночную кон'юнктуру. В таких условиях несомненно затрудняется или делается невозможным восприятие своевременных изменений в народном хозяйстве и выявление нарушенных пропорций. И наиболее правильным в таких условиях хозяйствования был бы, по их мнению, переход к полному планированию.

Если мы регулируем наше хозяйство, то не можем не исходить из стремления к равновесию народного хозяйства.

«Всякой хозяйственной системе, — говорит Юровский, — необходимо равновесие, по крайней мере, всякой системе, рассчитанной на длительное существование» — и этим условием равновесия связано государство при регулировании цен. «Организация очередей, — ехидствует Юровский, — не может рассматриваться как прием экономической политики и подлинный метод преодоления тех затруднений, которые вытекают из отсутствия равновесия между спросом и предложением. Преодолеть эти затруднения можно, правда, при помощи системы пайка, известной всем по опыту войны и революции. Но эта система, действительно означая преодоление рынка, после «успешной», или, может быть правильнее сказать, «безуспешной», борьбы с ним, — именно поэтому означает

решительный и даже заключительный шаг к ликвидации в данной сфере товарно-денежного хозяйства».

Так обстоит проблема во всей ее величине и сложности. Если исходить из того, что у нас существует товарно-денежная система, а она несомненно существует как в государственном секторе, так и в частном хозяйственном секторе, в особенности в крестьянских хозяйствах, тогда необходимо, чтобы наши регулирующие мероприятия исходили в своей политике из условий товарно-денежного хозяйства. Но это, разумеется, не означает, что мы должны полностью и целиком восстановить рыночную стихию в целях как восприятия нарушенного равновесия, так и стихийного рыночного разрешения возникших диспропорций. Плановые и регулирующие органы в первую очередь имеют целью своей именно заменить рыночную ликвидацию возникших диспропорций плановым воздействием, ибо, как это уже много раз было сказано, рыночное лечение воспроизводит классовый антагонизм. Это не означает ликвидации товарно-денежной системы. Товарно-денежная система исчезнет вместе с товарным характером производства и не раньше. Ошибочность взглядов Преображенского состоит в том, что он предполагает, что у нас существуют два независимые и друг с другом не связанные сектора народного хозяйства — государственный и частно-товарный и что в государственном секторе действует один регулятор, а в частном секторе другой регулятор и вся борьба между этими секторами сводится к тому, чтобы один сектор с'ел другой сектор, чтобы регулятор плановый выталкивал закон ценности, регулятор частного хозяйства. Он упустил из виду, что распределение средств и производительных сил между этими двумя секторами тоже регулируется законом ценности и что государственный сектор всеми своими

частями соприкасается с частным сектором. В ту же самую ошибку впали и те, которые говорили о «двуедином» регуляторе нашего хозяйства. Но если и признать вместе с Юровским, что, как ни своеобразны черты нашего хозяйства, оно принадлежит к товарно-денежной системе, то все же мы имеем возможность отказаться не только от стихийного рыночного ликвидирования нарушенных пропорций, но и от целого ряда признаков, воспринимающих это равновесие. Регулирование цен не означает еще отказа от ценностного измерителя. Регулирование происходит на базе ценностных отношений. Оно стремится к сознательному планомерному влиянию на рыночные отношения. Планирование имеет своей целью овладеть аппаратом рынка, чтобы им руководить в интересах как планового сочетания производства отдельных отраслей народного хозяйства, так и соотношения между социальными группами населения. Планирующие органы стремятся и должны стремиться к установлению рыночной устойчивости, ибо это обеспечивает наиболее целесообразно, с точки зрения нашей социально-экономической политики, перераспределение национального дохода. Но это никоим образом не означает преодоление товарно-денежной системы; наоборот, для того чтобы наиболее успешно руководить рынком, необходимо обладать здоровой денежной системой, которая точно воспринимала бы ценностное отношение отдельных товаров. Наша денежная система должна выполнять самым точным образом все свои функции, ибо только тогда можно овладеть рыночным аппаратом. Если денежная система не выполняет, например, функции накопления, то невозможно никакое регулирование рынка, ибо тогда все карты перемешаны, нарушается эквивалентность товаров, нарушается процесс накопления в отдельных социальных группах населения и т. д. Словом, уничтожается

тот аппарат, в руках регулирующего органа, который желал бы вести коррективы в общественных отношениях страны, согласно определенным социально-экономическим «замыслам».

Возьмем один конкретный пример. Нам известно из прошлого, что цены на сельскохозяйственные продукты не одинаковы в разное время, — осенью они дешевле, весною дороже; осенью принуждены продавать хлеб менее зажиточные крестьянские хозяйства, придержать же продукты сельского хозяйства до весны могут только зажиточные группы крестьянского населения. При таких условиях «рыночные отношения» систематически укрепляют, развивают и обогащают более зажиточные крестьянские хозяйства и сталкивают со ступеньки на ступеньку середняцкие и бедняцкие хозяйства, которые зачастую принуждены по высокой цене покупать тот же самый хлеб, который они осенью продали дешевле. Регулирование хлебного рынка, установление одной цены несомненно оздоровило бы все производства. Серьезного нарушения товарно-денежной системы не получилось бы, а социально-экономический эффект был бы несомненный в смысле материального улучшения беднейших крестьянских хозяйств. Таких примеров можно привести очень много, причем не все, однако, так просты и так легки, — есть целый ряд очень сложных взаимоотношений производственного характера, которые планированием и регулированием дали бы и производственный и социально-экономический эффект. Это требует несомненно детального изучения рыночных отношений, которые влияют на ту или другую конфигурацию производства в качественном и количественном отношении. Все эти мероприятия не ликвидируют товарно-денежной системы, а, наоборот, возможны только на базисе этой системы, и они отвечают социально-экономическим целям государства, т. е. классовым интересам трудящихся масс города и деревни.

Несомненно, они требуют не только изучения этих явлений, но также и чуткого аппарата, могущего выявить неправильности регулирования и планирования. Такими органами не обязательно должны быть учетный процент или вексельный курс, а также свободное ценообразование. Самым важным мы считаем в теперешних условиях существования неразменных банкнот, существование которых не обязательно связано с планирующим хозяйством, возможность выявления несоответствия кредитной экспансии с ресурсами страны. Ибо это бьет по валюте, но для этого вполне достаточно впечатлительности кредитного аппарата. Кредитный аппарат должен иметь возможность корректировать планы, когда он через свои щупальцы воспринимает какие-то нарушения на рынке. Через свою связь с промышленными и торговыми организациями он воспринимает эти нарушения скорее и легче, чем органы, фиксирующие изменение цен, он также имеет возможность в значительно более скором времени, а тем самым и более успешно вести необходимые коррективы. В этом отношении роль нашего кредитного аппарата значительно превышает ту роль, которую он может играть в капиталистическом хозяйстве. Централизованный в руках государства со своими разветвлениями по всем линиям — по производственной, торговой линии и во внешнеторговых отношениях, он в состоянии прощупать и валютный рынок, и денежный рынок, и товарный рынок и воспринять самые незначительные и неуловимые диспропорции и временные нарушения равновесий. Поэтому сугубо неправы те, которые предлагают включить в кредитный аппарат жесткие нормы планирования, ошибочно предполагая, что кредит — такая же самая отрасль хозяйства, как производство, торговля, транспорт и т. п. Но спор с этими сторонниками планирования лежит в другой области, нежели наш спор с Юровским и другими защитниками свободы рыночной сти-

хии. Если т. Наглер и др. утверждают, что «денежное обращение и кредит являются одним из секторов народного хозяйства, развивающимся параллельно со взаимоотношениями других секторов и являющимся таким же самым об'ектом государственного планирования, как, напр., промышленность, торговля, транспорт» [1], то они исходят из патриотических целей получения как можно больше средств из банковской эмиссии на нужды промышленного строительства, причем из этих же побуждений они преувеличивают успехи нашего планового хозяйства в борьбе со стихией [2].

Это «увлечение» легко поддается лечению.

Труднее обстоит дело с лечением взглядов на спасательную роль рыночной стихии у вышепереименованных авторов. Они упускают из виду социально-политические задания советского государства и в своем неверии обойтись без рыночных методов восстановления равновесия они отказываются от планирующих методов нашего хозяйства, преувеличивая трудности связанные с этим планированием, скатываются к тому взгляду, что только света, что в капиталистическом окошке. Для них планирование имеет только смысл как планирование «по нужде», т. е. планирование типа военного коммунизма, вызванного нуждами войны и обороны, как это нам образно представил Юровский в одной из первых глав своей книги. Всякое другое планирование, от лукавого. Не осознав социально-политического смысла планирования, они скатываются, под влиянием трудностей, переживаемых нашей страной, к капиталистическим методам хозяйствования; скрывая социально-экономические и поли-

[1] «Кредит и хозяйственный план», См. Г. Л. Наглер, «Кредит и хозяйство», 1927 г., № 5.

[2] См. об этом нашу статью «Плановое хозяйство и кредитная система». «Финансы и Народное хозяйство», еженедельный журнал НКФ, № 18 от 1/V—1927 г.

тические последствия этих методов, которые, не обеспечивая страну от неизмеримо более глубоких пертурбаций, неизбежно ведут к возрождению классовых группировок в нашей стране и отказу от советской системы хозяйства. Против этого прилива волны «неверия» и «сомнений», против этого возрождения капиталистической идеологии необходимо тем резче выступить, чем сильнее препятствия, стоящие на нашем пути, которые нужно преодолеть. С преодолением этих «сомнений» и этого «неверия» должна и начаться борьба с об'ективными препятствиями.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Проблемы экономической политики после 10 лет Октября	5
I. Социалистическая революция против империалистических войн	—
II. Десятилетие достижения Октябрьской революции в освещении кадетско-меньшевистских политиков	15
III. Троцкистская оппозиция и ее пути «спасения» достижений Октября	20
IV. Социально-экономические задачи планирования	34
V. Хозяйственные итоги и перспективы	44
VI. Успехи и трудности планирования	56
VII. Пути изживания капиталистических отношений в деревне.	76
VIII. Заключение	88
Неокапиталистическая идеология в советской экономической литературе	91

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

А. АЗИЗЯН и И. ВЕЛИКЕВИЧ
АРЕНДНОЕ ОТНОШЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ
Под редакцией и с предисловием Я. А. Яковлева
Стр. 204. Ц. 2 р.

Н. П. КОЗЕРЕНКО
ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС И БОРЬБА С НИМ
Стр. 265. Ц. 2 р.

Проф. П. И. ЛЯЩЕНКО
ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
Допущ. ГУСом в качестве учебного пособия для вузов
Стр. 520. Ц. 4 р., в/п. 4 р. 40 к.

В. МИЛЮТИН
АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СССР
Издание второе, дополненное
Стр. 346. Ц. 2 р. 45 к.

В. П. МИЛЮТИН
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР (1917—1927)
Стр. 418. (Распродано. Гот. 2-е изд.) Ц. 3 р. 50 к.

П. ПЛЕШКОВ
НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР
Под редакцией и с предисловием Я. А. Яковлева
Стр. 115. Ц. 1 р. 10 к.

С. Г. СТРУМИЛИН
ОЧЕРКИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ
Ресурсы и перспективы
Стр. 498. Ц. 5 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН В. И.

О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Статьи и речи

Изд. 2-е. Стр. 228. Ц. 40 к.

ЛЕНИН В. И.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Хрестоматия по Ленину
Составил Г. И. Крумин

Изд. 2-е, исправл. Стр. 376. Ц. 1 р. 85 к.

В. Г. ГРОМАН

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

Стр. 64. Ц. 40 к.

КРИЦМАН Л.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Опыт анализа так называемого «военного коммунизма».

Изд. 2-е. Стр. 272. Ц. 1 р. 75 к.

МАСЛОВ П.

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Стр. 230. Ц. 2 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ПОГРЕШНОСТИ

В книгу вкралась по недосмотру грубая погрешность: к помещенному в начале книги предисловию автора (стр. 3) вместо заголовка „**Предисловие**“ ошибочно дан заголовок: „**Вопросы экономической политики на грани второго десятилетия**“.

Сверх того, в том же предисловии, на той же странице, строка 7 снизу вместо напечатанного: „**возможными трудностями**“ следует читать: „**возникшими трудностями**“.

В конце предисловия (стр. 4) пропущена дата „июль 1928 г.“.

75 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Под ред. М. Г. Бронского, Ш. М. Дволайцкого и М. А. Савельева, при ближайшем участии Н. Н. Баранского, М. И. Галицкого, С. Т. Кистенева и И. А. Трахтенберга. Отв. секр. ред. Н. С. Семенович

6-й год изд. 6 книг в год

Журнал „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО" ставит основной своей задачей исследование важнейших вопросов современной экономики, теоретическое обоснование основных задач экономической политики и отдельных проблем экономической жизни, систематическое и всестороннее освещение состояния и динамики хозяйства СССР и мирового хозяйства в целом и по отраслям

Журнал уделяет также серьезное внимание периодическому освещению и критической оценке выходящей в свет экономической литературы как русской, так и иностранной

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год — 20 р. на ½ года — 10 р. || ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—3 р. 50 к.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата: Москва, Ильинка, 3. Телефон: 4-87-19, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у писмоносцев